

Р. о. н. н. 91 ч 12

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
ДРАМАТИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ

И ПЕРЕВОДОВЪ

А. Ф. ФЕДОТОВА.

ТОМЪ II.

Про бѣлаго бычка. Комедія въ 4 дѣйств.
Люди. Сцены изъ Петербургской жизни.
Хрущевскіе помѣщики. Комедія въ 4 дѣйств.

Издание А. А. Карцева.

МОСКВА.

Типо-Лит. Д. А. Бончъ-Бруевича, Нѣмецкая ул., Бригадирскій
пер., д. Т-ва Кувшинова.

1890.

Р. о. тит. 91 ч (2)

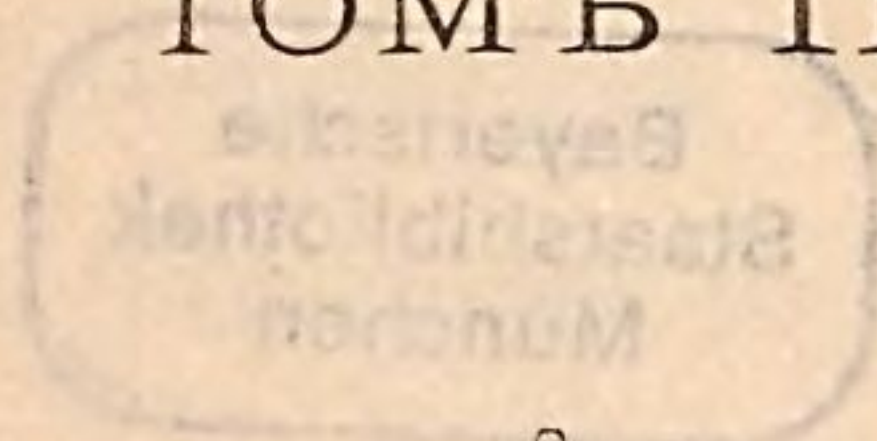
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

ДРАМАТИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ

И ПЕРЕВОДОВЪ

А. Ф. ФЕДОТОВА.

ТОМЪ II.

Издание А. А. Карцева.

МОСКВА.

Типо-Литографія Д. А. Бончъ-Бруевича, Нѣмецкая ул., Бригадирскій
пер., д. Т-ва Кувшинова.

1890.

Fgt/75/5147

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Про бѣлаго бычка. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ.	1
Люди. Сцены изъ Петербургской жизни . .	181
Хрущевскіе помѣщики. Комедія въ 4-хъ дѣйств.	247

COLETTES

1. The first of these is the "Colette"
which is a very small and light
boat, and is used for fishing
and for other purposes.

ПРО БѢЛАГО БЫЧКА

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ съ эпилогомъ.

Представлена на С.-Петербургскомъ Императорскомъ
театрѣ 25 Сентября 1885 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

- Степанъ Степановичъ Петунниковъ, —
помѣщикъ средней руки, вдовецъ,
65 лѣтъ г. *Свободинъ*.
- Маша, — его племянница, 17 лѣтъ,
сирота, взятая имъ на воспитаніе
съ самаго ея дѣтства г-жа *Ильинская*.
- Василій Юрьевичъ Бѣлокопытовъ, —
отставной офицеръ, очень краси-
вый блондинъ, сосѣдъ Петунни-
кова по имѣнію г. *Далматовъ*.
- Владиміръ Львовичъ Ивановъ, —
30 лѣтъ, бывшій учитель, живетъ
въ Петербургѣ, командированъ
для осмотра школъ г. *Черновъ*.
- Анна Львовна, — сестра его, домаш-
няя учительница, подруга Маши,
живетъ въ домѣ Петунниковыхъ г-жа *Крашевская*.
- Трофимъ Кузьмичъ Крупениковъ, —
богатый купецъ въ гор. Коренасто-
вѣ, живетъ открыто, одѣвается
по-нѣмецки г. *Варламовъ*.
- Агафья Ниловна, — его жена, тучная
и высокая дама, родомъ изъ оску-
дѣлаго дворянскаго семейства г-жа *Левксева*.
- Любовь Трофимовна, — ихъ дочь. Ху-
дошавая, некрасивая дѣвица, лѣтъ
24; училась въ пансіонѣ г-жа *Федорова*.
- Настасья Николавна Рогожина, —
несмотря на свои 32 года, очень
красива и элегантна; родомъ изъ
купчихъ, свѣтски образована, за-
нята благотвореніями г-жа *Савина*.
- Ардаљонъ Михайловичъ Розаль-
скій, — невысокій, пріятно круглый
человѣкъ, лѣтъ 50, съ очень добро-
душнымъ лицомъ и прекрасными
бакенбардами. г. *Петина*.

- Кузьма Эрнестовичъ Фюрстъ,—адво-
каты, весьма чисто говорить по-
русски, носить монокль г. *Каширинъ*.
- Сила Саввичъ Крутолобовъ,—
кряжистъ и неразговорчивъ,
повѣренный Петунникова г. *Бродниковъ*.
- Маркель Волнистовъ,—изъ дво-
ровыхъ, былъ въ пѣвчихъ, но
выгнанъ; высокъ, худъ, под-
поясанъ по сюртуку ситце-
вымъ платкомъ, волосы пря-
мые и жидкіе, лѣзутъ на глаза. } адвокаты.
г. *Арди*.
- Живоглотъ,—кулакъ, мелкій земле-
владѣлецъ г. *Шкаринъ*.
- Живоглотиха,—жена его, низенькая,
толстенъкая женщина г-жа *Александрова*.
- Мухоморовъ,—отставной кавалерій-
скій генералъ, домовладѣлецъ въ
Коренастовѣ. Избранъ предсѣда-
телемъ комитета проектируемой
губернской сельско-хозяйственной
выставки г. *Сазоновъ*.
- Кисляковъ,—домовладѣлецъ, служить
по выборамъ. Избранъ вице-пред-
сѣдателемъ комитета выставки . . . г. *Ремизовъ*.
- Зотовъ,—старикъ, богатый купецъ,
владѣлецъ фабрики; одѣвается по
старинѣ. г. *Осокинъ*.
- Редакторъ г. *Ивановъ*.
- Репортеръ г. *Трофимовъ*.
- Семень,—кучеръ Петунниковыхъ . . г. *Горбуновъ*.
- Агафья,—кухарка. г-жа *Натарова*.
- Парфень Семеновъ. } прислуга
Константинъ. } Крупени-
Ванюшка. } кова.
- Энгелькронъ } молодые г. *Васильевъ*.
Степановъ } люди. г. *Аполлонскій*.
- Гости, дамы и разные губернскіе дѣльцы.

Время дѣйствія—нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Терраса барскаго дома въ деревнѣ Петунникова. Передъ ней расчищенное мѣсто въ саду. Въ глубинѣ рѣшетчатый заборъ и калитка. На террасѣ столъ съ самоваромъ и чайнымъ приборомъ. Время вечерняго чая.

ЯВЛЕНІЕ I.

Петунниковъ и Ивановъ.

Петунниковъ (*ходитъ взадъ и впередъ, горячо разговаривая съ Ивановымъ, который сидитъ въ креслѣ*).

Поймите, милый другъ: меня во всемъ процессѣ, Во всѣхъ ихъ кляузахъ и въ этомъ плутовствѣ Нахальство ихъ, ихъ наглость возмущаетъ.

Ивановъ.

Мошенники. Ихъ весь уѣздъ ругаетъ.

Петунниковъ (*продолжая*).

Здѣсь для меня вопросъ совсѣмъ не въ лѣсѣ;
Вопросъ не въ деньгахъ, дѣло въ существѣ,
Въ идеѣ, такъ сказать, въ самой идеѣ дѣла...
Когда-бъ подобная ракалія посмѣла
Помыслить только выступить на судъ,
На гласный судъ, чтобъ требовать чужаго?

Ивановъ.

Случись со мной—я далъ бы отступнаго
Отстань, молъ, чортъ съ тобой.

Петунниковъ.

Нѣтъ, пусть имъ зададутъ,
Пусть правый судъ накажетъ ихъ примѣрно!
Отстань... мирволить,—нѣтъ! нельзя такъ думать,
скверно!

Нельзя ихъ миловать, грѣшно ихъ поощрять,
Вѣдь это значить что?—Россію развращать.

Ивановъ

Вы все попрежнему, откуда что берется.
А выиграетъ онъ,—кому платить придется?
Вы только вспомните—придется все отдать...
Собака, псу отдать гнѣздо родное!
А вы свое—Россію развращать.

Петунниковъ (*набрасываясь на него*).

Позвольте, сударь мой, скажите мнѣ, какое
Рѣшеніе возможно на судѣ?
Какое? Правое?

Ивановъ.

Ну, это—какъ и гдѣ,
Какъ взглянуть.

Петунниковъ.

Дважды два—всегда четыре было!

Ивановъ.

Ужъ будто бы и такъ? Ну, нѣтъ-съ,—какъ по-
падешь,
Когда и гдѣ и съ кѣмъ считать начнешь.

Петунниковъ (*послѣ минутной
задумчивости*).

Нѣтъ, прежде, знаете, ей-Богу лучше было.

Ивановъ (*съ ироніей*).
Ужь будто бы и такъ?

Петунниковъ.
Бывало, — растолкуй, —
Поймутъ тебя.

Ивановъ (*такъ же*).
Поймутъ?... И такъ, онъ къ вамъ приходитъ,
Кряхтитъ, печалится и скромно рѣчь заводитъ:
Моль, такъ и такъ.

Петунниковъ (*продолжая*).
Я говорю: торгуй.
Онъ плачется — купить намъ не по силамъ.
А такъ его — „вобще“, въ компаніи бы свестъ...
Чтожъ, дѣло вѣрное, не мудрость тутъ разсчесть.
И лѣсъ-то старъ, деревъ съ полсотни сгнило...
А главное, коль правду говорить,
Ужасно мнѣ хотѣлось въ эту пору...
Вы помните за рѣчкой нашу гору?
Хотѣлось мнѣ подъ ней смолу курить,
Заводъ тамъ выстроить, зимой бы тамъ работа...
Подспорье-то какое мужику!

Ивановъ.
Не побоялись вы мерзавца Живоглота?

Петунниковъ.
Да что ужъ тутъ... За дѣло дураку...
Вѣдь былъ контрактъ...

Ивановъ.
Контрактъ? Вы съ нимъ-то и втесались?

Петунниковъ.
Втесался? Н... не совсѣмъ (*мѣняя тонъ рѣчи*).
Вотъ еслибъ вы остались

У насъ денекъ, другой... Идетъ?—А тамъ и въ
пусть,—
Вѣдь мы васъ года три въ Дубровкѣ не видали.

Ивановъ.

Сердечно радъ.

Петунниковъ *(ударяя по рукамъ)*.

Идетъ?—Поймете въ чемъ тутъ суть,
Когда узнаете всѣ кляузы, детали,
А въ нихъ-то все и есть, въ нихъ только и во-
просъ.

Ивановъ.

А заявленіе—нотаріусъ отнесъ?

Петунниковъ.

Да, да, къ нему домой нотаріусъ доставилъ.
Замѣтьте, мнѣ контрактъ свободу предоставилъ
Послать отказъ въ полугодичный срокъ—
Въ томъ случаѣ, коль я продать не пожелаю—
„Безнеустойчно“.

Ивановъ.

А срокъ давно истекъ?

Петунниковъ.

Чего истекъ? Суду я объясняю:
Отказъ послѣдовалъ... Забылъ теперь, не знаю...
Въ іюлѣ... въ августѣ... два мѣсяца впередъ.

Ивановъ.

Откуда же могла возникнуть неустойка?

Петунниковъ.

Истецъ въ прошеніи своемъ нахально вретъ:
Не получалъ онъ, видишь, заявленья.

Ивановъ.

А доказательства?

Петунниковъ (*нѣсколько запинаясь*).

Прехитрое сдѣпленье

Тутъ вышло... Такъ сказать... врутъ шайкой,
ловко, бойко...

Нотаріусъ за взятку объявилъ,

Что я не заявлялъ, что онъ не относилъ.

Ивановъ.

Нотаріусъ не можетъ отпираться:

На это книга есть.

Петунниковъ (*сконфуженно*).

Я... Совѣстно признаться,

Немножко слишкомъ я къ нему довѣрчивъ былъ...

Пріѣхалъ въ городъ, съ Машей, торопились...

Росписку-то спросить и позабылъ.

Ивановъ.

Къ чему обманывать? Признайтесь, постыдились?

Признайтесь, да?

Петунниковъ (*совсѣмъ сконфузился*).

Положимъ, что и такъ...

Ивановъ.

Степанъ Степанычъ, вы ужаснѣйшій чудакъ!

Петунниковъ.

По вашему—чудакъ,—кто вѣритъ чести,

Нельзя же каждаго мошенникомъ считать,

Такъ жить нельзя...

Ивановъ.

Нельзя,—сиди на мѣстѣ,

Полѣзъ въ дѣла, — росписки надо брать (*Молчаніе*).

(*Ивановъ раздумывая*).

Ехидную, ахтительную штуку
Состряпали, каналы...

Петунниковъ.

Надо мной?
Состряпали. Да я не унываю, —
Небось не маленькій, читалъ законы, знаю.
Законъ не милуетъ за этакій разбой.

Ивановъ.

Законъ-то твердъ, законники-то гнутся,
Законъ въ рукахъ людей, а люди продаются,
Вотъ что и страшно-то.

Петунниковъ.

Не страшно ничего, —
У насъ свидѣтели.

Ивановъ.

Кто? кто? Маркелъ Волнистовъ?

Петунниковъ.

Маркелка—воръ, найдутся безъ него!
Да вся деревня, всѣ, всѣ въ городѣ расскажутъ,
Всѣ подъ присягою, по совѣсти покажутъ.

Ивановъ.

Охъ, надо-бъ проучить, да такъ, что ой-ой-ой!

Петунниковъ.

Законъ проучивалъ не такихъ артистовъ.
(Увидя вдали въ саду Машу, кричитъ ей):
Марусенька, куда? Марусенька, стой!
Пришла бы къ намъ, да съ нами посидѣла!
(По секрету Иванову).
Ахъ, всѣ глаза моя Маруська проглядѣла.

Ивановъ.

На что-съ?

Петунниковъ.

Все ждетъ его... Бѣлокопытовъ тутъ.

Ивановъ.

Ага, пора любви... А онъ?

Петунниковъ.

Да что, онъ... плутъ.

А можетъ я и вру... Ужь, право, я не знаю...
Поймите, какъ я Машу обожаю,—
Я ей живу, дышу...

Ивановъ.

Что сдѣлаешь: любовь.

Петунниковъ.

Любовь... Смѣшно,—любовь!.. Вся закипаетъ
кровь,
Когда подумаю...

Ивановъ.

Любовь не въ нашей власти.

Петунниковъ.

Смерть рыцарей въ отставку не люблю!

Ивановъ.

Въ отставку онъ? Давно?

Петунниковъ (*разсѣянно*).

Не знаю я... недавно.

Не по сердцу... Не тѣ ужъ нынче страсти,
Не то, совсѣмъ не то... Я фальши не терплю,
А тутъ—такая фальшь... По виду парень слав-
ный—

Красивъ, приличенъ... Нѣтъ, — поправка имъ
нужна,

А съ ней, съ поправкой-то, пожалуй и жена.

Ивановъ.

А—Марья Павловна?

Петунниковъ.

Да что, она—ребенокъ.

Маша (за сценой).

Анюта! За лѣсомъ!

Петунниковъ.

Ишь—голосъ-то какъ звонокъ! (кричитъ ей):
Иди сюда скорѣй! Бѣгомъ бѣги, бѣгомъ!

Ивановъ (выходя изъ минутной
задумчивости).

А развѣ онъ тово... объявленъ женихомъ?

Петунниковъ.

Ни, ни! Спаси Господь! Я тонко отклоняю
Всѣ объясненія. Онъ ѣздитъ какъ сосѣдъ.
Прямого—Богъ хранилъ, законченнаго—нѣтъ.
И Маша думаетъ, и я подозрѣваю...
Она—ни слова мнѣ, и я не намекаю,
Ея характеру все это страшный вредъ.
То хмурится, молчитъ, а то весь день смѣется...
Умна становится, откуда что берется.
Какая тутъ любовь, — тутъ просто юный бредъ,
Стремленья смутныя къ высокимъ идеаламъ,
Любовь къ прекрасному... А въ этомъ глупомъ
маломъ —

На столько-жъ пошлости—на сколько въ ней ума.
Полгода, годъ пройдетъ—она пойметъ сама
Какъ онъ ничтоженъ, малъ... хоть онъ хитеръ
и тонокъ.

И жаль и страхъ беретъ: дитя, совсѣмъ ребенокъ...
Я счастливъ, что при ней сестрица ваша есть—
Отличный человекъ, отличный,—Анна Львовна,
Она всегда при нихъ.

Меня недаромъ такъ деревня вся зоветъ. (*Входя на террасу*).

О чемъ у васъ, у взрослыхъ, рѣчь идетъ?

Ивановъ.

Объ васъ-съ.

Маша.

Такая рѣчь ласкаетъ наше ухо,
А, право, лучше бы... толкуйте о себѣ. (*Обра-
щаясь къ Петунникову*).

Я, дядя, твой портретъ открыла на грибѣ.
Вотъ видишь: старенькій, въ морщинахъ, милый,
душка!

Петунниковъ.

Шалунья ты моя, обидчица, вострушка.

Маша.

Ага, вы слышите, какъ мнѣнья совпадаютъ!
Онъ такъ зоветъ меня, какъ бабы называютъ.
Зачѣмъ позвалъ? Зачѣмъ? Зачѣмъ—*Un p'tit baiser?*
Стой, стой же, не вертись, *je vais le déposer...*
Сама, сама, сама! (*Цѣлуетъ его*). Хорошій мой!..

Не скучно

Вамъ было здѣсь безъ насъ?—Какъ жарко, фу,
какъ душно,

Набѣгалась. (*Обмахиваясь платкомъ, время отъ
времени взглядываетъ на дорогу*).

Петунниковъ.

Что съ Машенькой моей?

А,—Анна Львовна? Что сегодня съ ней?

Анна Львовна (*улыбаясь*).

Нашелъ веселый стихъ.

Маша (*рѣзко*).

За то вчера ревѣла.

Ивановъ.

Объ чемъ-съ?

Маша.

Объ чемъ-съ? Объ томъ-съ... Не ваше дѣло.
Вы братъ ея,—я съ вами *sans façons* (*указываетъ
на Анну Львовну*).

Петунниковъ.

Voyons, Marie,—tu parles comme un garçon.

Маша (*ласкаясь къ нему*).

Оставь, пожалуйста, дворянскія привычки,
Французить—*c'est mauvais!*.. Я птичка не величка,
Меня простятъ... за то, что ноготокъ востеръ.
(*Замѣтивъ накрытый столъ*).

А самоваръ у васъ стоитъ до этихъ поръ?

Анна Львовна (*зоветъ*).

Иванъ! Возьмите чай.

Маша.

Зачѣмъ? А гость пріѣдетъ.

Петунниковъ.

Кому-жъ теперь?

Маша.

Кому? Не видишь, кто тамъ ѣдетъ?
Василій Юрьевичъ.

Петунниковъ.

Бѣлокопытовъ? Гдѣ?

Маша (*становясь на цыпочки*).

А вонъ — подъ лѣсомъ-то, вонъ — видишь верхового?

Петунниковъ.

Не вижу, нѣтъ.

Маша.

Слѣпой. Я знаю по ѣздѣ.
Ну гдѣ вы встрѣтите наѣздника такого?
А лошадь, правда ли, что прелесть—не лошадка?
Веселая... (*Замѣтивъ, что всѣ молчатъ, покрас-
нѣла до слезъ; отцу:*)

Какъ это глупо, гадко
Молчать, когда съ тобой отъ сердца говорятъ.
А ты чего, Анюта, замолчала? (*Та не отвѣчаетъ*).

Петунниковъ (*желая сказать
пріятное Машѣ*).

Василій Юрьевичъ? Я очень, очень радъ.

Анна Львовна (*также*).

И я... ужъ я его съ недѣлю не видала.

Маша.

Не ври,—онъ былъ у насъ три дня тому назадъ.
Ахъ какъ съ нимъ весело!

(*Анна Львовна помогаетъ слугѣ убирать чай.
Петунниковъ набиваетъ себѣ трубку. Ивановъ
сорвалъ вѣточку и обрываетъ съ нея листья*).

Фу, какъ мнѣ съ вами скучно...
Такъ скучно вдругъ, такъ слезы горло давятъ...
Вы злые, гадкіе... (*стѣла, кусаетъ платокъ и вы-
тираетъ имъ слезы. Небольшое молчаніе. Анна
Львовна подходитъ къ Машѣ*).

Анна Львовна (*тихо ей*).

Ты, Маша, малодушна;
Пора тебѣ ребячество оставить,
Нельзя всего такъ прямо говорить.

Маша (*также*).

Такъ лгать, по вашему? Тебѣ легко судить,—
Ты развѣ въ жизнь свою кого-нибудь любила!

Ведемъ мы, умный, дѣльный разговоръ?
Вамъ нравится?

Анна Львовна.

Какой ты мелешь вздоръ.

Ивановъ.

Какая муха васъ сегодня укусила?

Маша.

Меня? Комаръ. А васъ?

Ивановъ (*смѣясь*).

Меня-съ? Да я ужь старъ,
Мнѣ скоро за тридцать... Вы—молодость, вы—
сила,
А мы ужь что,—насъ можно пощадить.

Маша (*серьезно*).

Мы сила? Мы?... (*невольно вздохнула*). Легко вамъ
говорить...

Вотъ старость—сила... Да? Нѣтъ, старые—умнѣе
И опытнѣй, и люди имъ виднѣе,
И все... А мы... Вѣдь это правда? Да?
Мы глупые... (*Задумывается*).

Петунниковъ (*увидавъ Бѣлоко-
нытова верхомъ
на лошади*).

Вѣзжайте къ намъ сюда,
Здѣсь ближе, садомъ... Э .. а вы позабыли
Лошадку-то! (*Зоветъ*). Иванъ! Скажи, чтобъ по-
водили.

(*Иванъ выбѣжалъ принять лошадь*).

Маша (*также сосредоточенно
Иванову*).

Мы глупые...

Ивановъ (*улыбаясь*).

Зачѣмъ-съ?.. нѣтъ, мы глупѣе были.
Философъ вы, сударыня.

Маша (*задумчиво*).

Глупа...

Ужасно какъ я мало размышляю.

(*Петунникову*). Будь съ нимъ любезнѣе, прошу
тебя, папа.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, и Бѣлокопытовъ.

Бѣлокопытовъ (*входя въ крѣпость
съ хлыстомъ въ
руку*).

Не сѣрдитесь, что поздно прїѣзжаю?

Петунниковъ (*полушутя*).

Напротивъ, рады вамъ.

Бѣлокопытовъ (*входя на террасу
и подавая ей руку*).

Vous êtes en bonne santé?

Маша.

Merci... (*Бѣлокопытовъ подаетъ руку Петунни-
кову и кланяется Иванову*).

Петунниковъ.

Ну что, какъ вы?

Бѣлокопытовъ.

Скучаю понемногу.

Петунниковъ.

А чѣмъ васъ подчивать?

Маша.

Annette, un verre de thé.

Бѣлокопытовъ.

Oh non, merci...

Петунниковъ.

Скажите ради Бога

О чемъ скучаетъ эта молодежь?

Вотъ въ вашемъ Питерѣ я скуку понимаю,

А здѣсь...

Бѣлокопытовъ.

Вы—въ Питерѣ, а я—я здѣсь скучаю.

Петунниковъ.

Да тамъ не то съ тоски, тамъ со смѣху умрешь.

Бѣлокопытовъ.

Нападки вѣчныя, вы слишкомъ, слишкомъ строги.

Петунниковъ.

Мы строги? Строги—мы?—Прикрикнуть, пригро-
зить,

Кивнуть на насъ—такъ мы давай Богъ ноги.

Нѣтъ, насъ ужъ чѣмъ другимъ,—не строгостью
корить;

А скука, батюшка,—полезнѣйшая штука.

Не подъ шарманку же намъ жить и умирать.

Владиміръ Львовичъ, такъ, Вѣдь правда?—Вы
знакомы?

Простите, батюшка, не мастеръ представлять,—

Знакомьтесь попросту... пожалуйста, какъ дома.

(Представляя ему Иванова и показывая на Анну
Львовну).

Ивановъ, братецъ ихъ.

Бѣлокопытовъ (привставая).

Лейбъ-гвардіи корнетъ

Бѣлокопытовъ.

Петунниковъ (*Иванову*)

Вы слышали чай? забыли?
Мы съ ихнимъ батюшкой весьма знакомы были,
Онъ былъ для всѣхъ для насъ пріятнѣйшій со-
сѣдъ. (*Бѣлокопытову*).

Бывало генераль охоту затѣваетъ,
Такъ на сто верстъ кругомъ весь край оповѣ-
щаетъ.

Бѣлокопытовъ (*не то шутя, не
то серьезно*).

Отецъ любилъ пожить; не мало проживалъ.
Онъ намъ три четверти наслѣдства промоталъ.

Петунниковъ (*нѣсколько скон-
фузился*).

Былъ вѣкъ такой, любили веселиться.

Бѣлокопытовъ.

А намъ-то вотъ за нихъ приходится платиться.
Скучать, въ деревнѣ жить...

Петунниковъ.

Въ деревнѣ-то и жить.

Бѣлокопытовъ.

Степанъ Степановичъ, легко вамъ говорить.
Вы здѣсь съ родными, съ близкими живете,
А я — одинъ... (*Обращаясь къ Машѣ съ томною
грустью*).

О, вы меня поймете, —

Не правда ли?

Маша.

Ты, дядя, не примѣръ. (*Бѣ-
локопытову*).

Вы знаете, вѣдь онъ ужасный старовѣръ.

Бѣлокопытовъ (*съ той же на-
пускной грустью*).

У васъ — племянница, у васъ — почтенный дядя,
У тѣхъ — семья, тамъ — милая жена...
А я — одинъ...

Ивановъ.

И вамъ жена нужна.

Бѣлокопытовъ (*дѣлаетъ видъ,
что не слыжалъ*).

Завидно мнѣ — на ваше счастье глядя.
Вернусь отъ васъ — тоска меня гнететъ...

Петунниковъ.

Займитесь чтеніемъ, пишите на свободѣ.

Бѣлокопытовъ.

Читать? Смѣшно сидѣть за книгой круглой годъ!
Чистописаніе — давно уже не въ модѣ,
Вѣдь это тоже скука въ новомъ родѣ:
Читать, писать... нѣтъ-съ, — это мнѣ нейдетъ.
Что въ ваши лѣта вы писатель — мнѣ понятно:
Отъ скуки мало ли что въ голову придетъ,
Но я...

Анна Львовна (*которая уходила
въ домъ за спич-
ками для Бѣло-
копытова*).

Въ деревнѣ жить въ семействѣ такъ пріятно.
Зимой особенно, въ семьѣ большой, большой.
Ты помнишь, Маша, какъ описывалъ Толстой
Деревню Ростовыхъ!

Бѣлокопытовъ.

Онъ шутъ невѣроятный.

Анна Львовна.

Онъ шутъ? Толстой?

Бѣлокопытовъ.

Толстой, извѣстный — Пьеръ, —
Извѣстный шутъ, Пьеръ, — конногренадеръ.

Анна Львовна (*покраснѣла за него*).

Нѣтъ, я напредила Мари про Льва Толстого —
„Война и Миръ“.

Бѣлокопытовъ.

Покаюсь — не читалъ;
А мнѣ слышалось — вы знаете другого,
Толстого — нашего.

Петунниковъ.

Я вашего не зналъ.
Мы знаемъ нашего, извѣстнаго, большого.

Бѣлокопытовъ.

А нѣтъ, тотъ маленькій, но страхъ какой живой.

Маша (*встаетъ съ мѣста и хочетъ сойти съ террасы*).

Бѣлокопытовъ.

Куда же вы?

Маша (*не глядя на него*).

Вамъ... нашего Толстого
Прочестъ — не лишнее...

Петунниковъ.

Куда же ты?

Маша.

Къ людской.

Семень изъ города, я видѣла, вернулся. (*Уходитъ*).

Петунниковъ.

Вернулся? Ну? (*Иванову*). Газеты привезли.
(*Взлядомъ проситъ Анну Львовну пойти за Машей. Та уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Петунниковъ, Бѣлокопытовъ и Ивановъ.

Петунниковъ.

Однако онъ тово, какъ скоро обернулся.
Опять, должно быть гналъ, навѣрно поднесли.
(*Иванову*).

Все жду насчетъ бычка отъ выставки отвѣта.

Ивановъ.

О чемъ?

Петунниковъ.

Все жду тово... согласья комитета, —
Желаю выставить.

Бѣлокопытовъ.

По поводу бычка
Забылъ сказать... Я видѣлъ, онъ гуляетъ
По хлѣбу, за мостомъ—тамъ, возлѣ кулака.
Тотъ на полѣ снопы нарочно оставляетъ;
Потрава больше дастъ; онъ дѣло понимаетъ.

Ивановъ.

Хозяйскій глазъ у васъ. (*Петунникову*). Велѣли бы
загнать.

Петунниковъ (*зоветъ съ террасы*).

Василій! Петинька! Матренѣ бы сказать —
Загнать бычка, онъ тамъ у Живоглота,
За мостикомъ!

Ивановъ (смѣется).

Ахъ, вамъ съ бычкомъ—забота!

Петунниковъ (оживленно и весело).

Позвольте, вы надъ нимъ не смѣйтесь, господа!
Бычекъ мой бѣленькій — единственный обломокъ
Величья прежняго; законнѣйшій потомокъ
Былыхъ временъ, эпохи увлеченья
Породами, машинами, значеньемъ
Свободнаго... дешеваго труда.
Онъ сынъ эпохи той, гдѣ мы, страны не зная,
Ни нашихъ нуждъ, ни силъ не сознавая, —
По книжкѣ начали и сѣять и садить...
Напутали, нарыли, нарубили
И—бросили!

Ивановъ.

Э, мы давно забыли.

Прошло—и ну его, не стоитъ говорить.

Петунниковъ (продолжая).

По книжкѣ начали, не вышло—обозлились.
Ужъ какъ же мы тогда на книжку напустились!
Вы помните, какъ начали трепать?
Какъ дѣти малыя, на ключья разорвали!
А сѣмена, какъ на смѣхъ, не пропали,—
Взошли... Тфу, чортъ возьми, опять давай читать.
Пошли ростки—и намъ опять живется!..

(Снова впадая въ веселый тонъ рѣчи).

Такъ вотъ-съ, отъ этихъ дней одно мнѣ остается—
Бычекъ мой бѣленькій, единственный приплодъ
Моихъ заботъ о скотскомъ воспитаньи... (Иванову).

Понятно ли мое законное желанье
Продуктъ сей выставить публично на народъ,
На выставку? Поймите же заботы,
Мою любовь къ нему!

Ивановъ.

Ишь—врать-то вамъ охота!..

Петунниковъ.

Болтливъ, сударь, болтливъ, Господь такъ уродилъ!

Бѣлокопытовъ *(снисходительно)*.

Нѣтъ, знаете, Степанъ Степанычъ—милъ.

Онъ очень милъ, когда бываетъ въ духѣ.

Онъ васъ до слезъ умѣетъ насмѣшить.

Петунниковъ *(привстаетъ и комически кланяется)*.

Отъ всей души спѣшу благодарить

За лестный отзывъ вашъ. *(Иванову съ намекомъ въ голосъ)*.

Легко вамъ говорить,

Вы на Олимпѣ нашемъ расцвѣтали,

А мы-то, Господи, чего мы не видали!..

Бѣлокопытовъ.

Я... удивлялся вамъ, я... я не разсуждалъ.—

Въ такихъ вопросахъ я, клянусь вамъ, Богъ свидѣтель,—

Не разсуждаю.

Петунниковъ *(повидимому совершенно серьезно)*.

Такъ-съ... Со всѣми жить въ ладу—
Девизъ прекраснѣйшій-съ. По древнему завѣту:
Плевать на все, молчи, себя не забывай.

Бѣлокопытовъ *(искренно въ тонъ ему)*.

Въ молчаньи, знаете, грѣха большаго нѣту,

Не даромъ заповѣдь сложилась: не зѣвай *(уходитъ за Машей)*.

Петунниковъ (завидя Семена).

А, вотъ—Семенъ.

Ивановъ (глядя вслѣдъ Бѣло-
копытову).

А тотъ ужъ къ нимъ удралъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Семенъ.

Петунниковъ (зоветъ).

Семень, сюда. Письмо не потерялъ?

Семень (приближаясь къ тер-
расть).

Степанъ Степанычъ, нешто намъ возможно
Терять? Помилуйте, да мы—ни Боже мой...
Какъ съ почты взяты, значить, осторожно
Въ платокъ, въ карманъ... Терять... Отвѣтъ
большой
Потеря-то... она—и... Господи, мой Боже!...

Петунниковъ.

Семень, ты пьянь.

Семенъ.

Зачѣмъ-съ? Нѣтъ, это ужь на что же, Намъ тоже пьянымъ-то не велѣно... Поднесъ Маркелъ Левонтьевъ, писарь аблакатный. Ну, дѣ-пьяна, позвольте, не могу... Вотъ передъ истиннымъ, ужь я, братъ, не солгу, Мы тоже съ разумомъ, довольно аккуратно...

Петунниковъ.

Да письма-то, ты письма-то принесть?

Довольно стыдно, н-да... Чуть-чуть не провалилось.

Пожалуйте (*Отдаетъ, наконецъ, письмо Петунникову*).

Петунниковъ (*беря письмо*).

Ступай-ко спать, Семень.

Семень.

Увольте. Вотчину мы, хва́лится, забрали.

Нескладно вретъ... Я тоже самъ уменъ.

Законовъ чтой-то мы такихъ-то не слыхали—

Чужую вотчину... хитеръ!

Петунниковъ.

Усни поди.

Семень.

Прощенья просимъ (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Петунниковъ, Ивановъ. (При послѣднихъ словахъ Семена входятъ) Маша, Анна Львовна и Блюкочытовъ.

Маша (*видя, что Петунниковъ не рѣшается распечатать письмо*).

Что-жъ ты не читаешь?

Отъ адвоката?

Петунниковъ.

Да... нѣтъ, послѣ, погоди.

Боюсь открыть... Характеръ скверный, знаешь, Привыкъ къ спокойствію... Ты строго не суди, Марусенька... боюсь.

Маша.

Позволь, мы прочитаемъ.

Петунниковъ (Иванову).

Стыжусь, признаться, но... какъ глупы мы бываемъ! (*храбро распечатываетъ и читаетъ письмо*).

«Спѣшу порадовать, рѣшеніе состоялось

«По дѣлу вашему—счастливое рѣшеніе:

«Судъ сдѣлалъ важныя четыре нарушенія.

«Комичнаго не мало разыгралось. (*Говоритъ*).

Какая странная манера выраженія. (*Читаетъ*).

«Нарушена девятая статья,

«Нарушена семьсотъ сороковая,—

«Кассационное рѣшеніе забывая,

«Опущена трехсотая статья.

«А восемь тысячъ семьдесятъ восьмая,

«Представьте—выгода какая для меня—

«Забыта» (*Говоритъ*). Что за чортъ, убей, не понимаю.

А... вотъ рѣшеніе: (*Читаетъ*). «И... и... судъ васъ присудилъ

«Къ уплатѣ»... Что?... «Къ уплатѣ неустойки

«Въ размѣрѣ сорока двухъ тысячъ»... Защитилъ!

«Попались судьи намъ хоть строги, да не бойки,

«Я далъ свободу имъ, немного говорилъ.

«Мы съ частной жалобой взойдемъ, а тамъ въ палату.

«Для апелляціи богатый матерьялъ.

«Сдеремъ съ истца полуторную плату;

«Процессъ забавнѣйшій»... Чтобъ чортъ тебя побралъ!

(*Опускается въ кресло, мнетъ письмо въ рукахъ; очень разстроенъ*).

Маша.

Дочти письмо, дочти...

Анна Львовна.

Не надо огорчаться.

Маша (*беретъ у него письмо*).

Дай я прочту. (*Читаетъ*). «Истецъ все дѣло проигралъ.

«Теперь ужъ я могу вполнѣ за васъ ручаться:

«Палата все вполнѣ наизворотъ рѣшить

«И съ нихъ еще и мнѣ, и вамъ приговорить.

«Придется имъ со мной порядкомъ посчитаться:

«Какъ выше сказано: — повѣстка безъ числа,

«Неточность въ копіи и прочія ошибки.

«Въ виду всего сего, мы можемъ безъ ошибки

«Разсчитывать»...

Петунниковъ (*перебивая*).

На что?

Маша (*стараясь его успокоить*).

Анюта принесла

Тебѣ воды, папа, голубчикъ, успокойся.

Петунниковъ.

Спокоенъ я... въ виду всего сего,

Въ виду... въ виду... А не въ виду того,

Что здѣсь обманъ! Ты, Машенька, не бойся—

Въ виду всего сего, авось не оберутъ.

Ты слышала, дружокъ, —мы правы, коль не врутъ.

Докажетъ онъ,—онъ, видишь, какъ хлопочетъ!—

Мошенниковъ, и тѣхъ для насъ ограбить хочетъ!

Ему, вишь,—мало насъ такъ, просто защитить,—

Онъ хочетъ намъ еще денегъенокъ притащить,

Стянуть съ мошенника—вѣдь мы съ тобою правы:

Ошибка въ копіи, въ формальностяхъ... О нравы!

Бѣлокопытовъ.

Палата это все вверхъ дномъ перевернетъ,—

Вѣдь онъ же пишетъ вамъ.

Петунниковъ.

Да, правда, — коль не вретъ.
(*Послѣ короткой паузы*).

А вотъ мы какъ: поѣдемъ-ко мы сами,
До Коренастова верстъ триста...

Маша (*перебивая его, говоритъ
ему въ тонъ*).

Кстати тамъ

И выставка.

Бѣлокопытовъ.

И я поѣду съ вами.

Петунниковъ (*ободрился*).

Такъ мы попробуемъ, — авось съумѣю самъ.

Бѣлокопытовъ (*перебивая его*).

Я въ нашемъ городѣ рѣшительно какъ дома;
А новый нашъ судебный персоналъ
Изъ Петербурга весь, мнѣ всѣ почти знакомы:
Одни по Буфу, съ тѣми танцовалъ...
Найду и связи и... отлично все устрою.
Повѣрьте, сдѣлаю, я правду говорю.

Петунниковъ (*съ худо скрытой
обидой*).

Сердечно-съ, искренно, душой благодарю.
Но я ходатайствъ, просьбъ, протекціи... не стою.
Мы — по закону, да-съ, прямымъ путемъ пойдемъ,
По правдѣ, знаете, простой, мужицкой, сѣрой...
Я былъ всю жизнь силенъ однимъ — великой вѣрой,
Что правда есть, живетъ... и правду мы найдемъ!

Бѣлокопытовъ.

Ну да, конечно — да, но... все же не мѣшаетъ,
Когда протекція...

Петунниковъ (посмотрѣвъ на него во всю глаза).

Я что же говорю?

Не то-ли самое-съ?—Душой благодарю.

Владиміръ Львовичъ, такъ? (хлопая Иванова по плечу).

Что, милый другъ, уткнулся?
(Съ горькой усмѣшкой).

Не отрекайся, братъ, и нищенской сумы...

Небось, — управимся.

(Большое и нѣсколько тяжелое молчаніе. Каждый занятъ своими размышленіями).

Ивановъ (вглядываясь за сцену).

Семень одинъ вернулся?

Петунниковъ.

А что?

Ивановъ (указывая вдаль).

Телѣжка тамъ.

Маша (вглядываясь).

Кумы моей, кумы,

Супруги нашего риваля, Живоглота.

Ивановъ.

Сюда подѣхали, идутъ сюда, въ ворота.

(Входятъ Живоглотъ, жена его и Маркелъ Волнистовъ и останавливаются въ глубинѣ, у калитки).

ЯВЛЕНІЕ ХІ.

Тѣ-же, Живоглоты и Маркелъ.

Живоглотъ (*кланяясь въ поясъ*).

Степанъ Степанычу-съ.

Петунниковъ.

Зачѣмъ?

Живоглотъ (*неръшительно при-
двигаясь*).

Поговорить.

Петунниковъ.

Поговорить?—Иванъ! Гони ихъ вонъ отсюда!

Живоглотъ.

Степанъ Степанычъ, мы—пришли не то для худа,
Мы—для добра.

Иванъ (*несмѣло выпроваживая
его*).

Извольте уходить.

Живоглотъ.

Постой,—Степанъ Степанычъ! Я—съ повинной.
Будь милостивъ, отецъ,—дозволь сказать.
Все этотъ аспидъ, мы тутъ не причинны,
Маркелка, насъ смутилъ. (*Маркелу*). Ну, кла-
няйся, подлецъ,
Проси. (*Старается нагнуть ему голову*).

Маркелъ (*встряхнувъ волосами*).

Да вы, Степанъ Степанычъ, не сердитесь.
Вы тоже, напримѣръ, извольте, разсудите-съ.
Юрдистъ, вобще всегда—кто деньги заплатилъ—

Тому и служить, тотъ ему и милъ.
Кто, значить, насъ, юрдистовъ нанимаетъ,
Тому юрдистъ вполнѣ во всемъ и потрафляетъ.
Такъ какъ же намъ душой-то не кривить? Не врать?
Да намъ безъ этого и хлѣба не видать.
Степанъ Степанычъ! Вы на насъ не обижайтесь
На счетъ подвоху-съ.

Живоглотиха (*говоритъ слезливо,
кланяется низко*).

Милость намъ явить,
Мы земно просимъ.

Петунниковъ (*отворачиваясь*).

Э, ступайте, убирайтесь,
Идите вонъ!

Живоглотиха.

Вѣдь намъ Господь помогъ.

Маркель.

Подвохъ юридическій законъ не возбраняетъ.

Живоглотъ.

Повѣрьте совѣсти, мы вотъ какъ, видитъ Богъ,
Ни въ чемъ синь пороха...

Маркель (*перебивая его*).

Подвохи сочиняетъ
Извѣстно кто? Юрдистъ; извѣстно—аблакать.

Живоглотъ.

Постой, Маркель, постой,—оставь, не суйся,
братъ...

Маркель (*не слушая его*).

Моя вина во всемъ. Ко мнѣ и предъявите,
А ихъ помилуйте, наплюйте и простите
По продолженію семнадцатой статьи.

Живоглотъ (видя, что Маркелъ
только раздража-
етъ Петунникова).

Да полно, ты, отстань, косушка ты пустая,
Не суйся.

Живоглотиха (обращаясь то къ
одному, то къ
другому изъ при-
сутствующихъ).

Батюшки, родимые мои,
Дозвольте вымолвить...

Петунниковъ (Иванову).

Исторія простая:
Они надѣялись, что тутъ, молъ, и конецъ;
А послѣ струсилъ, палаты испугались.

Живоглотиха.

Не то, кормилецъ нашъ, ей, ей, не то, отецъ...

Маркелъ (гордо).

Мы ни инстанціевъ, ни судьевъ не боялись,
А эти ихнія мужицкія слова
Отъ ихней глупости. Палата ихъ права,
Въ отдѣлку, значитъ, въ родѣ какъ болтами
Завинтитъ, — да-съ.

Петунниковъ.

Такъ, стало, между нами
И рѣчи ни о чемъ теперь не можетъ быть.

Маркелъ.

Нотаріусъ — въ отдѣлку отказался,
Документъ — вы не въ силахъ предъявить,
Какъ нѣтъ его... (Ухмыляясь) въ дѣлахъ не ока-
зался,

Свидѣтелевъ—нелзя, и всѣ у насъ правѣ,
Такъ намъ палата—тѣфу— не больше, трынѣ-трава.

Живоглотъ.

Да будетъ, чортъ. Ишь, аспидъ, привязался
Молчи.

Маркель.

Молчу-сѣ.

Живоглотъ.

А я... не то, чтобъ опасался,
А такъ я думаю: покончимъ однова,
На мировую бы... Судейскіе присудятъ,
Да только пслѣ-то... не вышло бы чего.

Ивановъ.

Вѣдь судъ рѣшилъ?

Живоглотъ (*почесывая въ затылкѣ*).

Рѣшилъ. А вдругъ, гляди—раз-судятъ...,
Оно потомъ, гляди,—и выйдеть—не тово.

Живоглотиha.

Намъ тоже, батюшка, въ Сибирь-то не охота.

Петунниковъ.

Ага,—вы слышите сужденье Живоглота?
Самъ даже онъ смущенъ, испуганъ, пораженъ.
Кривою правдою самъ ябедникъ сраженъ. (*Мар-
келю*).

Ну, что, юрдистъ, пропала вся работа?
Пошло назадъ?

Маркель (*увѣренно*).

Пустое говорятъ.

Робѣютъ по-пусту, привычки не имѣютъ:
По формѣ правъ—аминь.

Живоглотъ (*какъ можетъ про-
стоватъ*).

А если да нагрѣютъ
Въ загорбокъ-атъ? Не ты въ отвѣтъ, братъ?
Да ты молчи пока. Мы, можетъ, помиримся.

Маркель.

Миритесь, — мнѣ-то что? Отдайте гонораръ —
А тамъ хоть имъ свою усадьбу отдавайте,
За мѣсто ихней-то.

Живоглотиха (*испуганно*).

Какой тамъ гонораръ?
Чего еще? Чего?

Маркель (*гордо*).

Мы послѣ объяснимся,
Въ судебной каморѣ. Что значить гонораръ?
Холтуру знаете? Холтуру и подайте.
Холтура — вотъ она и будетъ гонораръ.
Оно — по новому и въ родѣ какъ другое,
Законное, — противъ холтуры вдвое.

Живоглотиха.

Вѣдь ишь краивный...

Маркель (*строго*).

Что-съ?

Живоглотъ (*останавливая ихъ*).

Постой. Молчи, жена.
(*Очень мягко Петунникову*).

Намъ, батюшка, твоя усадьба не нужна.
А вотъ лѣсокъ и пашня намъ сподручны.

Петунниковъ.

Сподручны? такъ торгуй.

Маркель (*подъ носъ себѣ*).

Довольно равнодушно

И такъ возьмемъ!

Живоглотъ.

Молчи. А мы бы такъ, ладкомъ...

Вѣдь неустойку намъ, примѣрно, отсудили
Цѣной въ Дубровку... Ну—усадебку съ домкомъ,
Примѣрно мы бы вамъ назадъ оборотили,
Да мировую бы... А мы ужъ вамъ во вѣкъ,
По гробъ рабы... (*Испугавшись взгляда Петун-
никова*).

И рощу...

Петунниковъ (*Ивану*).

Человѣкъ!

Иванъ! Гони ихъ вонъ! Мерзавцы! Негодяи!
Да что же, вы меня сочли за дурака?
Гони ихъ вонъ!

Маша (*останавливая его*).

Папà!...

Петунниковъ.

Гони всю эту стаю!

Мошенники...

Маркель (*гордо Живоглоту*).

Ефремъ,—пойдемъ. Отъ кулака
Хотѣлъ ты совѣсти, мечталъ про соглашенья!..
Ему даютъ посверхъ судебнаго рѣшенья!.. (*Пе-
тунникову спуская тонъ*).

А вы ругаетесь... ученые... пардонъ...
Довольно стыдно-съ... Ну, пойдемъ, Ефремъ, не
бойся—

За мной не пропадешь!

Бѣлокопытовъ (*наступая на него*).

Молчать!

Ивановъ (*очень спокойно*).

Ступайте вонъ!

Маркель (*нагло улыбаясь*).

Напрасно сердитесь.

Маша.

Папаша, успокойся.

Живоглотиха.

Вѣдь мы—жалѣючи.

Петунниковъ (*Маша*).

Уйдемъ отъ нихъ, уйдемъ.
Пойдемъ, Марусенька, пойдете, Анна Львовна.
(*Уходятъ; на сценѣ смеркается*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ-же, безъ Петунникова, Маши и Анны Львовны.

Маркель (*вслѣдъ Петунникову*).

Адью, Прощай! Ушелъ. Какъ страшно, словно
громъ.

Изъ тучи-ли? А можетъ что изъ кучи...

Живоглотиха.

Маркелычъ, боязно, ей, ей...

Маркель (*съ досадой*).

Анфисъ Петровна,
Не суйтесь вы... позвольте вамъ сказать. (*Иванъ
пробуетъ ихъ вѣжливо выпроводить*).

Живоглотъ.

Ты брось толкаться-то. (*Съ досадой и рѣшительно*).

Идемте, — наплевать.

(*Уходятъ въ калитку. Живоглотъ у калитки пріостановился и возвращается къ Бѣлокопытову, который находится въ глубинѣ сцены*).

Сконфузили меня... Вотъ-съ, ваше благородье, — Каки дѣла-съ... И къ вамъ позвольте завернуть На счетъ аренды. (*Тотъ что-то пробормоталъ*).
Что-съ?

Ивановъ (*видя все это, про себя*).

Поганое отродье —

На все бросаются.

Бѣлокопытовъ (*говоритъ тише, чѣмъ обыкновенно*).

Вы... можете взглянуть
Когда желаете, конторщикъ тамъ, въ усадьбѣ.

Живоглотъ.

А мы вамъ денежки — впередъ, какъ есть чтобъ
къ свадьбѣ.

Бѣлокопытовъ.

Къ какой?

Живоглотъ (*съ доброй и хитрой усмѣшкой*).

И полноте, — слухомъ земля полна...
Одно вотъ: тестюшка... лѣтами больно стары.
А баринъ — во какой. А ужъ сама...
Невѣста, напимѣръ... дѣвица-добродѣтель!
Такъ намъ зайти-съ?

Бѣлокопытовъ.

Зайдите.

Живоглотъ (*низко кланяясь*).

Благодѣтель...

Зайдемъ-съ. (*Понижая голосъ*). Вы тестюшку ма-
ненько бы тово... (*Тотъ не отвѣчаетъ*).
Прощенья просимъ. (*Уходитъ. Бѣлокопытовъ на-
правляется къ террасѣ. На сценѣ стемнѣло.*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Бѣлокопытовъ и Ивановъ.

Ивановъ.

Что за тары-бары
Онъ вамъ шепталъ?

Бѣлокопытовъ.

Шепталъ?... Не понялъ ничего.
Какой-то вздоръ. Вѣдь я... я ихъ не понимаю,
Я такъ всегда далекъ отъ мужиковъ.
(*Въ домѣ слышно фортепіано. Играютъ вальсъ
Шопена*).

Ага,—Шопенъ... Charmant.—Ахъ какъ я обожаю
Шопена вальсъ!... А вечеръ-то каковъ!

Ивановъ.

Сестра Анюта прелесть какъ играетъ
И любитъ музыку... (*Самъ съ собой*). Шопеномъ
утѣшаютъ...

Балуютъ стараго... Чудакъ изъ чудаковъ.
(*Въ это время Бѣлокопытовъ отходитъ въ глубину
сцены. На пороѣ показываются Маша и Петун-
никовъ. Музыка продолжается до конца дѣйствія,
время отъ времени, то стихая, то снова усиливаясь*).

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Маша, Петунниковъ, Ивановъ и Бьлокопытовъ.

Маша.

Какая тишь!

Петунниковъ.

Какое упоенье!

Какая ночь! (*Маша*). Поди сюда, поди. (*Обнявъ ее*).
Вонъ видишь: звѣздочки небесныя мерцають...
Какъ улыбаются! (*Понижая голосъ*).

Намъ тетя посылаетъ
Поклонъ... тебѣ и мнѣ... улыбку... погляди:
Такъ ласково блестятъ... (*Выходя изъ минутной
задумчивости*).

Большое утѣшенье—

Забытое давно, старинное сравненье,
Что звѣздочки—глаза усопшихъ душъ. Давно...
Лѣтъ сорокъ какъ жилось!.. Какъ будто все равно.—
Живешь... Привыкъ—живешь. Живешь—покуда
тлѣетъ

Остатокъ юности подъ этою золой...
А жизнь безъ прошлаго—зачѣмъ она? Долой,
Долой ее! Зачѣмъ, кому она не радость?... (*Ива-
нову*).

А? Такъ ли, милый другъ, не правда ли, вѣдь
гадость

Такая жизнь? Скотамъ она подъ стать!..

Маша.

А вотъ что, папочка, не лучше-ль перестать
Намъ философіей сердечной заниматься?
Разстроены ты, усталъ. Иди-ко раздѣваться
Да—баиньки,—пора. А въ этомъ ты не правъ,—
Нельзя же вѣкъ прожить однимъ воспоминаемъ.

„Зачѣмъ мнѣ жить“?... Зачѣмъ? (*Стараясь свернуть на шутку*).

Ты занятъ воспитаньемъ
Прелестной барышни... У васъ прескверный
правъ!...

Забыть меня? Забыть—живого человѣка...

А онъ, мнѣ кажется, достаточно живой,
Ему нужна—о, охъ,—хорошая опека,
А то онъ станетъ злой и глупый и дурной...
(*Иванову*).

Владиміръ Львовичъ, да? Да что же вы молчите?
Да будьте-жъ рыцаремъ, вступитесь, поддержите.

Ивановъ (*точно сейчасъ про-
снулся*).

Кого прикажете-съ?

Маша.

Само-собой—меня.

Мнѣ очень хочется, чтобъ дядя разсмѣялся,
Про все забылъ,—„весь міръ“... Но только не
меня...

Ты что прикинулся? Сейчасъ вѣдь улыбался;
Я видѣла.

Петунниковъ.

Все врешь.

Маша.

У!... Старый эгоистъ.

Петунниковъ.

Игрушечка моя, голубка дорогая...

Маша (*крѣпко цѣлуя старика*).

Неисправимый мой сѣдой идеалистъ!

Ивановъ *(съ наслажденіемъ вдыхая вечерній воздухъ)*.

А Русь-то матушка привольная, родная...
Ну есть ли гдѣ еще такая красота!

Петунниковъ.

Что значить молодость, — живутъ не разсуждая,
Не видятъ многого... Не та, братъ, Русь не та.
(Показывая вдаль).

Росла тамъ рощица. Теперь ужъ тамъ поляна.
Рѣка у насъ была обильна, глубока, —
Теперь — ручей бѣжитъ. Бывало встанешь рано —
Ружье, собаку — въ лѣсъ. Теперь тамъ ни пенька.
Болота, заводи, лягушекъ расплодили —
Пищатъ да квакаютъ... Гдѣ пѣли соловьи —
Дергачъ оретъ... Нѣтъ, мы, братъ, лучше жили...
Прошли вы, свѣтлые, — прошли былые дни!

Маша.

А любишь все-таки.

Петунниковъ.

Звѣрья порасплодили...
Люблю за прежнее, чему ужъ не бывать.

Бѣлокопытовъ *(подходя къ террасѣ)*.

Восторгъ, поэзія!

Петунниковъ *(оглядывая его сверху вниз)*.

Да-съ — нечего сказать!

З а н а в ѣ с ъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Хорошій номеръ въ гостиницѣ, въ городѣ Коренастовѣ. Направо письменный столъ; у окна, подъ столомъ корзинка для бумаги; на второмъ планѣ, направо, дверь въ другую комнату; налѣво окно, диванъ, столъ и кресла; на второмъ планѣ двери въ комнаты Маши и Петунникова, въ срединѣ входная дверь, по бокамъ ея два ломберныхъ стола.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ Розальскій и Иванъ.

Розальскій.

А скоро будутъ?

Иванъ.

Баринъ у обѣдни.

Розальскій.

А Марья Павловна?

Иванъ.

И барышня ушли

Къ обѣднѣ съ бариномъ.

Розальскій (*вынимая изъ кармана двуривенный*).

Пожалуста, пошли

Извозчику.

Иванъ.

Сейчасъ-съ.

Розальскій.

А если, какъ намеренъ,
Заспорить—прочь гони. (*Иванъ уходитъ*).

Терпѣть я не могу
Ихъ самъ разсчитывать, не могутъ безъ скандала,
И что ни дай ему—всегда скотинѣ мало.

Ахъ, какъ народъ у насъ... На всякомъ-то шагу
Отсталость, грубости!.. (*Оглядывая комнату*).

Живутъ они отлично.
Четыре номера въ гостиницѣ—прилично,
Рублей двѣнадцать въ день... и кто къ нимъ ни
приди

„Обѣдать, батюшка“... хоть съ вѣтру заходи.

Simplicitas... какъ это говорится?...

Дуракъ по-нашему; тутъ есть чѣмъ поживиться.
А онъ должно быть, чортъ, карманъ наколотилъ;
Не даромъ весь свой вѣкъ въ деревнѣ звѣремъ
жилъ. (*Ивану, который вошелъ*).

Поди сюда, дружокъ... Я вижу—ты бывалый...
Скажи, братъ, баринъ вашъ большіе капиталы,
Въ деревнѣ живучи, себѣ понакопилъ?

Иванъ.

Съ достатками-съ.

Розальскій.

А съ молодю кутилъ?

Иванъ.

Кто съ? Баринъ-то? Да мы весь вѣкъ нашъ смирно
жили,
За книжками, въ поляхъ... Чтобъ баринъ нашъ
кутили?

Помилуйте-съ, да мы не то чтобы... (*Стучатъ въ
дверь*).

Розальскій.

Стучать.

(Иванъ отворяетъ дверь, входитъ Бѣлокопытовъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Бѣлокопытовъ.

Розальскій.

Бѣлокопытовъ! Cher, c'est vous? Ахъ какъ я радъ!

Бѣлокопытовъ (подавая ему руку).

А, Ардальонъ Михайлычъ!

Розальскій (Ивану).

Слушай, братъ.

Ступай, въ переднюю, мы здѣсь вдвоемъ присядемъ. (Шутя).

Все будетъ въ цѣлости, — копѣйки не украдемъ. (Иванъ уходитъ).

Сердечно радъ, что мнѣ пришлось васъ изловить. (Жметъ ему руки).

О многомъ я давно хотѣлъ поговорить;

Да все, вы знаете, — туда-сюда летаешь.

Ну просто, батенька, насилу поспѣваешь.

Сердечно радъ... Prenez donc place, mon cher. (Сѣли).

Ну, какъ дѣла? А вы — ужасный лицемеръ!..

Чтобъ васъ понять — il faut — не малое умѣнье...

Женихъ, а самъ ни-ни, ни слова, ни гугу!

Бѣлокопытовъ.

Какой женихъ?

Розальскій (кивая на комнату, гдѣ они сидятъ).

А здѣсь...

Бѣлокопытовъ.

Parole d'honneur, не лгу,—
Я такъ еще далекъ... Чтобъ сдѣлать предложеніе,
Чтобы рѣшить... принять подобное рѣшеніе...

Розальскій (*съ увлеченіемъ перебивая его*).

Тутъ нужно многое! Такой серьезный шагъ!

Бѣлокопытовъ.

А я, вы знаете, немножко... не дуракъ.

Розальскій.

Еще бы, батенька!.. Скажите, cher ami,
Возможно ли, чтобы въ судѣ рѣшили
Взыскать? C'est drôl.

Бѣлокопытовъ (*съ улыбкой увѣренности*).

Взыскать? Ну нѣтъ-съ. Ни, ни!..
Я былъ сейчасъ... Сейчасъ мнѣ говорили,
Что дѣло—вѣрное.

Розальскій.

Сейчасъ? Вы сами были?

Бѣлокопытовъ.

Да. Тутъ одинъ... Онъ тоже членъ суда...
Онъ далъ мнѣ слово.

Розальскій.

Далъ? Вѣдь это-жъ ерунда,
Отнять имѣніе за вздоръ, за неустойку!..
Конечно выдереть. Притомъ—старикъ богатъ.
Ну, дай вамъ Господи... А я душевно радъ.
Вѣдь я, признаюсь вамъ, какъ добрый сетеръ
стойку

Надъ дичью дѣлаетъ...

Бѣлокопытовъ (*съ любезной улыбкой*).

Вы такъ же надо мною?

Розальскій.

C'est ça. Но, cher ami, вѣдь я заплачу, взвою—
Вдругъ не удастся вамъ и деньги пропадутъ...
Вѣдь вы же знаете, что я ни воръ, ни плутъ,
Вѣдь то, что вы должны — семь тысячъ триста
сорокъ...

Бѣлокопытовъ.

Шесть тысячъ, кажется?

Розальскій (*продолжая*).

Вы знаете какъ дорогъ
Подобный кушъ... Не шесть, — проценты позабыли.

Бѣлокопытовъ.

Проценты, кажется, уплочены вамъ были
Впередъ.

Розальскій.

Впередъ? О, нѣтъ... да это пустяки.
Итакъ — мы женимся? Пора, повѣрьте чести.
Не я одинъ васъ жду... и тѣ не дураки.
Вѣдь если всѣхъ-то насъ связать да свѣсить
вмѣстѣ —
Вѣдь выйдетъ... знаете, — сто тысячъ наберешь!
(*Понижая голосъ*).
А я васъ выкуплю, — грошъ будетъ стоить, — грошъ.

Бѣлокопытовъ.

Сегодня я рѣшилъ...

Розальскій (*перебивая его*).

Гм... послѣ разговора

Насчетъ процесса? Да?

Бѣлокопытовъ.

Сегодня я рѣшилъ
Просить руки.

Розальскій (*вскочивъ съ мѣста*).

Такъ значитъ свадьба скоро?
Благослови васъ Богъ! А я благословилъ.

Бѣлокопытовъ (*впадая въ чув-
ствительный тонъ*).

Да... эта дѣвушка—преlestное созданье!
Съ какимъ умомъ, съ душой... Какое воспитанье!..
Да, эту дѣвушку нельзя не полюбить!

Розальскій.

А васъ-то ужъ она навѣрное полюбитъ.
Да кто не любитъ васъ, желаю я спросить?
Ахъ, ваша красота не мало бѣдныхъ губитъ!
Да, кстати, знаете,—вѣдь вы съ ума свели...
Вчера мнѣ каялись... въ слезахъ, въ мученьяхъ
страстныхъ,
Вчера мнѣ каялась одна изъ сихъ несчастныхъ.

Бѣлокопытовъ (*съ большимъ ин-
тересомъ*).

Кто? Вотъ такъ новости...

Розальскій.

Красавица!

Бѣлокопытовъ.

Далли?

Розальскій.

Далли—француженка! Нѣтъ-съ, эта—россіянка!
Замужняя... А шикъ какой, осанка!
А бюстъ,—классическій! Вы классикъ? Реалистъ?
Грѣшно-съ, грѣшно... Вы—черствый эгоистъ—

Объ вашихъ думайте, чужихъ не забывайте!
Безъ шутокъ, cher ami, не плюйте, заѣзжайте.

Бѣлокопытовъ.

Да кто, скажите, — кто? Ей-Богу не пойму.

Розальскій.

Une dame très chic, très chic! Везетъ, везетъ ему —
Счастливецъ... Знаете Настасью Николавну?

Бѣлокопытовъ (съ удивленіемъ).

Рогожину?

Розальскій.

Ага!

Бѣлокопытовъ.

Не знаю.

Розальскій.

Вотъ забавно!

Не знаетъ онъ ее, когда въ него она
Какъ три Офеліи, какъ кошка влюблена!

Бѣлокопытовъ.

Мы съ нею въ обществѣ всего разъ пять встрѣ-
чались,

Не болѣе.

Розальскій.

C'est ça... Невинность! — Вы слыхали-съ,
Что для любви — довольно мигъ одинъ!

Амуръ пронзить и — тррахъ! Мужъ — славный го-
сподинъ,
Какъ всѣ мужья... Добрякъ. Ну, — жили, цѣло-
вались...

Ужъ онъ теперь давно на все и наплевалъ, —
Я въ городѣ его съ полгода не видалъ, —

Все тамъ,—на фабрикѣ.—Живутъ—grand train,
прекрасный
Паселетанъ для васъ—отличный, неопасный...
При томъ—умна какъ чортъ!

Бѣлокопытовъ.

Я слышалъ, что умна.

Розальскій.

Такъ вотъ вамъ, батенька,—и штучка и жена.
Счастливчикъ!

Бѣлокопытовъ *(скрывая удо-
вольствие)*.

Я... не зналъ.

Розальскій.

Не знали? Такъ узнайте.
(Вставая съ мѣста).

Ну, заболтался я. Увидимся, прощайте.

Бѣлокопытовъ.

Куда же вы?

Розальскій.

Куда? Въ соборъ хочу поспѣть,
Степанъ Степаныча желаю посмотрѣть.
Словлю на улицѣ и съѣзжу съ нимъ по дѣлу.
Съ нимъ надо дѣйствовать рѣшительно и смѣло,—
Мѣшокъ ужаснѣйшій. Ну-съ, ѣду хлопотать.
И вамъ совѣтовалъ бы время не терять.
Адѣе. *(Идетъ и возвращается)*. Вдвоемъ-то мы
и папеньку спасаемъ,
Да и свои дѣла не глупо устроаемъ.

Бѣлокопытовъ.

Вернетесь скоро?

Розальскій.

Да. Вотъ видите, mon cher,
Всегда-то я такой болтливый кавалеръ!
А съ дамами такъ я... Однако—до свиданья.
Успѣха вамъ, денжищъ... Вотъ всѣ мои желанья.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Бѣлокопытовъ одинъ.

Бѣлокопытовъ.

Болтунъ... А, бестія, полезный человѣкъ...
Вертится, факторитъ, болтаетъ цѣлый вѣкъ,
А денегъ страсть, мошенникъ, наживаетъ.
Рогожина... бельфамъ. А кто же мнѣ мѣшаетъ?—
Хитеръ. Ни слова мнѣ про дѣло не сказалъ...
А дѣло въ томъ: Рогожина—богата,
Съ большой протекціей... Меня, аристократа,
Льва петербургскаго... Понятно—здѣсь капризъ.
А мнѣ и на руку.—Премиленькій сюрпризъ!
Она—и въ обществѣ, по школамъ, по пріютамъ...
Нѣтъ, надо быть поближе съ этимъ плутомъ—
Субъектъ полезнѣйшій... (Входитъ Маша отъ
обѣдни).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Бѣлокопытовъ и Маша.

Маша.

Василій Юрьичъ? Вы?
Какъ Чайльдъ-Гарольдъ въ мечты погружены.

Бѣлокопытовъ (быстро направ-
ляясь ей навстрѣчу).

Ахъ, Марья Павловна... Васъ долго дожидался,
Сидѣлъ, раздумывалъ... Простите, замечтался.

Маша (*снимая шляпку*).

А мы ходили съ папочкой въ соборъ. (*Взгляды-
вая на него*).

Что съ вами сдѣлалось? Вы съ нѣкоторыхъ поръ
Такъ измѣнились, мрачны, поблѣднѣли?

Бѣлокопытовъ.

Дѣла, заботы... Еслибъ вы хотѣли
Понять меня!..

Маша (*небольшое молчаніе*).

Я такъ вамъ благодарна,
Безъ васъ мой папочка... Ну гдѣ-жъ въ его лѣта!..
Онъ такъ замучился.

Бѣлокопытовъ.

Безсовѣстно, коварно
Обмануть онъ! Теперь—картина ужъ не та,—
Теперь—навѣрное мы выиграемъ дѣло.

Маша.

Я такъ въ васъ вѣрила, я васъ просить не смѣла...

Бѣлокопытовъ.

Просить меня? Я понялъ васъ безъ словъ.
Для васъ, повѣрьте мнѣ,—всегда, на все готовъ.

Маша (*протягивая ему руку*).

Спасибо вамъ за доброе вниманье. (*Небольшое
молчаніе*).

Бѣлокопытовъ.

Три дня тому назадъ вы дали приказанье,
Чтобъ я Шекспира... (*Поправляясь*) Гамлета про-
челъ—

Исполнено-съ.

Маша (съ улыбкой).

Уже?

Бѣлокопытовъ.

Два раза перечелъ.

Я — какъ солдатъ команду исполняю.
Но... правду вамъ сказать, я плохо понимаю,
Какая надобность была его читать?—

Маша (нѣсколько сконфузилась,
говоритъ запинаясь).

А вотъ теперь, я вамъ могу сказать.
Вы... спеціальныя науки изучали,
Вы... недостаточно, вы... вы не то читали.
А мнѣ хотѣлось бы... не знаю, какъ сказать...
Мнѣ вамъ хотѣлось бы такъ много передать.
Вотъ видите:—у васъ, съ возвышенной душою,
Съ такими чувствами... не смѣйтесь надо мною—
Мнѣ кажется, что вы—какъ Гамлетъ не смѣлы,
Что вы—надломаны, что вы—раздвоены;
А эта двойственность, рефлексъ и сомнѣнья...
(На минуту останавливается).

Мнѣ папочка всегда давалъ правоученья
Себя воспитывать, слагать себя, учить—
Свѣряя жизнь свою съ людьми литературы...
Вотъ я и вамъ хотѣла услужить. (Покраснѣла).

Бѣлокопытовъ (про себя).

Наивность глупенькой, степной, ученой дуры!
Она меня желаетъ просвѣтить!
Любовь курьезная. (Ей). Я думалъ утаить...
Теперь скажу, скажу вамъ откровенно:
Я... вашу цѣль тогда же угадалъ.
И въ этомъ я не дружбу увидалъ—
Любовь. О, какъ она возвышенна, священна!..
(Маша смутилась и хочетъ встать; онъ ее
останавливаетъ).

О, дайте высказать, дослушайте, молю!
Я долженъ высказать. Я такъ давно люблю!
О, я молчалъ, я долго не рѣшался,
Не смѣлъ сказать, страдалъ, нѣмѣлъ, боялся...
Не спалъ ночей, друзей покинулъ, свѣтъ,
Хотѣлъ сломить въ себѣ... Нѣтъ, силы этой нѣтъ
Въ душѣ моей больной... Ни силъ, ни воли нѣту,
Чтобъ въ сердцѣ честное влеченье заглушить.
Вся жизнь моя одной надеждою согрѣта—
Найти то счастье... и... смѣю предложить
Вамъ руку честную и сердце... Всею душою
Молю—простите мнѣ и... сжальтесь надо мною!
(Молчаніе).

Маша.

Василій Юрьевичъ, какъ я ни молода,
Но я... Мнѣ кажется, что я васъ понимаю.
Семнадцать лѣтъ—не дѣтскіе года,
Хоть я себя и взрослой не считаю.
Да... вы мнѣ нравитесь, да... я... я васъ люблю.
Вы видите—я прямо говорю.
Я васъ люблю—за папу, за вниманье
Къ его дѣламъ, къ нему, заботливость, старанье
Помочь ему... Но... это ли любовь?

Бѣлокопытовъ.

Къ чему сомнѣнія? Намъ жизнь дана для счастья!

Маша.

А я сумѣю ли другому счастье дать?..
Есть что-то странное... Какъ тишь передъ не-
настьемъ;
Гнететъ и радуетъ... Ахъ, какъ вамъ передать?
Представьте вы себѣ: кругомъ—тепло, прекрасно,
Свѣтло на солнышкѣ, въ душѣ такъ тихо, ясно...
И... душно вамъ, и... нечѣмъ вамъ дышать!

Бѣлокопытовъ.

Вы... сомнѣваетесь?

Маша.

Не знаю, что со мною.

Какой-то страхъ, сомнѣнье... о, не въ васъ,
Въ себѣ, въ своей любви... нѣтъ, нѣтъ, я васъ
не стою,

Я это думала ужь много, много разъ!

Я... безсердечная. Пойдите, подождите,

Я... не хочу васъ, бѣднаго, губить,

Я... я хочу васъ истинно любить... (*Бѣлокопы-
товъ въ большомъ
недоумѣніи*).

Я... успокойтесь же, простите мнѣ, простите,

Я все обдумаю и... скоро дамъ отвѣтъ. (*Хочетъ
итти*).

Бѣлокопытовъ.

Какой, скажите мнѣ...

Маша (*на порогѣ своей двери*).

Пока—ни да, ни нѣтъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Бѣлокопытовъ, потомъ Петунниковъ и Розальскій.

Бѣлокопытовъ.

О Боже, Боже мой, какъ это непріятно!..

Отказъ? Вотъ глупости... Отказъ--невѣроятно.

Петунниковъ (*въ дверяхъ, про-
должая начатый
разговоръ*).

Нѣтъ, я прошу тебя,—ты толкомъ мнѣ скажи,
Куда мы ѣздили?! Ты ври—да знай же мѣру!
Какая цѣль была?

Розальскій *(спокойно смѣясь)*.

Ты водки прикажи.

Петунниковъ *(обращаясь къ
Бѣлокопытову)*.

Къ кому меня возилъ? Скажите—къ инженеру!..
Просить содѣйствія по дѣлу на судѣ!

Розальскій.

Мы съ нимъ пріятели, все сдѣлаетъ, поможетъ.

Петунниковъ.

Ну-съ, это вилами рисуйте на водѣ!

Розальскій.

А связи-то? Онъ выкупить, заложить,
Продастъ тебя...

Петунниковъ.

Не онъ одинъ продастъ!

Розальскій *(Бѣлокопытову)*.

Позвольте васъ спросить,—онъ рюмку водки дастъ?
(Петунникову)

Мы съ нимъ работали три года по дорогамъ.

Петунниковъ.

Ночами темными? Съ дубиной? Съ кистенемъ?
(Смѣется).

Розальскій *(также смѣясь)*.

Вели желѣзные, чудакъ, открыто, днемъ.

Петунниковъ.

Открыто? Въ ѳны дни такихъ-то по острогамъ
Ссылали, милый мой, куда и самъ Макаръ...
Въ столь отдаленныя...

Розальскій *(перебивая его, говоритъ Бблокопытову)*.

Какъ онъ отсталъ и старъ!

(Обращаясь снова къ Петунникову).

Вели дать рюмочку, да хлѣбца хоть кусочекъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Маша.

Петунниковъ.

Сейчасъ дадутъ.—Марусенька, дружочекъ,
Здорово. Что съ тобой? Разстроена? Больна?

Маша.

Устала, папочка.

Петунниковъ.

Обѣдню отстояла.

Однако, въ прошлый разъ ты вовсе не устала.

Маша.

Пройдетъ.

Розальскій *(тихо Бблокопытову)*.

А что, mon cher, ей Богу недурна!

Петунниковъ *(Машѣ)*.

Присядь, братъ, къ намъ сюда.

Иванъ *(входя съ докладомъ)*.

Настасья Николавна

Рогожина.

Петунниковъ *(вставая)*.

Проси. Вотъ—кстати, вотъ и славно,
Какъ разъ и къ завтраку. *(Идетъ ей на встрѣчу)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Рогожина.

Петунниковъ.

Настасья Николавна,
Ведете вы себя далеко неисправно.

Рогожина (*любезно подавая ему руку*).

Я провинилась? Да? А въ чемъ моя вина?

Розальскій (*тихо Бѣлокопы-
тову*).

И эта, батенька, далеко недурна!

Петунниковъ.

А въ томъ, сударыня, что мы васъ ждали, ждали,—
Ужъ и не чаяли, надежду потеряли
Увидѣть васъ.

Рогожина.

О, я ужасно занята. (*Цѣлуя Машу*).
Bonjour, ma chère enfant (*Приглядываясь и отвѣ-
чая на поклонъ Бѣлоко-
пытова, беретъ Машу за
обѣ руки, любуясь ею*).

Давно къ вамъ собиралась.

Какая милушка!.. Вѣдь вы—моя мечта...

Я такъ влюбилась въ васъ... Я въ жизнь такъ
не влюблялась...

Вы мнѣ не вѣрите? Bonjour, monsieur Розальскій.
(*Киваетъ ему головой*).

Розальскій (*почтительно рас-
кланиваясь*).

Въ пріютѣ были?

Рогожина.

Да. Весь день все хлопочу.
А вы чѣмъ заняты?

Розальскій.

Теперь-съ? Я ѣсть хочу (*Смѣется*).
Какъ волкъ добычи жду.

Рогожина.

А, часъ вашъ адмиральскій.

Розальскій.

Да-съ, адмиральскій часъ. А, вотъ, несутъ, не-
сутъ.

Иванъ (*входя съ большимъ под-
носомъ*).

Куда прикажете-съ?

Розальскій (*показывая на столъ*).

Поставь, голубчикъ, тутъ.
Черезъ минуточку весь буду... весь къ услугамъ.

Петунниковъ (*Бѣлокопытову*).

Василій Юрьевичъ, немножко закусить (*Рогожи-
ной*).

А вамъ прикажете?

Рогожина (*показывая мизин-
цемъ*).

Чуть-чуть вина налить. (*Маша наливаетъ
вино въ стаканъ
Рогожиной*).

Oh, chère enfant, merci... Я завтракала съ другомъ,
съ отцомъ Паисіемъ. Ахъ, что за старичокъ!
Ужъ я по праздникамъ къ нему—какъ на урокъ.
(*Выпивая глотокъ, обращается къ Петун-
никову*).

Вы встрѣтили меня суровымъ замѣчаньемъ.
Позвольте, въ свой чередъ, вамъ тѣмъ же отвѣ-
чать...

Петунниковъ.

Виновенъ? Въ чемъ-съ?

Рогожина (съ кокетливой улыб-
кой).

А въ томъ-съ, что нужно представлять
Всѣхъ тѣхъ, кто въ комнатѣ. Подобнымъ невни-
маньемъ

И я поставлена... (Бѣлокопытову, смѣло взяв-
нувъ на него).

И вы... немножко? Да?

Петунниковъ.

Убить! Позвольте, какъ?... Простите, господа...
(Бѣлокопытову).

Вы незнакомы?

Бѣлокопытовъ.

Нѣтъ-съ.

Петунниковъ (беретъ его за
руку).

Настасья Николавна,
Позвольте вамъ представить.... Вотъ такъ славно,
Забылъ... погибъ... забылъ... ближайшій нашъ
сосѣдъ...

Бѣлокопытовъ (представляясь
Рогожиной).

Бѣлокопытовъ.

Петунниковъ (вспомнилъ).

Такъ-съ... Цвѣтъ юношей, корнетъ, —
Василій Юрьевичъ!

Бѣлокопытовъ.

Я такъ давно хотѣлъ
Быть вамъ представленнымъ...

Розальскій (*про себя*).

Какъ скромень, какъ несмѣлъ...
Ишь—бестія.

Рогожина.

Vraiment? Вы этого хотѣли?
И до сихъ поръ... c'est drôle, не смѣли? не съумѣли?..

Петунниковъ (*не разслыхавъ*).

Ужь это я, тово, простите, не съумѣлъ.

Бѣлокопытовъ (*друсмысленно-скромно*).

А я еще такъ юнъ, неопытенъ, незрѣлъ...

Рогожина (*про себя*).

Э... этотъ—травленный. (*Вслухъ*). На долго въ
наши страны?

На время выставки?

Бѣлокопытовъ (*стараясь привлечь вниманіе Машин*).

Хотѣлъ бы на всегда.
Мнѣ такъ наскучили парады, рестораны,
Весь этотъ шумъ и блескъ, всѣ эти господа—
Любители отличій и карьеры...

Рогожина (*Машинъ*).

Мари, замѣтили, что у мужчинъ нѣтъ мѣры
Нигдѣ, ни въ чемъ?... Бросать,—наскучило—бро-
сать... (*со вздохомъ*).

Придетъ и нашъ чередъ, когда и мы наскучимъ...

Розальскій (со смѣхомъ).

Переѣзжайте къ намъ, мы васъ тому научимъ,
Чего вамъ въ Питерѣ во вѣкъ не услыхать!

Бѣлокопытовъ.

Душой бы радъ, но я... не самъ располагаю
Судьбой своей, она... зависитъ отъ другихъ.
(Маша сконфужена и смотритъ въ сторону).

Рогожина.

Зависитъ отъ другихъ? А... я васъ понимаю.
(Глядя на него съ очень смѣлой улыбкой).
А это весело зависѣтъ отъ другихъ?

Петунниковъ.

Да вы-то отъ кого? Въ отставку, — вамъ свобода.

Рогожина (хитро улыбаясь).

О, здѣсь зависимость совсѣмъ иного рода.
Въ отставку вы? Смѣшно... Отъ службы от-
ставлятъ

Такихъ какъ вы? Напротивъ, — привлекать
Васъ нужно всячески... (Маша) Не правда ли?

Маша (смущенно и обиженно).

Не знаю.

Вопросы эти мнѣ совсѣмъ не по плечу.
Я очень многое... иначе понимаю.

Рогожина.

Не понимаете? Скажите — не хочу, —
Къ чему неискренность?

Петунниковъ (почувствовавъ не-
ловкость разговора).

Въ деревнѣ жизнь другая,
Живемъ безъ общества — ужъ кто къ чему привыкъ.
Хозяйство, чтеніе... жизнь тихая, простая...

Розальскій (Рогожиной).

Хозяйство... кстати — что-съ, понравился нашъ быкъ?

Рогожина (Петунникову, довольная перемѣной разговора).

Ахъ, вашъ бычокъ большое впечатлѣнье
На всю комиссію, на всѣхъ насъ произвелъ.
Посыпались кругомъ разспросы, споры, мнѣнья,
Чей, кто, откуда, когда его привелъ?
Да-съ, очень многіе добромъ васъ поминали.
Петунниковъ? Да мы на съѣздахъ съ нимъ бывали.
Петунниковъ? Да онъ со мной статью писалъ,
Добрѣйшій, умный.

Петунниковъ.

Такъ-съ. По Васькѣ я попалъ
Въ число извѣстностей! Польщенъ-съ.

Рогожина.

Нѣтъ, вы не правы.
Пріятно все-таки, что знаютъ, говорятъ.

Петунниковъ.

Да я, помилуйте-съ, я радъ, я очень радъ.
Спасибо Васинькѣ, не даромъ за потравы,
За кормъ, за пойло денежки платилъ.
А? Вводить въ общество! Да-съ, честно заплатилъ.

Рогожина.

Вы вотъ какой?.. Да вы у насъ сердитый?

Бѣлокопытовъ.

Степанъ Степановичъ — охотникъ пошутить.

Рогожина (*говоритъ, все время невольно приляды- ваясь на Бьлокопы- това*).

Нѣтъ, вашего бычка нельзя не похвалить...
Красивый, бѣленькій, спокойный, сановитый...
А мордочка!.. Мнѣ страсть хотѣлось приласкать,
Погладить мордочку... Онъ можетъ забрыкать?

Петунниковъ.

Конечно-съ; всякая скотина забрыкаетъ.

Рогожина.

А чѣмъ его у васъ въ деревнѣ приручаютъ?

Петунниковъ.

На хлѣбъ-съ. Поманите — онъ за сто верстъ
пойдетъ.

Рогожина.

На хлѣбъ?—Попробую... Изъ головы нейдетъ
Мнѣ этотъ Васинька... (*Про себя, глядя на Бьло-
копытова*).

Съ какимъ бы восхищеньемъ...

На хлѣбъ? Попробуемъ.

(*Иванъ возшелъ и подаетъ Петунникову визитную
карточку*).

Петунниковъ (*читая*).

Агать Крупенниковъ.

Рогожина.

Агафья Ниловна! (*Многозначительно Петунни-
кову*).

Визитъ подъ впечатлѣньемъ
Успѣха Васиньки—вотъ онъ у васъ каковъ!

Петунниковъ.

Проси въ гостиную. (*Иванъ уходитъ. Обращаясь къ Рогожиной*).

Ужь вы намъ помогите

Принять ее, мы съ Машенькой тово—
По части свѣткости...

Розальскій.

Съ ней это ничего.

Вы только на нее поближе поглядите:

Глупа, —какъ тумба, да-съ—какъ тумба отъ воротъ.

Рогожина.

Розальскій, est ce possible? Клевещеть или вретъ
Всю жизнь свою! (*Тотъ хочетъ отвѣчать*).

Silence! А дочь у ней—красотка.

Розальскій.

Да-съ, воплощенная и злѣйшая чахотка.

Рогожина

Опять?

Розальскій (*зажимая себѣ ротъ*).

Молчу-съ, молчу.

Петунниковъ (*направл. направо*).

Идемъ со мной, Маруся. (*Рогожиной*).

А вы? на выручку.

Рогожина (*Петунникову и Розальскому, дѣлаетъ имъ рукою знакъ, чтобы они шли*).

Сейчасъ, сейчасъ явлюся.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Бѣлокопытовъ и Рогожина. (Небольшое молчаніе).

Рогожина *(про себя)*.

На хлѣбъ... *(Бѣлокопытову)*. Вы знаете la p'tite
Крупенниковъ?

Бѣлокопытовъ.

Былъ разъ съ визитомъ.

Рогожина.

Да?..

(Молчаніе. Бѣлокопытовъ смущенъ, не знаетъ, что ему дѣлать. Рогожина кусаетъ въ размышленіи губы и потомъ прямо и рѣшительно подходитъ къ нему и говоритъ полушутя, полусерьезно).

Сойдите съ облаковъ

И слушайте меня. Фантазій, пустяковъ

Вы не услышите, я... я вполне реальна.

Любовь къ Марусенькѣ — жалка, смѣшна, банальна...

Крупенниковъ даетъ за дочерью своей

Семьсотъ... Вы слышите—семьсотъ...да не рублей,

А тысячъ, слышите? Да лѣсъ, да три имѣнья.

А вамъ не занимать ни знанья, ни умѣнья—

Какъ сердцемъ женщины... *(поправляясь)* дѣвицы
завладѣть.

(Бѣлокопытовъ поблѣднѣлъ и потерялся).

А,—вы умѣете конфузиться, блѣднѣть?

Бѣлокопытовъ.

Блѣднѣть? Да развѣ я... О, это отъ волненья...

Такъ неожиданно, такъ вдругъ...

Рогожина *(ласково глядя ему въ глаза)*.

Великъ кусокъ?

Такъ будьте умницей и, не спросившись броду,

Съ такимъ лицомъ... (*быстро оглядывая его*) не
суйтесь въ воду,
А старшихъ слушайте.—Потупился... Бычекъ.
(*Небольшое молчаніе*).
А мнѣ, что будетъ мнѣ за это одолженіе?

Бѣлокопытовъ.

Вся жизнь моя, любовь!.. Все уваженіе...

Рогожина.

Ну,—это вы оставьте при себѣ.
А мнѣ, поклонницѣ, покорнѣйшей рабѣ, —
Кусочекъ маленькій отъ сердца оторвите...
Ну,—поняли?—Молчить... дикарь... идите—
И будьте веселы. (*Пошла и остановилась въ дверяхъ*).

Въ дворянскомъ маскарадѣ,
Сегодня... Слышите?—Я буду. (*Ушла*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Бѣлокопытовъ (одинъ).

Бѣлокопытовъ.

Это адъ!

Самъ дьяволъ... Женщина... Какое восхищеніе!
Да... правда—маскарадъ, сегодня воскресеніе.
А денегъ, кажется... (*хватаясь за карманъ*).
Нѣтъ, — семьдесятъ рублей,
Довольно. Ахъ, восторгъ! А я-то, дуралей,
Куда полѣзъ, болванъ... А умъ, образованіе!..
А шикъ какой!.. Восторгъ, очарованіе!—(*Уходитъ
вслѣдъ за ней*).

ЯВЛЕНИЕ Х.

Фюрстъ, Крутолововъ и Иванъ (входятъ).

Фюрстъ (входя).

Повѣренный присяжный изъ суда,
Скажите—Фюрстъ.

Иванъ (вводя гостей).

Пожалуйте сюда,
Они сейчасъ.—Присядьте, обождите.

Фюрстъ (указывая на Круто-
лобова).

Вы и объ нихъ, милѣйшій, доложите.

Крутолововъ.

Молъ—Крутолововъ,—слышь? Ходатай, адвокатъ.

Иванъ (уходя направо, идъ Пе-
тунниковъ).

Сейчасъ-съ.

Фюрстъ (сидясь съ Крутолобо-
вымъ).

Я, знаете, чистосердечно радъ,
Что помиримся мы и кончимъ это дѣло.

Крутолововъ.

Пора, давно пора, мнѣ смерть какъ надоѣло.
Надули—жди суда. Полѣзъ, такъ—заплати.
А всѣхъ-то ихъ, поди, попробуй—защити.

Фюрстъ.

Юриспруденція еще не популярна.

Крутолобовъ.

Плевать, — не въ этомъ суть. Народъ неблаго-
дарный.

Ему бы все—пошире, да на грошъ.

Фюрстъ (*кивая головой въ сто-
рону, идѣ Петунниковъ*).

Ну, этотъ, кажется, у васъ весьма хорошъ?

Крутолобовъ.

Петунниковъ? Нѣтъ, такъ себѣ.

ЯВЛЕНІЕ ХІ.

Тѣ же и Петунниковъ.

Петунниковъ (*входя справа*).

Простите,

Не могъ оставить дамъ.

Фюрстъ (*встаетъ; Крутолобовъ
тоже*).

Вы насъ не осудите,
Что мы осмѣлились нарушить вашъ покой.

Петунниковъ.

Случилось что нибудь? (*Тихо Крутолобову, указы-
вая на Фюрста*).

Зачѣмъ?—Какой такой?

Фюрстъ.

Parдон, позвольте мнѣ представиться. Присяжный
Повѣренный Кузьма Эрнестычъ Фюрстъ.

Крутолововъ.

Прибавлю отъ себя—субъектъ немаловажный,
Юристъ извѣстнѣйшій. Хотя и нѣмецкій вурстъ,
Но—сердце русское, русакъ, рубаха парень.

Фюрстъ.

Спасибо и на томъ, на маломъ благодарень.
Я очень русское душой моей люблю;
Хотя... признаюсь вамъ, частѣхонько скорблю
О нашей родинѣ...

Петунниковъ.

О чемъ-съ? Да вы откуда? (*Съли*).

Фюрстъ.

Откуда я? Я — русскій. (*Продолжая начатую
рѣчь*).

Масса, груда
У насъ на родинѣ такого, что бѣда...

Крутолововъ (*съ нетерпѣніемъ
перебиваетъ его*).

Да будетъ вамъ, все это ерунда,
Объ дѣлѣ надобно. Вѣдь мы пришли за дѣломъ?
Ну и давай про дѣло толковать. (*Петунникову*).
Вотъ видите-ли что, по размышленьи зрѣломъ,
Я вотъ что думаю: пора бы намъ кончать.

Петунниковъ.

Кончать? А что кончать?

Крутолововъ.

Какъ что? Да ваше дѣло.
Оно и вамъ, и мнѣ, и всѣмъ намъ надоѣло.
Кончать пора.

Петунниковъ.

Кончатъ? Да я-то здѣсь при чемъ?
При чемъ же я-съ? Содратъ желаютъ шкуру —
Они, — не я; такъ мнѣ...

Крутолововъ.

Скажите мнѣ, — на чемъ
Желали-бъ вы?..

Фюрстъ (*перебивая его*).

Вы — русскую натуру
Не изучили, нѣтъ-съ. Я вотъ что вамъ скажу:
Я... не содратъ-съ, не то-съ... Я — *правомъ* до-
рожу...

А Живоглотъ — мужикъ; онъ будетъ тѣмъ доволенъ
Что я скажу. — Онъ правъ... Онъ можетъ быть
виновенъ

Въ обманѣ, въ томъ, въ другомъ, но... въ дѣлѣ
сумма правъ...

Петунниковъ (*перебивая его*).

Добытыхъ подлостью.

Фюрстъ.

Положимъ-съ. Разобравъ,
Развѣсивъ ихъ вѣсами правосудья,
Не только здѣсь у насъ, на Западѣ всѣ судьи,
Вездѣ, вездѣ вамъ скажутъ какъ одинъ:

(*Съ вопросомъ къ Крутоловову*)

Здѣсь, въ дѣлѣ... Такъ-съ? (*Продолжая*). Старин-
ный дворянинъ,
Интеллигентнѣйшій... Съ другой — простой крестъ-
янинъ.

Возможно-ли... (*Крутоловову*). Вѣдь такъ?... (*про-
должаетъ*) чтобъ бѣдный поселянинъ

Осмѣлился... (*Крутолобову*). Не правда-ль? Посягнуть
Путемъ юридическимъ...

Крутолобовъ (*продолжая рѣчь
Фюрста*).

Всю вотчину стянуть.

Фюрстъ.

Стянуть... не то, не такъ... не точно выраженье.

Петунниковъ (*пересталъ ихъ слу-
шать нетерпѣливо*).

Кузьма... (*Ищетъ, какъ далѣе*).

Фюрстъ (*подсказывая*).

Эрнестовичъ.

Петунниковъ.

Къ чему тутъ объясненья?

Вамъ что угодно?

Фюрстъ.

Мнѣ-съ?

Петунниковъ (*нетерпѣливо*).

Я все не понимаю—

Чего хотите вы?

Фюрстъ.

Мы... Я вамъ предлагаю
Не пожелаете ли кончить мировой?

Петунниковъ.

Охотно-съ.

Фюрстъ (*подумавъ*).

За тридцать... угодно-съ?

Петунниковъ.

Ой, ой, ой!

Фюрстъ.

И кончимъ все.

Крутолововъ (*стараясь убѣдить
Петунникова*).

Вполнѣ. Поймите—все похеримъ.
Положимъ, мы въ успѣхъ... и я, и вы—мы вѣримъ.
А лучше, знаете, скорѣе,—канитель.

Фюрстъ.

Вѣдь тридцать тысячъ—вздоръ, не деньги, *bagatelle*
Для васъ—помѣщика съ хорошимъ состояньемъ.

Петунниковъ (*взянувъ на него*).

А вы его изволили считать?

Фюрстъ (*фамиллярно*).

Скупѣньки вы,—крѣпышъ. А лучше все отдать?

Петунниковъ.

Не деньги дороги-сь, ихъ можно наверстать...
Не деньги, нѣтъ-сь, а то, что лучшимъ уповань-
ямъ

Летятъ пощечины... позоръ, совсѣмъ позоръ!
Грабежъ, развратъ, цинизмъ... А тонъ? А раз-
говоръ?

Вотъ, вы-сь... приходите—ученый, просвѣщенный
И уважаемый,—значкомъ вооруженный...

А что вы мнѣ посмѣли предлагать?

Да вы обдумали? Изволили понять—
Что предлагаете?

Фюрстъ (на минуту смутился).

Вы... вы меня смѣшите. (Оправился и нахально показывает Крутолобову на Петунникова).

Чудакъ!—Не нравится имѣнье отдавать!

Петунниковъ (вскочивъ съ мѣста).

Да вы съ ума сошли? Гдѣ, съ кѣмъ вы говорите? (Тотъ хочетъ встать, Петунниковъ кладетъ ему руку на плечо).

Дослушайте отвѣтъ мой до конца!

Вы кто?—Повѣренный мерзавца, подлеца.

Что защищаете? Грабежъ, обманъ, подлоги!

Такъ, батюшка, понизьте этотъ тонъ, Онъ не у мѣста здѣсь!.. А нѣтъ—ступайте вонъ. (Фюрстъ встаетъ, Петунниковъ за руку его останавливаетъ).

Когда разбойникъ васъ встрѣчаетъ на дорогѣ, Грозится васъ убить, раздѣть, обворовать — Тутъ все у мѣста, все—и бейте и ругайте, Бумажникъ, деньги, крестъ... все, все ему отдайте!...

Такъ знайте, мы еще... мы съ вами не въ лѣсу — Кругомъ народъ, законъ... И... я себя спасу! Вамъ нуженъ выкупъ? Да? Такъ вы его просите, Вамъ каждый выбросить... Намъ дорогъ нашъ покой.

Не забывайте роль, въ которой вы стоите — Васъ кормятъ подлости, вашъ трудъ — денной разбой!

Крутолобовъ.

Степанъ Степановичъ, напрасно вы кричите; Вамъ предлагаютъ...

Петунниковъ (очень сухо).

Что-съ?

Крутоловъ.

Сойдитесь, заплатите—

И дѣло кончено.

Петунниковъ (*хочетъ уйти*).

Я завтра дамъ отвѣтъ.

Фюрстъ (*неръшительно*).

Мнѣ нуженъ письменный.

Петунниковъ.

Конечно-съ.

Фюрстъ (*очень вѣжливо подавая свою карточку*).

Да иль нѣтъ,

Два слова.

Петунниковъ.

Слушаю-съ.

Фюрстъ.

Прошу васъ не сердиться.

Крутоловъ.

Намъ не въ диковинку, — приходится браниться
Иной разъ всякій день... (*Направляется къ вы-
ходу*).

Фюрстъ (*идетъ за нимъ, рас-
кланиваясь*).

Подчасъ такую брань

Придется выслушать...

Петунниковъ.

Да-съ, ваше дѣло—дрянь. (*Они уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

(*Петунниковъ одинъ*).

Петунниковъ (*вертитъ въ рукахъ карточку Фюрста*).

Кузьма Эрнестовичъ... Кузьма... Такъ вотъ онъ
Кузька,—
Поля-то наши жретъ! — Кричитъ — я русскій,
русскій...

Но слава Господу, что онъ и въ этомъ вретъ!
Всегда, во всемъ—апломбъ, вранье, нахальство...
О, туполобые... И жрутъ какъ саранча!
Хоть жралъ бы съ голоду,—нѣтъ, жретъ изъ-за
бахвальства,
Косить кругомъ себя, какъ смерть косить — съ
плеча!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Петунниковъ и Маша.

Маша (*выходя изъ гостиной*).
Папа, уѣхали.

Петунниковъ.
Простилась? Проводила?
Какъ жаль, что я не могъ...

Маша.
Я... я пришла сказать:
Василій Юрьевичъ... (*Блѣднѣя опирается на стулъ*).

Петунниковъ (*хочетъ поддержать ее*).
Что? Что съ тобой?—Присядь.

Маша.

Пройдетъ... *(припадая въ слезахъ къ нему на плечо)*.

Папà... Папà, я полюбила!
Онъ... онъ просилъ, папà... просилъ моей руки.

Петунниковъ *(въ сильномъ испугѣ)*.

Просилъ руки? Руки!!... Онъ сдѣлалъ предложение?
(Обнимаетъ Машу, цѣлуетъ ее въ голову).
Дидя мое... дитя... *(Молчаніе)* Онъ смѣлъ!... О,
униженъе...

Со всѣхъ концовъ сошлись прохвосты, дураки
И... грабятъ, тащатъ все, что дорого, что мило...
Ребенка, ангела, младенца не щадятъ!
Дочь... радость, дочь была... Загадять, разорять—
Вались, старикъ поруганный, въ могилу!
Жилъ честный труженикъ, дышалъ и жилъ семьей...
Долой его, топчи, заравнивай землей!... *(стараясь удержатъ слезы)*.

Маруся, Машенька.— Я плачу, умоляю—
Одумайся, взглядишь, послушай старика...
Ты гибнешь, дѣвочка! Я лучше вижу, знаю...
Не пара онъ тебѣ... *(Опускается въ кресло зали-
ваясь слезами)* О, Машенька, горька,
Горька такая жизнь... Вся боль души сказалась,
Все, что давно, давно... годами накоплялось!...

Маша.

Отецъ, голубчикъ мой, прости меня, не плачь...
Ты не вини меня, я долго отклоняла...
Мы все обдумаемъ... Вѣдь онъ...

Петунниковъ.

Онъ? Онъ—палачъ!

Онъ звѣрь безсмысленный!

Маша (*въ испугъ и слезахъ*).

Я... слова не давала.
Я буду ждать, а тамъ—что дастъ Господь... Не
плачь,
Вѣрь, папочка, въ свою Марусю, успокойся,
Нашъ общій крестъ съ терпѣніемъ неси.

Петунниковъ (*обнимая ее*).

Мое дитя, мое!.. Живи, борьбы не бойся...

О, мать Божія, спаси ее, спаси!..

Ихъ бойся, ихъ... (*Въ средней двери показывается Рогожина*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Рогожина (*которая выглянула нѣсколько ранѣе*).

Рогожина.

Я вамъ не помѣшаю?
(*Петунниковъ и Маша стараются скрыть свои слезы*).

Петунниковъ.

Простите, мы... у насъ... Семейныя дѣла.

Рогожина (*съ дружескимъ участіемъ*).

Я многое безъ словъ, невольно поняла.

Я не вмѣшаюсь, но... Я такъ васъ уважаю,

Мнѣ больно видѣть васъ... Я такъ ее люблю.

(*Маша*).

Oh, chère enfant, я васъ не оскорблю...

Онъ развѣ пара вамъ!

Петунниковъ (*махнувъ рукой*).

Да что, не говорите!

Маша.

Съ какого права вы жалѣете, слѣдите...

Рогожина.

Долгъ всякаго, та сѣге, слѣдить, предупреждать.
Вѣдь эти люди... О, да гдѣ же вамъ ихъ знать!
Такъ вы не сердитесь? Вѣдь я по долгу чести...
Долгъ всякаго—помочь въ несчастіи, спасти.

Петунниковъ.

Да, именно—спаси. Я здѣсь, на этомъ мѣстѣ,
Сейчасъ,—не то ли же?... (*Видя огорченіе Маши*).

Марусенька, прости,
Дитя мое, пойдѣмъ, голубка. (*Ведетъ ее въ ея
комнату*).

Маша (*тихо отцу*).

О... какъ стыдно!

Рогожина (*утѣшая ее какъ ре-
бенка*).

Дитя, улыбушки... Найдутся женихи.

Маша (*отцу*).

Пойми, папа, пойми—какъ больно, какъ обидно...

Петунниковъ.

Пойдемъ, дитя мое... (*Уходитъ съ Машей*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Рогожина одна.

Рогожина (*вслѣдъ имъ, качая
головой*).

Охъ, тяжкіе грѣхи! (*Поправляя передъ зерка-
ломъ шляпку*).

Ну вотъ и сдѣлано.—Онъ будетъ съ состояньемъ
И будетъ мой... Онъ мой, ужъ онъ готовъ.

Si frai, si beau... сконфузился,—каковъ?

И стало быть—всѣмъ нашимъ упованьямъ—
Succès brillant... И деньги и amour. (*Глубоко
вздохнувъ*).

Надѣюсь, въ этотъ разъ... надолго, pour toujours.
(*Идетъ къ средней двери*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Большая гостиная съ колоннами въ домѣ Крупенникова; богатая мебель, по угламъ стоятъ мраморныя большія статуи Венеры и Адониса. За колоннами — большой длинный столъ, ничѣмъ не покрытый. Направо отъ зрителей, на авансценѣ піанино, налѣво каминъ съ зеркаломъ и часами. Дѣйствіе — черезъ мѣсяцъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Крупенниковъ, потомъ Константинъ, Пароенъ и Ванюшка.

Крупенниковъ.

(Входитъ въ шелковомъ халатѣ, кое-какъ накинутомъ съ просонковъ; на ногахъ поношенныя туфли; голова всклокочена. Длгое время молча глядитъ на часы, стоящіе на каминѣ).

Великолѣпно, н-да... седьмого половина...
Всхрапнулъ. Пить хочется, — маненько солонина Тово... Семеновъ, эй! Ванюшка! Коскенкинъ!
Вотъ черти, лѣшіе. *(Входитъ Константинъ).*

Куда вы тамъ забились? —
Кваску бутылочку. Ты что-жъ, братецъ, одинъ?
Другіе гдѣ?

Константинъ.

Метуть-съ.

Крупенниковъ *(передразнивая его)*.

Метутъ-съ. Вы спохватились Мести теперича, какъ гости, напрымѣрь, Должны съѣзжаться, чортъ,—придумали манеръ. Пошелъ, зови ихъ всѣхъ Да квасу поскорѣй!
(Константинъ уходитъ, входятъ Парѣенъ и Ванюшка).

Что-жъ это, братецъ мой? Ты что-жъ, Парфенъ Семеновъ?

Кому приказъ мой данъ? Ты что-жъ за ротозѣй? Я что тебѣ велѣлъ? Чтобъ этихъ капидоновъ—
(указывая на статуи)

Къ чертямъ, къ намъ въ спальную. Пойми своимъ умомъ:

Вдругъ... Здѣсь—коммиссія, а эти—нагишемъ! Довольно вѣжливо?—*(Парѣенъ толчкомъ посылаетъ Ваньку, тотъ возвращается съ людьми, которые и выносятъ статуи)*.

Входитъ Константинъ съ квасомъ; онъ откупориваетъ бутылку.

Коверъ, чтобъ пуще глазу. Ему, братецъ, цѣна—двѣ тысячи рублей,— Пойми изъ эстого. *(Пьетъ)*. Хорошъ. А ну-ко-съ сразу—

Качай другой.

Константинъ.

Еще-съ? Прикажете?

Крупенниковъ.

Налей. *(Пьетъ)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Входитъ Крупенникова въ большомъ волненіи.

Крупенникова.

Трофимъ Кузьмичъ, куда же вы Венеру
Съ тѣмъ, съ этимъ... съ Бахусомъ велѣли утащить?

Крупенниковъ.

А вы не фыркайте, тутъ надоть разсудить
Не фыркавши,—обидчивы не въ мѣру!

Крупенникова.

Они вѣдь — классики!.. Искусство... Ты пойми...

Крупенниковъ.

А ты свой гоноръ-то, дворянство-то уйми.
Довольно глупо ты, Агафья, рассуждаешь.
Какихъ ты нынче лицъ, кого ты принимаешь?
Первѣйшихъ, на примѣръ, по милости моей—
Первѣющихъ! И вдругъ—понадобились ей
Двѣ голыя, какъ есть... примѣрно,—иностранцы!
Да что у насъ—обѣдъ? Балы какіе, танцы?
Собраніе,—пойми, ученый комитетъ,
Насчетъ наукъ, дѣловъ... Тутъ голымъ — несо-
вмѣстно.

Крупенникова.

Въ тебѣ, Трофимъ Кузьмичъ, совсѣмъ понятья
нѣтъ.

Крупенниковъ.

А ты съ понятіемъ?—Наѣдутъ. Расчудесно,—
Пожалуйте-съ... и вдругъ—искусство, нагншемъ,
Въ гостиной-то — вѣдь страмъ! Тутъ — надоть
съ хлѣбомъ съ солью,

Съ иконами, вполнѣ!.. Да, будешь съ барышемъ—
Тебя послушаешь.

Крупенникова.

Весь вѣкъ возжался съ шмолью
И хочешь ты, дуракъ, искусство понимать!
Тутъ надо многое прожить, перестрадать...

Крупенниковъ.

Ну и страдай поди, по этимъ по гольштинцамъ,
А насъ оставь. (*Хочетъ идти*).

Крупенникова (*удерживая его за
рукавъ*).

Постой. Искусство... Ты представь,
Что выше есть?

Крупенниковъ.

Отстань. Вѣдь я не разночинцамъ,
Не гольтепамъ какимъ сегодня балъ даю.

Крупенникова.

Искусство любить всѣ.

Крупенниковъ.

Да я-то не терплю.
Тутъ будутъ, можетъ, во какіе генералы,
Во всей губерніи, небось, на перечетъ...

Крупенникова (*перебивая его*).

Я больше знаю свѣтъ, я высшій кругъ видѣла.
Трофимъ Кузьмичъ, повѣрь, искусство всѣхъ вле-
четъ.

Крупенниковъ.

Ну и пушай. А ты бы постыдилась:
Вѣдь дочь на возрастѣ. Чай будетъ,—посрамилась.

Крупенникова (оскорбилась).
Какъ вы умѣете язвить и оскорблять!..
Какъ незаслуженно... (Входитъ Розальскій).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Розальскій.

Розальскій.

Изволили возстать?
Трофиму Кузьмичу-съ, —нижайшее.

Крупенниковъ (протягивая ему
руку).

Съ банжуромъ.

Розальскій.

Агафья Ниловна comment vous portez vous?

Крупенникова.

Toujours très mal.

Розальскій.

Très mal?

Крупенниковъ.

Да что, братъ, нà-смѣхъ курамъ, —
Опять съ обидами.

Розальскій (скороговоркой).

Madame, c'est grace à vous
Que j'viens ici... (Она нѣжно взглядываетъ на него).

Крупенниковъ (не понявъ).

Про что? Опять про офицера?

Розальскій (многозначительно).

Петунниковъ его немножко приманилъ,
А я, признаюсь вамъ—схитрилъ, отговорилъ,
Для васъ его сберегъ. Вѣдь у него карьера,
Я вамъ скажу,—вѣдь страхъ! Вѣдь просто чудеса!

Крупенниковъ (показывая ему
мѣсто возлѣ себя).

Присядь-ко-ся, толкуй. Имѣнья есть? Лѣса?

Розальскій.

Имѣнье? Какъ же-съ,—есть.

Крупенниковъ.

Въ залогъ чай?

Розальскій.

Въ залогъ.

Крупенниковъ.

Породой—какъ великъ?

Розальскій.

Породой?—Страсть великъ!
Да такъ великъ, что я...

Крупенникова.

Какое счастье, боги!..

Крупенниковъ.

Аль ты язычица? Причемъ тутъ этотъ крикъ?
(Спокойно отворачиваясь отъ нея).

Совсѣмъ безъ разума. — Родня у нихъ большая?

Розальскій.

Родня—безчисленна!

Крупенниковъ.

Большой аристократъ?

Розальскій.

Съ большимъ вліяніемъ.

Крупенникова.

Красивъ,—но страшный фатъ!

Крупенниковъ.

Опять ты?.. Господи, владычица святая,
Сомкни ты ей уста.

Крупенникова (*Розальскому*).

Ma vie, vous la voyez?

Розальскій (*подъ носъ себѣ*).

Horrible...

Крупенниковъ (*женѣ*).

Да ну тебя. (*Розальскому*). Вотъ это намъ вдвойнѣ
И дорого: намъ вся притчина—случай.

Ты что безъ случая? Такъ, — жукъ съ навозной
кучи.

Жужжишь, топорщишься,—а толку ни на грошъ.
А случай выпадетъ—и все тебѣ, что хошь.

ЯВЛЕНІЕ IV.

*Входитъ Любочка (съ курильницей и спрыскиваетъ
комнату).*

Розальскій (*вскакивая и рас-
кланиваясь съ ней*).

Любовь Трофимовна, мы все объ васъ толкуемъ,
Объ вашемъ будущемъ.

Крупенниковъ.

Сыскали жениха.

Любочка.

Напрасно трудитесь, не нужно, не тоскуемъ.
Мечтать объ женихахъ!.. Какъ глупо, ха-ха-ха!

Крупенникова.

Военный, Любочка.

Любочка.

А мнѣ какое дѣло?

Крупенниковъ.

Присядь, поди сюда.

Любочка.

Я знаю про кого.

Бѣлокопытовъ? Да?

Крупенниковъ (*смѣясь*).

Гляди—узнать успѣла!

Любочка.

А если это онъ—не намъ искать его.
Пускай впередъ онъ самъ побѣгаетъ, поищетъ,
Гордецъ, военщина... Въ карманахъ вѣтеръ сви-
щетъ,

А сколько гордости!..

Розальскій.

Позвольте вамъ сказать,
Вы въ этомъ случаѣ вполне несправедливы,
Нельзя же такъ сплеча, огуломъ осуждать.

Крупенникова (*дочери*).

Есть разные полки: одни полки красивы,
Другіе—менѣе...

Крупенниковъ

Агафья, помолчи.

Любочка.

Тоска съ военными—все щурятся и млѣютъ.

Розальскій (*съ увлеченіемъ*).

Да есть ли гдѣ еще такіе ловкачи?

(*Въ передней раздается звонокъ*).

Звонокъ. Съѣзжаются. Идите одѣваться.

Я здѣсь приму безъ васъ. (*Любочка убѣжала*).

Крупенниковъ (*уходя*).

Прими, братъ.

Розальскій.

Радъ стараться.

Крупенниковъ (*въ дверяхъ*).

Агафья Ниловна, пойдешь ты?

Крупенникова (*намыренно мѣш-
каетъ*).

Я сейчасъ.

(*Крупенниковъ ушелъ. Крупенникова у дверей
ускоренно дышетъ. Розальскому съ увлеченіемъ*).

Я такъ... сочувствую, такъ понимаю васъ...

Ты—мой кумиръ! (*Ушла*).

Розальскій (*цѣлуя свои пальцы,
ей вслѣдъ*).

Амуръ! (*Мѣняя тонъ*).

Глупа невѣроятно. (*Оправляясь
передъ зеркаломъ*).

Уродъ, стара, глупа... А все-таки пріятно,

Что можешь нравиться, что любить... (*Треплетъ себя за бакенбарды*).

Ахъ ты, плутъ!

Шалунъ ты, старый чортъ... (*Заслышавъ шаги*).

А, вотъ идутъ, идутъ...

(*Входитъ Рогожина*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Розальскій и Рогожина.

Рогожина (*увидя Розальскаго*).

Розальскій, вы ужъ здѣсь? Однако вы исправны. Одинъ, бѣдняжка (*Подаетъ ему руку*).

Розальскій.

Да-съ, какъ рекрутъ на часахъ.

Какъ вѣрный другъ и рабъ Настасьи Николавны, Явился раньше всѣхъ, работалъ такъ, что страхъ. И сдѣлалъ все-съ.

Рогожина.

Уже?

Розальскій (*понижая голосъ*).

Всѣ въ полномъ восхищеньи.

И дочку отдадутъ, и деньги и имѣнье...

Я вижу, знаете,—и я здѣсь наживу,—

Хоть тятенька и скупъ, а я съ него сорву.

Рогожина.

Ну, это васъ расчетъ. Вы вотъ что мнѣ скажите: Гдѣ-жъ ваши... какъ ихъ звать? Патроны, протеже,—

Вы какъ ихъ числите?

Розальсній.

Ужь вы ихъ извините,
Приводять въ должный видъ обычный неглиже.
(Входитъ Бѣлокопытовъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Бѣлокопытовъ.

Рогожина.

А вотъ и вы, мой другъ. А мы васъ поджидали.

Бѣлокопытовъ (*цѣлуя ея руку*).
Дѣла... bonjour, дѣла немножко задержали.

Рогожина (*замѣтя запахъ отъ
его головы и видя его
расчесанные усы*).

У куафера былъ? Я вижу по усамъ.
Прельщать собрался, а? (*Слепка ударяетъ его
вѣеромъ*).

Вотъ я тебѣ задамъ!—
Отъ васъ въ восторгъ придетъ мамзель Крупен-
никова.

Могу поздравить васъ: она почти готова
Вамъ сердце нѣжное навѣки подарить...
(*Молчаніе. Розальскій, замѣтя интимность тона
Рогожиной, удаляется въ глубину комнаты, чтобы
не мѣшать*).

Рогожина (*съ отпѣнкомъ нѣмъ
въ голосъ*).

Вчерашней оперы я не могу забыть...
Ты помнишь, баловень?

Бѣлокопытовъ (крѣпко сжимая руку).

Во вѣки не забуду!

Рогожина.

Не врешь? Ты—нашъ Парисъ. А я... Еленой буду
На долго ли?

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Крупенникова.

Крупенникова (бросаясь къ Рогожиной).

Настасья Николавна!

Рогожина (отъ всей души).

Агафья Ниловна!

Бѣлокопытовъ (кланяясь особенно пріятно и почитательно).

И такъ еще недавно
Имѣлъ честь быть... Теперь опять судьба...

Рогожина.

А гдѣ же Любочка?

Крупенникова.

Elle est encore là bas (Зоветъ).

Любовь, вене плю вить!

Рогожина.

Я первая явилась.

Помочь пріѣхала. Я страхъ какъ удивилась, —
Вдругъ слышу, что у васъ назначенъ комитетъ.

Такая честь, такой... Огромное вниманье!
(*Оглядывается через лорнетъ столъ, пригото-
вленный въ глубинѣ*).
Розальскій, dites, здѣсь будетъ засѣданье?

Рогожина.

А вотъ и Любочка и самъ Трофимъ Кузьмичъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Входятъ Крупенниковъ и Любочка.

Крупенниковъ (*во фракъ, Рого-
жиной*).

Мое почтеніе-съ (*Бѣлокопытову*). Намъ очень
пріятно.

(*Оба замѣтно заискиваютъ другъ въ другъ. Ро-
гожина фамиллярно подала руку Крупенникову.
Бѣлокопытовъ, раскланявшись съ Любочкой, лю-
безно разговариваетъ съ ней*).

Рогожина (*шутя*).

Розальскій, слушайте, — вы намъ сегодня спичъ
Должны сказать.

Розальскій.

Готовъ-съ.

Крупенниковъ.

Довольно аккуратно,
Ловчѣй его найдемъ, прикажите? Сейчасъ, —
Не слышимъ дорого-съ.

Бѣлокопытовъ (*продолжая съ
Любочкой разговоръ*).

Вчера я видѣлъ васъ.

Любочка.

Въ театрѣ?

Бѣлокопытовъ.

Въ оперѣ.

Любочка.

А я васъ не видала.

Бѣлокопытовъ.

Я пробылъ полчаса.

Любочка.

Тоска. Я все зѣвала, —

Тоска! (*Отходятъ къ сторонѣ, продолжая разговаривать*).

Крупенниковъ (*Рогожиной*).

Пожалуйте въ гостинну-съ (*Розальскому*).

Секлетарь,

Чего болтаешься, какъ словно пономарь? (*Рогожиной*).

Пардонъ-съ, на счетъ дѣловъ... (*Розальскому*).

Бумаги-те готовы?

Розальскій.

Готово все.

Крупенниковъ.

Вполнѣ?

Розальскій.

Прошедшій протоколъ,

Рисунки, планы, все...

Рогожина.

Какъ это мило, ново —

Затѣять выставку и насъ, прекрасный полъ,

Призвать къ содѣйствию — премилая идея.

Крупенниковъ.

Не на казенныя-съ, свои-съ,—намъ какъ чуднѣе.
(Приглашая въ гостиную, налево).
Пожалуйте, покорнѣйше прошу. (Уходятъ всѣ,
кромя Любочки и Бѣлокопытова).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Бѣлокопытовъ и Любочка.

Любочка (сидя возлѣ піанино,
направо).

Я такъ увлечена Лекокомъ, Оффенбахомъ!

Бѣлокопытовъ.

А я такъ просто къ нимъ пристрастіемъ дышу!
А помните съ какой стыдливостью и страхомъ
Бывало въ обществѣ рѣшались говорить
Объ этихъ авторахъ?

Любочка.

Смѣшно вообразить!
А въ пансіонѣ мы двухъ тактовъ спѣть не смѣли.

Бѣлокопытовъ.

Вотъ такъ и Пушкина дозволить не хотѣли,
Да вѣдь дозволили! Всѣ авторы терпѣли
Такую участь.

Любочка.

Да?... (Раздумывая). Положимъ, гдѣ
канканъ —

Не ловко барышнямъ... Но если безъ канкана,
Одни слова... въ чемъ грѣхъ? (Смѣется). При-
сѣсть за фортепіано.

Нельзя, -- безнравственно!...

Бѣлокопытовъ (тоже смѣясь).

Ужасный балаганъ!

Все проповѣдуютъ Тургенева да скуку,
Шопеновъ, Гамлетовъ, Чайковскихъ и... науку!
Мы съ вами молоды, мы жить хотимъ, порхать.
Смѣшно же намъ сидѣть за книжками, зѣвать,—
Когда есть деньги—жить.

Любочка.

Какъ я васъ понимаю!

Бѣлокопытовъ.

Я здѣсь одну семью довольно близко знаю,
Сосѣди мнѣ, Петунниковъ.

Любочка (чуть усидѣла на мѣ-
стѣ).

Ага!—(Оправилась).

Что это за люди?

Бѣлокопытовъ.

Да... тысячъ девяносто,
Я думаю, у нихъ. Но, какъ она строга!
Какая скука съ ней!—Все это мило, просто,
Но скука—Боже мой!—Наука и тоска! (Смѣется).
Принципы, знаете...

Любочка (тоже смѣясь).

Принципы? Ха, ха, ха!

Бѣлокопытовъ (хохочетъ).

Принципи, цвѣты... премилая особа,
Но вся въ принципіяхъ!

Любочка.

Они смѣшные оба.

Бѣлокопытовъ.

Старикъ—чудакъ и глупъ.

Любочка.

Такъ, стало, мнѣ солгали...

Бѣлокопытовъ.

О чемъ-съ?

Любочка.

Что будто вы... тамъ—сердце потеряли?

Бѣлокопытовъ (*смѣясь*).

Какой ужасный вздоръ!—Читали вы Нана?

Любочка.

Хотѣла—не дали.

Бѣлокопытовъ.

Я завтра вамъ доставлю.

Тамъ дивно сказано: „кухарка не жена“. (*Тономъ увлеченія*).

Жена есть радость дней, жену я выше ставлю
Всѣхъ этихъ... знаете... шикарныхъ...

Любочка (*опустивъ глазки*).

Je comprends.

Бѣлокопытовъ.

Та—надоѣла—прочь, *assez, allez vous en...*
Жена—не то... жену съ ноги не сбросишь,
Жена командуетъ, а ты смиренно сносишь...
Жена—букетъ съ роскошными цвѣтами...

Любочка (*про себя*).

Какой онъ... миленькій! (*Ему*). Какъ сходимся мы
съ вами.

Бѣлокопытовъ (*пониживъ голосъ*).

Такъ завтра привозить прелестную Нана?—
Я пламенно люблю всѣ маленькія тайны.

Любочка.

Я только, знаете... боюсь, чтобы случайно
Не догадался кто, что книжка...

Бѣлокопытовъ (*перебивая его*)

Вотъ те на!

Да мы ее на дно, въ коробку, подъ конфеты.

(*Небольшое молчаніе. Бѣлокопытовъ проникательно оглядываетъ Любочку*).

Какъ мило вы, какъ правильно одѣты!

И бюстъ не скрытъ и—шикъ и... скромность, —
красота.

Любочка.

О, я костюмами серьезно занята.

Хоть это и смѣшно, но я ихъ изучаю.

Бѣлокопытовъ.

Нисколько не смѣшно; я это уважаю,—

«Le style c'est l'homme» сказалъ... да, кажется,
Гюго.

(*Хочетъ взять ея руку, она ловко увернулась и
стѣла за пианино*).

Любочка.

Сыграть вамъ что нибудь? (*Бренчитъ пѣсню Ама-
ранты изъ Аню*).

Бѣлокопытовъ.

C'est chic—Madame Angot!

ЯВЛЕНІЕ Х.

*Входятъ Крупенниковъ, Розальскій и Зотовъ.
(Любочка при входѣ ихъ встала изъ-за піанино).*

Крупенниковъ (Бѣлокопытову).

Чудесно хорошо-съ, пожалуйста, играйте.
Прошу покорнѣйше-съ.

Розальскій (Любочкѣ).

Играйте, продолжайте (*Напѣвая*).

„Ходитъ браво,
Словно пава“... (*Бѣлокопытову*).

Не правда-ли, какой прелестный стихъ?

Любочка (Бѣлокопытову).

Такъ мы въ диванную пойдемъ смотрѣть альбомы?
(*Тотъ предупредительно раскланивается*).

Крупенниковъ (ему же).

Пожалуйте-съ, весьма-съ... Прошу васъ быть какъ
дома. (*Провожая его въ глубину дверей*).
Покорнѣйше прошу-съ.

*Зотовъ (по уходѣ Бѣлокопы-
това, наклоняясь къ уху
Крупенникова).*

Кто будетъ? изъ какихъ?

Крупенниковъ (внушительно).

Изъ питерскихъ... Рука — А можетъ и женихъ.
(*Продолжая разговоръ начатый съ Розальскимъ*).
Ты знай одно веди: ты въ родѣ какъ не знаешь,
И я какъ будто бы ни слова не слыхалъ (*указы-
вая на Зотова*).

Ермилъ предложить. Ну, — я будто, и присталь
къ нему, къ Ермилу-то. Ты чувствуешь? Смека-
ешь?

Розальскій.

Обдѣлаемъ.

Крупенниковъ.

Смотри.

Розальскій.

Отлично подведу. —

Сейчасъ пойду, шепну, поддержечку найду,
Сторонниковъ — и дѣло обѣгоримъ.

Но слово, помните: двѣ тысячи.

Зотовъ.

Не споримъ.

Крупенниковъ.

Ты только выверни.

Зотовъ.

Росписку можемъ дать.

Розальскій.

Куртажную? — Шутникъ. Да развѣ можно брать
въ такихъ дѣлахъ росписки? Постыдитесь, —
въ дѣлахъ общественныхъ!... А сплетень не бои-
тесь?

Газеты, умники того вамъ зададутъ,
того наскажутъ: воръ, мошенникъ, скажутъ,
плутъ...

И хуже, знаете, бываетъ, обругаютъ.
Въ дѣлахъ общественныхъ... вѣдь это дѣти зна-
ютъ, —

На совѣсть, батенька, — на совѣсть всѣ дѣла.

Крупенниковъ (*Зотову пояснительно*).

Чтобъ шито-крыто.

Зотовъ.

Такъ.

Розальскій.

И быстро, какъ стрѣла,—
Чтобъ не расчухали.

Крупенниковъ (*перебивая его*).

Да будетъ, понимаемъ.
Небось, не первый разъ. Отстань, братъ, надол-
ѣлъ...

ЯВЛЕНІЕ XI.

Крупенниковъ и Зотовъ.

Зотовъ (*наклоняясь къ Крупенникову, киваетъ на ушедшаго Розальскаго*).

Онъ какъ на счетъ ума? На счетъ всѣхъ этихъ
дѣлъ?

Крупенниковъ (*показывая на комнату и въ гости*).

Умнѣй ихъ всѣхъ, шельмецъ. Я такъ ихъ понимаю.

Зотовъ.

Кого? Господъ?

Крупенниковъ.

Господъ. (*Мѣняя тонъ*). Я, значить, направляю —

Чтобъ, значить, фабрику, примѣрно, корпуса —
Подъ выставку...

Зотовъ.

А ей открытіе весною?

Крупенниковъ.

Весной собираются. Ахъ, дѣльце, — чудеса!..
Кабы да если бы... А можетъ и устрою!
И, значить, мнѣ съ тебя — четверка, магарычъ? —

Зотовъ.

Само собой. (*Протягиваетъ ему руку, ударяютъ по рукамъ*).

Крупенниковъ.

Идетъ!

Розальскій (*показывается въ дверяхъ*).

Онъ здѣсь. Трофимъ Кузьмичъ!
(*Крупенниковъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Зотовъ одинъ.

Зотовъ (*ухмыляется, глядя вслѣдъ Крупенникову*).

Вотъ и гляди на нихъ, — Трофимка пролѣзаетъ...
Гляди-ко-ся — медалей нахватаетъ.

Не проворуется — и выше заберетъ...

А все для общества... Ахъ чертъ тебя деретъ!
(*глядитъ вслѣдъ Крупенникову*).

Ко всѣмъ ласкается, какъ вьюнъ какой вертится!
(*Уходитъ за Крупенниковымъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Проходятъ Петунниковъ и Ивановъ.

Петунниковъ.

Кругомъ всѣ плачутся, что дѣло не спорится.

Ивановъ.

Какое дѣло-то? Дѣлежка пирога?

Мірской пирогъ манить, велики аппетиты.

Имъ дѣло дорого? Утроба дорога.

Жужжать, копошатся и жрутъ какъ паразиты.

Петунниковъ (*смѣясь*).

Ахъ... Такъ всѣ голодны!...

Ивановъ.

И всякій-то оретъ:

Тыщенокъ сто—и сытъ.

Петунниковъ.

Сто тысячъ?—Не возьметъ!

Ивановъ.

Крадутъ и плачутся—ничто, молъ, не спорится!

(*Уходятъ, продолжая смѣяться*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Входятъ Рогожина и Бѣлокопытовъ.

Рогожина (*продолжая начатый разговоръ*).

Такой здоровый быкъ и вдругъ—кого боится?

Больного, нервнаго, смѣшного старика.

Петунниковъ—добрякъ.

Бѣлокопытовъ.

Задача нелегка...

Скандалъ, неловко.

Рогожина.

Вздоръ. Кончай ты это дѣло.

Здѣсь—кушъ, не той чета. Ужъ еслибъ захотѣла—
Она тянуть отвѣтъ не стала бы.

Бѣлокопытовъ (*неожиданно улы-
баясь во весь ротъ*).

C'est drôle...!

Смѣшная мысль пришла: я сдѣлалъ карамболь
По Машенькѣ, а взялъ Крупенникову...
Гм... шаръ шаромъ... c'est drôle.

Рогожина.

А мы у васъ не въ счетъ?

Бѣлокопытовъ (*привлекая ее къ
себѣ*).

Вы—мой предметъ любви; та—дойная корова,—
Большая разница.

Рогожина.

Пойми ты свой расчетъ.
Ты понимаешь ли, что ты съ ней словомъ связанъ.

Бѣлокопытовъ.

Положимъ, чортъ возьми, но я вѣдь не обязанъ
Ея отвѣта ждать полгода... цѣлый годъ.

Рогожина.

Такъ ты потребуй.

Бѣлокопытовъ.

Гмм...

Рогожина.

И дѣло разъяснится
И ты свободенъ.

Бѣлокопытовъ.

Н... да... А вдругъ да согласится?
Вдругъ — двѣ? — *C'est fort.*

Рогожина (*ласково ударяя его
вѣромъ*).

Дуракъ. Смотри, — она идетъ. (*Уходя
направо*).

Базиль, прошу тебя, смѣлѣе. (*Ушла*).

Бѣлокопытовъ.

Попытаю.

Съ чего и какъ начать... Ей Богу я не знаю.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Бѣлокопытовъ и Маша (*входитъ справа*).

Бѣлокопытовъ (*какъ будто не-
чаянно загоражи-
вая дорогу*).

Я счастливъ, что могу...

Маша (*глядя вслѣдъ уходящей
Рогожиной*).

Куда-жъ она ушла?

Бѣлокопытовъ.

Мадамъ Рогожина? Она... она искала
Кого-то здѣсь...

Маша.

И васъ нечаянно нашла?

Бѣлокопытовъ.

А, вы ревнуете?

Маша (*очень строго и холодно*).

Я права не давала,
Василій Юрьевичъ, со мной такъ говорить.

Бѣлокопытовъ.

А было время вы... почти, почти невѣста...

Маша.

Василій Юрьевичъ, прошу васъ позабыть...
Что было—умерло.

Бѣлокопытовъ.

Бывало...

Маша (*прерываетъ его, удерживая свое негодованіе*).

Не у мѣста
Здѣсь этотъ странный тонъ. (*Небольшое молчаніе*).

Бѣлокопытовъ.

Такъ вотъ онъ, вашъ отвѣтъ!
Я ждалъ... Я былъ у васъ, но вы не принимали,
Я вамъ писалъ, но вы... молчаньемъ отвѣчали.
Отказъ... отказъ! (*Старается изобразить отчаяніе*).

Маша.

Теперь—иллюзій нѣтъ,
Ихъ нѣтъ, я выросла.

Бѣлокопытовъ.

Въ одну, въ двѣ, въ три недѣли!

Маша.

Василій Юрьевичъ, растутъ и въ часъ одинъ.
И какъ растутъ,—старѣютъ...

Бѣлокопытовъ.

Неужели

Все кончено?... И нѣтъ ужъ той любви...

Маша.

Люби?—Оставьте ложь. Нѣтъ, я васъ не любила,
Я ошибалась.

Бѣлокопытовъ.

О! А здѣсь, въ мозгу, въ крови—
Любовь безумная!

Маша (*очень сдержанно*).

Но, я ужъ васъ просила, —
Не лгите мнѣ, нельзя же вѣчно лгать!—
Людей и жизнь я лучше понимаю,
Чѣмъ вы тогда могли предполагать.
Я много думала и... многое узнала.
Да, я была слѣпа; теперь я увидала...
Я... Я не знала васъ, и я... не васъ любила,
Не васъ, а тотъ—какой-то чудный бредъ,
Мечту свою... Ее ужъ больше нѣтъ.
Простите мнѣ, какъ я вамъ все простила...

Бѣлокопытовъ (*нѣсколько рас-
терялся*).

Но я... но въ чемъ же я предъ вами виноватъ?

Маша.

А... вы не знаете?

Бѣлокопытовъ *(пробуетъ под-
нять тонъ)*.

Я буду очень радъ
Узнать вину мою. Скажите, объясните.

Маша *(нахмутивъ брови)*.

Василій Юрьевичъ... Стыдитесь, пощадите...
О, да, я вижу,—да,—вы правы предо мной.
Довольны вы?—Вамъ не дано сознанья
Добра и зла... Не вы... не я — тому виной...
(Строго и рѣзко).

Одно прошу васъ знать: межъ нами разстоянье—
Неизмѣримое... Прошу васъ понимать
Все то различіе...

Бѣлокопытовъ *(перебивая ее, то-
номъ глубокаго огор-
ченія)*.

О,—я привыкъ страдать!...

Маша *(не въ силахъ сдержатъ
свое отвращеніе)*.

Фу, что за низости... Стыдитесь! Понимайте
Съ кѣмъ вы находитесь! *(Тотъ хочетъ говорить)*.

Молчите! И... прощайте.

*(Быстро идетъ къ двери и встрѣчаетъ Петунни-
кова)*.

Ты здѣсь, папа, а я тебя ищу. *(Уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Бѣлокопытовъ и потомъ Рогожина и Розальскій.

Бѣлокопытовъ (дрожа отъ озлобленія).

Дѣвченка дерзкая... Ну, нѣтъ, я не прощу,
Нѣтъ ты постой... Вамъ съ папенькой придется...
Попомните меня... Вамъ это обойдется!...

Рогожина (входя съ Розальскимъ).

Конецъ? Покончено?

Розальскій (заглядывая ему въ лице).

Онъ мраченъ и сердитъ.

Бѣлокопытовъ (тотчасъ оправился).

Сердитъ? Нисколько, нѣтъ. Я нравственно убить.
Вѣдь какъ бы ни было... Вѣдь все-таки любила!..
Ну,—слезы, нѣжности... вздоръ всякій говорила...
Когда не любишь самъ,—ужасно тяжело!

Розальскій.

А вамъ-то что до нихъ, коль счастье повезло?

Бѣлокопытовъ (счастливо улыбаясь).

Да... шаръ шаромъ,—сейчасъ мы говорили.

Розальскій.

Я объ одномъ молюсь: чтобъ вы не позабыли
Друзей при счастіи.

Бѣлокопытовъ.

О, въ этомъ я клянусь!

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Входятъ: Кисляковъ, Петунниковъ, Репортеръ, Помѣщикъ, Ивановъ, Крупенниковъ, Зотовъ и другіе.

Кисляковъ (продолжая начатую рѣчь).

Да-съ, этотъ быкъ—замѣтное явленіе.
Намъ слѣдуетъ его серьезно изучить.
Вѣдь это, знаете, такое поколѣніе...

Крупенниковъ (въ тонъ ему).

Скотина дивная-съ, нельзя не похвалить!
Бѣлокопытовъ и Рогожина, тихо разговаривая, отходятъ въ глубину и въ послѣдствіи уходятъ въ другія комнаты.

Репортеръ (вынимая записную книжку, Петунникову).

Позвольте, кличка какъ-съ? Какъ имя?

Петунниковъ.

Васька бѣлый.

Репортеръ (записывая).

Василій.

Петунниковъ (поправляя его).

Васька.

Репортеръ.

Такъ-съ, замѣтимъ, будемъ знать.
Въ газетѣ слова два позвольте сказать?

Розальскій (смѣясь).

Да ты съ него портретъ для общей пользы сдѣлай.

Петунниковъ.

А то не сдѣлаю?

Репортеръ.

Ахъ, трудно передать
Всѣ свойства, качества, въ портретѣ иль картинѣ,
Всѣ эти мелочи, присущія скотинѣ!

Петунниковъ (*не то шутя, не
то серьезно*).

Я—скромень-съ. Выйдетъ онъ хоть чуточку по-
хожъ,
Замѣтитъ общество—и ладно, и хорошъ.

Кисляковъ (*саясь*).

Я слышалъ, вы теперь въ процессѣ состоите?

Петунниковъ (*и другіе — са-
дятся*).

Сужусь-съ, — тяжелый крестъ Господь на насъ
наслалъ.

Кисляковъ.

Идетъ порядочно?

Петунниковъ (*махнувъ рукой*).

Да что, не говорите.
Всю голову я съ нимъ, съ проклятымъ, потерялъ.
Одно прошу, одно: кончайте поскорѣе.

Кисляковъ.

Процессъ, вы знаете, вѣдь это лотерея.

Петунниковъ.

Гражданскій нашъ процессъ? — картежная игра!
Какъ въ картахъ — счастье, какъ въ картахъ —
мастера...

Вамъ не даютъ того, что должно вамъ по праву, —
А ну-ко-сь — выиграй, попробуйка! Сдають.
Удачны карты — взялъ, плохая сдача — бьютъ;
А тутъ кругомъ снуеть совѣтчиковъ орава:
Да вамъ бы съ пикъ пройти, туза приберегайте...
Снесите, плохо вамъ... Попался, — козыряйте!
Всѣ карты, какъ въ игрѣ, — отъ двойки до туза.
Есть взятки, козыри, червонные валеты...
И крапъ встрѣчается, и такъ же вамъ глаза
Запустятъ въ карты, все-сь... Одной лишь правды
нѣту.

Нѣтъ я не то, не такъ... Положимъ, — правда
есть,

Но такъ она хитро закутана, одѣта...
Плюсь-минусъ, минусъ-плюсь, — всего не пере-
честь...

Для шустрыхъ, ловкихъ — есть, для насъ несчаст-
ныхъ — нѣту. (*Небольшое молчаніе*).

Редакторъ.

Какъ вѣрно сказано, какъ мѣтко и остро!

Ивановъ.

Браниться, сравнивать, смѣяться — не хитро...
Легко осмѣивать... (*Петунникову*).

Прошу не посердиться...

По моему — нельзя, постыдно согласиться
Съ подобнымъ мнѣніемъ. Судь гласный отрицать!
Топтать и — какъ топтать... Не знать, не понимать
Его великаго, культурнаго значенья!
Да послѣ этого — топчите просвѣщенъе,
Искусство, знаніе...

Петунниковъ (*въ жливо привста-
вая съ мѣста*).

Позвольте сказать?..

Ивановъ.

Прошу васъ.

Петунниковъ.

Юноша... впередъ, чѣмъ нападать,
Чѣмъ безъ нужды на бой вооружаться,
Не лучше ли спокойно постараться
Узнать врага, понять—да полно, онъ ли врагъ?...
Познать друзей своихъ теперь—мудреный шагъ...
Я—врагъ; но врагъ чего: великой ли идеи
Открытаго и праваго суда,
Другого ли чего? И нынѣ фарисеи
Живутъ и дѣйствуютъ, какъ въ прежніе года...
Они—значенія суда не понимаютъ,
Не мы,—они, они! Имъ—деньги и мѣста.
Какъ тѣ не поняли и распяли Христа,
Такъ—правду Божию и эти распинаютъ!...

(Снова умаяясь до простого въжливаго тона).

Я-съ... Я имѣлъ въ виду не судъ, — дурныхъ
судей.

Я не законъ топчу,—топчу людей,
Не понимающихъ всей святости закона,
Кто въ ремесло, въ торговлю обратилъ
Служенье истинѣ и... правду извратилъ.
Законъ—спасеніе, защита, оборона;
Судъ—не турниръ, не зрѣлище, онъ—храмъ!
Изъ формы, изъ крючковъ мы сдѣлали науку...
Не форму безъ души, подайте правду намъ,
Она для насъ живетъ!... *(Иванову послѣ минут-
наго молчанія).*

Такъ мы не споримъ? — Руку.

*(Ивановъ горячо и сочувственно подаетъ ему руку;
остальные присутствующіе другъ съ другомъ раз-
говариваютъ и перешептываются).*

Ивановъ.

Я дурно понялъ васъ.

Крупенниковъ (*тихо Зотову*).

Старикъ—а вывезъ штуку...

Петунниковъ (*отвѣчая Ивану*).

Э, полно, юноша не этого стыдись,
Стыдись—молчанія.

Зотовъ (*тихо Крупенникову*).

А онъ, братъ, съ капиталомъ.

Крупенниковъ.

А что?

Зотовъ.

А то—въ словахъ, молъ, больно рысь,
Не опасается.

Крупенниковъ.

И тотъ, должно, быва-
лый—
Храберъ, набросился. (*Продолжаетъ говорить тихо*).

Кисляковъ (*обращаясь къ присутствующимъ*).

А нашъ-то предсѣдатель—
Каковъ? Забылъ про насъ. Повѣстки разослалъ,
Обезпокоилъ всѣхъ...

Крупенниковъ (*глядя на часы*).

Маненько запоздалъ.

Редакторъ (*тихо Петунникову*).
Вотъ—самолюбіе! Нашелся надзиратель
Надъ предсѣдателемъ... Вотъ, сударь,—крупный
умъ!
Вы познакомьтесь съ нимъ.

Розальскій (*обращаясь ко всѣмъ*).
Какой въ передней шумъ...

Кисляковъ.
Пріѣхалъ?

Редакторъ.
Генералъ?

Репортеръ.
А мы-то ждали, ждали.

Крупенниковъ.
Встрѣчатъ пожалуйста-съ. (*Идетъ съ другими на
встрѣчу*).

Редакторъ (*идя съ Кисляковымъ*).
Вотъ вы бы попеняли,
Сказали бы...

Кисляковъ (*уклончиво*).
Да что, — не стоить говорить.
(*Всѣ уходятъ, кромѣ Петунникова*).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Петунниковъ и Маша.

Маша (*быстро входя справа*).
Ты здѣсь, ты здѣсь, папа. Уѣдемъ ради Бога—
Со мной хозяйева почти не говорятъ...

Петунниковъ (*стараясь ее успо-
коить*).

Марусенька, ты не суди ихъ строго—
Необразованны...

Маша (*не даетъ ему договорить,
очень взволнована*).

Шушукать, молчать...

Я, папочка, тебя совсѣмъ не понимаю,
Скажи пожалуйста, зачѣмъ мы здѣсь съ тобой?

Петунниковъ.

Дружечекъ мой, я такъ ихъ мало знаю...
Ты въ засѣданіе пріѣхала со мной.

Маша.

Поѣдемъ, папочка. (*Хотятъ идти*).

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Входятъ: Мухоморовъ и всѣ проч. лица и гости.

Мухоморовъ (*Крупенникову гром-
ко, рѣзко и отрыви-
сто*).

Вамъ очень благодарно
Все общество, вы—дали намъ пріютъ,
А... наше общество такъ дружно, солидарно,
Что нѣтъ сомнѣнія... что мы... (*Ищетъ, что еще
сказать*).

Крупенниковъ.

Тамъ-съ какъ сочтуть.

Я—отъ души, примѣрно, безъ расчетовъ.
Спасибо скажутъ—такъ; не скажутъ—промолчимъ.
Свиньей мы не были-съ,—для общества хотимъ
Примѣрно пользы, да-съ... Ермилъ Миняичъ Зо-
товъ (*Представляетъ Зотова*).
Рекомендую-съ.

Мухоморовъ.

А!.. Весьма... (*Обращаясь ко всѣмъ*).

Я опоздалъ.

Сегодня, знаете... графъ... графъ за мной при-
слалъ.

Дѣла... по выставкѣ, по нашему же дѣлу.
Звалъ въ ложу... въ оперу,—вопросы... Славно
пѣла

Сомнамбула... Сопрано—и талантъ!.. (*Показывая
пальцемъ на Зотова, въ упоръ*).

Землевладѣлецъ? А? Торговецъ?

Крупенниковъ.

Фабрикантъ. (*Зотовъ кла-
няется*).

Мухоморовъ (*къ присутствующимъ*).

Вопросъ о зданіи сегодня мы отложимъ.

(*Въ средѣ собранія нѣкоторое недоумѣніе*).

Какъ вами избранный, я думалъ предложить...
Пришла идея... гм... отважная, положимъ,
Смѣла, рагблеу... смѣла!.. Но, нужно обсудить,
Создать немножко... А? А можно порразить!..
Толкуютъ, пишутъ... гм... Въ Россіи грубы нравы...
Сегодня, въ оперѣ... вдругъ—мысль! (*близъ стоя-
щему*).

Клянусь вамъ, право,—
D'un coup, внезапно, вдругъ... А что бы попытать,
Посредствомъ музыки ихъ... нѣсколько смягчать?
Мотивы нѣжные такъ сердце размягчаютъ...
Не правда? А? (*Редакторъ утвердительно киваетъ
головой. Мухоморовъ продолжаетъ самодовольно*).
Вѣдь всякій это знаетъ,
А между тѣмъ до насъ... никто... до этихъ поръ...

Ивановъ (*тихо Петунникову*).
Что, онъ помѣшанный?

Мухоморовъ (*продолжая*).
Устроить можно... хоръ,
Создать отдѣлъ... народный, музыкальный...

Редакторъ.
Идея—дивная, вопросъ фундаментальный!..

Мухоморовъ (*быстро поворачи-
ваясь къ нему*).
Не правда? А? Народъ... вѣдь онъ поетъ?

Крупенниковъ.
Поетъ-съ.

Мухоморовъ (*оборачиваясь къ
нему, громко*).

Поетъ?

Крупенниковъ.
Поетъ...

Мухоморовъ.
Онъ много водки пьетъ;
А музыка его отъ этого отъучить...
Отъучить? А? Смягчить?

Редакторъ.

И... многому научить.

Мухоморовъ.

Я такъ и... гм... ну да... Мелодія нужна.
Нужна... (*ищетъ слово*) мелодія. Она создать должна
Изъ насъ, изъ cadaго... съ талантомъ, безъ
таланта...

Какъ это выразить? Немножко... музыканта.
Не правда? А? (*Указывая на приготовленный столъ*).

Прошу мѣста занять.

*Присутствующіе направляются къ столу. Розаль-
скій тащитъ Петунникова знакомиться съ Мухо-
моровымъ.*

Петунниковъ.

Оставь, пожалуйста—не время представлять.

*Любочка (незамѣтно подталки-
вая Розальскаго, Петун-
никову).*

Вы рѣчь намъ скажете, къ чему-жъ не позабавить.

Петунниковъ (*вспыхнувъ*).

Я старъ, сударыня... (*Маша его останавливаетъ*).

Розальскій (*Мухоморову*).

Позвольте вамъ представить:
Владѣлецъ, экспонентъ фламандскаго быка.

Мухоморовъ (*спрашиваетъ тихо
у репортера*).

А... Какъ зовутъ?

Репортеръ (*также*).

Зовутъ-съ? Василій...

Мухоморовъ (подходя къ Петунникову и протягивая ему руку).

Намъ пріятно
Привѣтствовать средь насъ... Василій... (Задумался какъ дальше).

Крупенниковъ (тихо Зотову).

Вотъ занятно!

Мухоморовъ (продолжая).

Василій...

Петунниковъ.

Я—Степанъ-съ. (Удивленіе Мухоморова).

Бѣда не велика,—

Ошиблись.

Мухоморовъ.

Я? Когда?

Петунниковъ (втолковывая ему).

Сказали вамъ невнятно.

Мухоморовъ.

О чемъ?

Петунниковъ (громче прежняго).

Василій—быкъ; онъ, Васька—быкъ, а я—
Степанъ Степановичъ. Здѣсь многіе меня
До сей поры по немъ, по Васькѣ, знаютъ.
А такъ-то, знаете, не вдругъ запоминаютъ.

Мухоморовъ (понялъ).

А! Быкъ, да... быкъ—да, да! Фу, что за чепуха!
Смѣшалъ... Pardon, смѣшалъ... скажите, ха, ха, ха!
(Смѣется; многіе изъ присутствующихъ тоже
смѣются).

Голоса.

Ха, ха, ха, ха, ха, ха! Съ бычкомъ его смѣшали!

Другіе.

Ха, ха! Да тотъ красивъ.

Голосъ

Похожъ!

Третьи.

Ну, нѣтъ, едва ли! (*Смѣхъ*).

Маша,

(которая, видя насмѣшки надъ отцомъ, хотѣла подавить въ себѣ приступившія рыданія, дѣлаетъ шагъ къ нему, едва держась на ногахъ).

Рогожина

(замѣтила это и бросается къ Машѣ, незамѣтно толкая локтемъ Бѣлокопытова).

Что съ вами, Боже мой, Мари?..

Бѣлокопытовъ (бросаясь за Рогожиной).

Она больна!

Маша.

Мнѣ дурно...

Бѣлокопытовъ (хочетъ взять ее за руку).

Боже мой, воды!

Маша (отстраняясь отъ него).

Сама, одна...

Мнѣ дурно... (*Падаетъ на руки къ отцу*).

Петунниковъ.

Господи!.. Маруся... помогите!

Бѣлокопытовъ (*бросаясь помогать*).

Воды, скорѣй воды! Опрыскайте водой!

Петунниковъ (*отстраняя его*).

Позвольте, сударь мой, мы сами, извините...

(*Видя, что тотъ не отходитъ*).

Прочь! Вы не смѣете марать ее собой! (*Общее смятеніе*).

З а н а в ѣ с ѣ .

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Черезъ пять дней послѣ предыдущаго дѣйствія. Декорація второго акта. Петунниковъ сидитъ у чайнаго стола, совсѣмъ одѣтый, но еще въ халатѣ. Утро. При поднятіи занавѣса часы бьютъ восемь. Въ дверяхъ налѣво показывается Анна Львовна.

ЯВЛЕНІЕ I.

Петунниковъ и Анна Львовна.

Петунниковъ (*привставая съ мѣста*).

Больна? Проснулась, а?

Анна Львовна.

Она совсѣмъ здорова.
Сюда торопится, одѣнется сейчасъ.

Петунниковъ.

Бойтся, чай?

Анна Львовна.

За васъ?—Покудова—ни слова.

Петунниковъ.

Ни слова?... Спать бы ей, всего девятый часъ,
О чемъ тревожится?

Анна Львовна (*присаживаясь къ столу*).

Сбиралась въ засѣданье.

Петунниковъ (*съ испугомъ*).

Со мной? Зачѣмъ? Къ чему?

Анна Львовна.

Да я сказала ей,
Что это будетъ вамъ двойное испытанье.
Мы такъ рѣшили: я пока останусь съ ней,
А съ вами—братъ. Боюсь, чтобъ вы не опоздали.

Петунниковъ.

Куда? Въ палату? Нѣтъ, тамъ ровно въ два часа.
(*Входитъ Ивановъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Петунниковъ и Ивановы.

Анна Львовна (*увидя брата*).

А вотъ и братъ. (*Встаетъ къ нему на встрѣчу и цѣлуетъ его*).

Здоровъ?

Ивановъ (*протягивая Петунникову руку*).

Здоровъ. А вы ужь встали?
Что Марья Павловна?

Петунниковъ.

Да что, братъ, чудеса:
Здорова будто бы. Съ постели не вставала,

Хворала, бѣдная, съ тѣхъ поръ... съ тѣхъ са-
мыхъ поръ.

А вотъ теперь встаетъ. Тревожится?

Анна Львовна.

Ни мало.

Ивановъ.

О васъ тревожится? О чемъ? Все это вздоръ.

Ну, проигрышъ,—вишь невидадь какая.

Найдемъ, не клиномъ свѣтъ; на свѣтъ много
дѣлъ. (*Сестръ*).

А ты сегодня что? И ты больна?

Анна Львовна (*отвернулась*).

Не знаю.

Ты хочешь чаю? Пилъ?

Ивановъ.

Признаться, не успѣлъ,
Сюда спѣшилъ. (*Стараясь быть веселымъ, Пе-
тунникову*).

И такъ-съ, сегодня заключенье?
Финалъ, развязка?

Петунниковъ (*съ невольнымъ
вздохомъ*).

Да... послѣднее рѣшенье.

Ивановъ.

Чего насунились? Э, стоитъ горевать!

Побѣда проигрышъ—не важность, наплевать!

(*Входитъ Маша*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Маша.

Маша.

А вотъ и я.

Петунниковъ.

Ну, что? Здорова, славу Богу?

Маша (*цѣлуя его и садясь къ столу*).

Здорова, папочка. Такъ, чувствую немного
Усталость. (*Подавая Иванову руку*). Здравствуйте.
Спасибо, что пришли.

Ивановъ (*не глядя ей въ лицо*).

Я очень радъ, что вижу васъ здоровой.

Петунниковъ (*съ ироніей*).

Съ Владиміръ Львовичемъ мы, знаешь, что на-
шли?

Открыли средствіе, какъ по системѣ новой
Смѣяться въ горести, въ бѣдѣ не горевать.
Секретъ, Марусенька, простой—на все плевать.

Маша (*съ оттънкомъ упрека*).

Владиміръ Львовичу все шутки.

Ивановъ (*немного рѣзко*).

Нѣтъ-съ, не шутки.

Я не болтать пришелъ, я вамъ не прибаутки
Пришелъ рассказывать, пришелъ не утѣшать...
Тутъ кровь кипитъ, такъ вы-съ... извольте по-
нимать.

Маша.

Ахъ, вы не знаете, вѣдь онъ о чемъ жалѣетъ?
Въ Дубровкѣ все у насъ, вся жизнь тамъ про-
текла,
Все дѣтство, молодость... Тамъ все, что онъ
имѣетъ,
Тамъ все прошедшее, все то, чѣмъ жизнь мила:
Воспоминанія...

Петунниковъ *(самъ съ собою)*.

Гнѣздо, гнѣздо родное!

А Маша?—Нищая...

Маша.

Э, папа, что такое,
Какія глупости, не смѣй такъ говорить!
Я не изъ слабенькихъ, съумѣю прокормить
И не себя одну,—тебя возьму въ придачу.
Повѣрь, мой папочка, не струшу, не заплачу!
Не даромъ ты училъ... Ты самъ не мастеръ жить,
Но ты вѣдь, папочка, цѣны себѣ не знаешь:
Да кто жъ научить такъ трудиться и любить,
Кто знаетъ жизнь, людей, какъ ты ихъ понимаешь?
Ты далъ мнѣ цѣлый міръ, все, чѣмъ я дорожу,
Всю ту энергію, ту вѣру, убѣжденья...

Петунниковъ *(перебивая ее со
слезами въ голосъ)*.

Вотъ имъ-то, Машенька, вотъ имъ-то оскорбленье!

Маша.

Да... противъ этого я слова не скажу.
Большой, большой ударъ...

Петунниковъ.

Растоптаны, разбиты
Всѣ упованія... (*Показывая на сердце*). Здѣсь,
здѣсь-то все убито...

Маша.

Владиміръ Львовичъ, а? Какъ горю пособить?
Вы понимаете?

Ивановъ.

А то не понимаю?

И все-таки скажу, что я не унываю—
Нельзя, не можетъ зло, не можетъ побѣдить!
Лжецамъ, ворами, плутамъ, повѣрьте, трудно жить:
Обманъ силенъ и смѣлъ, пока его не знаютъ,
Пока ему и лѣнь и слабость потакаютъ.
А чуть прикрикнете — такого дастъ стрелка...

Петунниковъ (*перебивая его*).

Слыхали сказочку про бѣлаго бычка?
Вотъ эта глупая, ребяческая сказка,
Безъ содержанія, начала и конца,
И есть искомая, конечная развязка...
Подобіе желѣзнаго кольца,
Которымъ скованы всѣ наши начинанья,
Мечты, стремленія, всѣ наши упованья...
Прогрессъ!... Какъ жилъ дикарь, животное въ лѣсу,
Такъ и теперь. Ни дать, ни взять какъ бѣлка:
Такимъ-то гоголемъ бѣжить по колесу,
Всѣхъ судить, все бранить, все глупо, жалко,
мелко,
А самъ ни съ мѣста... Нѣтъ, не стоитъ, милый,
жить!..

Маша (*Иванову*).

Вы—теоретикъ.

Ивановъ (*разгорячась*).

Я-съ?—Извольте разсудить:
Чего пять тысячъ лѣтъ на свѣтѣ не свершалось?
Какіе ужасы! А что-жъ отъ нихъ осталось?
Погибло знаніе въ злодѣйствѣ и въ крови?
Что-жъ—міръ свернулъ на ложную дорогу?
Нѣтъ чести, совѣсти, энергіи, любви?
Когда-то дикій звѣрь, міръ этотъ—знаетъ Бога!
Куда стремится жизнь? Ко правдѣ и къ добру.
Назадъ идемъ? — Впередъ-съ. Пусть кто-нибудь
найдется

Назадъ попробуетъ—не сладитъ, надорвется!
Я съ этой вѣрою живу и съ ней умру.
Вы—крѣпче вѣруйте—и камень дастъ дорогу.
А если и не дастъ, отвалитъ отъ души—
И то спасибо, да-съ!

Маша (*которая слушала его
съ большимъ вниманіемъ,
держа въ рукахъ недо-
питую чашку*).

Совѣты хороши,
Когда надежда есть...

Петунниковъ (*съ горечью*).

Надежда!...

Ивановъ (*не давая ему говорить*).
Заблужденъе!

Боритесь, чортъ возьми! Вамъ разумъ данъ, тер-
пѣнье!

Да вы взгляните въ нихъ: борьба-то съ кѣмъ
идетъ?

Какой народъ... Тотъ—воръ, тотъ—скотъ, тотъ—
идіотъ,

Тотъ—Митрофанъ новѣйшаго закала.

А въ чемъ ихъ сила? Въ томъ-съ, что въ насъ-то
силы мало.

Вы къ нимъ примухайтесь — середка-то сгнила,

Въ чемъ духъ-то держится... А силища была!

Видали свищъ-орѣхъ? Такіе же пустые.—

Подуй на нихъ сильнѣй, и эта „горда выя“ —

Фукъ, пыль одна. Э, что же мы, о чемъ?..

Вѣдь можемъ выиграть? Тогда-то запоемъ!

Тогда—теоріи останутся въ почетѣ?

Да-съ? Такъ, сударыня? Чай съ нами запоете?

Петунниковъ.

Больны мы, сударь мой, — зараза, трудно жить!

Ивановъ (серьезно).

Больны-съ, весьма больны... Лѣчить, лѣчить, лѣ-
чить!

(Въ дверяхъ показывается Розальскій).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Розальскій.

Розальскій.

Кого лѣчить? Кого? Кто боленъ? (Подаетъ руку
Иванову).

Ивановъ.

Всѣ хвораемъ.

Я, онъ, мы, вы... А вы—опасно... и—весь свѣтъ.

Розальскій.

А я ужь думалъ...

Ивановъ.

Здѣсь?—Нѣтъ, здѣсь опасныхъ нѣтъ.

Розальскій (Петунникову съ
грустью и соболъз-
нованіемъ).

Ну, какъ сегодня,—а? Здоровъ? Бодрѣй немного?
Никто какъ Богъ, авось... (Подсѣлъ къ нему).

Разстроены я, ей Богу.

Вѣдь я тебя люблю... не вѣришь?—какъ родной.

Петунниковъ (улыбаясь).

Полюбопытствовать—что, какъ...

Розальскій.

Само собой.

Пойми,—душа болитъ!

(Небольшое молчаніе. Петунниковъ замѣчаетъ,
что Розальскій, что называется, лебезитъ).

Розальскій (понижая голосъ).

Словечко по секрету...

Петунниковъ.

Дѣла? Опять дѣла?—У насъ секретовъ нѣту,
Здѣсь все друзья, свои—ты громко говори.
Но, ради Господа, пожалуйста,—не ври!

Розальскій.

Къ чему-жъ мнѣ врать, топ cher... Чужое пору-
ченье.

(Наибаясь, говоритъ тихо Петунникову).

Я видѣлъ Фюрста...

Петунниковъ.

Ну?

(Маша, Анна Львовна и Ивановъ выходятъ въ
сосѣдную комнату).

Розальскій.

Вчера заѣхалъ въ клубъ,
Случайно встрѣтилъ...

Петунниковъ (нетерпѣливо).

Ну!

Розальскій (почти шепотомъ).

Склонилъ на примиренье.

Петунниковъ (съ недоверіемъ).

Ты?... ты склонилъ?

Розальскій.

Ну, да. Онъ шельма, но не глупъ.
Мудреный чортъ такой... И съ этой-то скотиной
Я все обдѣлалъ, все... Восемнадцать... съ половиной.

(Заглядываетъ Петунникову ласково въ глаза).
Даешь? Какъ думаешь?... Даешь, братъ?

Петунниковъ.

Не даю. (Глядя въ упоръ на
Розальскаго).

Онъ за пятнадцать все покончить соглашался—
Вчера здѣсь былъ, вчера. Я не за то стою,
Не въ деньгахъ рѣчь! (Встаетъ съ мѣста).

Розальскій (удерживая его).

Mon cher...

Петунниковъ.

Нѣтъ, я ужъ отказался.

Розальскій.

Пятнадцать мало, вѣрь, набавь...

Петунниковъ *(перебивая его)*.

Отстань, не ври,
Напрасно трудишься.

Розальскій *(продолжая приста-
вать)*.

Такъ ходить? Мировая?

Петунниковъ.

Да вѣдь не долженъ я!

Розальскій *(съ оттънкомъ стра-
данія)*.

Надбавь тыщенки три...
Они вѣдь дѣлятся, вѣдь ихъ большая стая,
Ну дай, пожалуйста, ну дай же имъ нажить...
Вѣдь жаль, нуждаются... Да что тебя—убудетъ?

Петунниковъ.

Вотъ въ два часа пойдемъ—и будь себѣ что будетъ.

Розальскій *(продолжая)*.

Почемъ придется-то? Вѣдь всякій хочетъ жить...
Ну дай же имъ...

Петунниковъ.

Да вѣдь—грабежъ!

Розальскій.

Какъ хочешь.

Одно безуміе.

Петунниковъ.

Я не знаю... Не могу.

Розальскій.

Эй, просчитаешься! Повѣрь, братъ, такъ наско-
чешь...

Вѣдь не всегда же я... не всякій разъ я лгу.

Петунниковъ (*теряя терпѣніе*).

Меня замучили всѣ эти разговоры!

Избавьте вы меня отъ васъ, отъ вашей своры, —
Довольно! Сытъ я, сытъ; вы поняли?

Розальскій.

Mon cher,

Я всею душой, mon cher... браниться—quelle manière!

Петунниковъ (*зоветъ Машу и
Ивановыхъ*).

Маруся! Гдѣ вы тамъ?

Розальскій (*бросается къ двери
и зоветъ Машу*).

Васъ проситъ вашъ папаша.

Петунниковъ (*про себя*).

Подлецъ... вѣдь мученикъ!.. Ихъ жизнь труднѣй,
чѣмъ наша.

Какимъ терпѣніемъ онъ вскормленъ и повитъ!

Ивановъ (*входя съ Машей и
Анной Львовной*).

А мы ушли туда: боялись—помѣшаемъ.

Петунниковъ.

У насъ секретовъ нѣтъ, — мошенниковъ ругаемъ.

Ивановъ.

Какихъ мошенниковъ?

Розальскій (*законфузился*).

Онъ... страсть на нихъ сердить.

Ивановъ.

Кого же именно?

Розальскій.

Все этихъ... адвокатовъ.

(Ивановъ взлядываетъ съ улыбкой на Машу, та ему отвѣчаетъ тѣмъ же).

Петунниковъ.

Не только ихъ,—другихъ—плутовъ, прохвостовъ,
хватовъ...

Да вы ихъ знаете, которые живутъ
Чужими деньгами, бѣдой, чужимъ успѣхомъ...
Назвать? не знаете?

Розальскій (про себя, не зная,
что ему дѣлать).

Бѣда—когда припрутъ...

Отвѣтить — выгнать. Нѣтъ, смѣхомъ, лучше—
смѣхомъ...

Ха-ха-ха, ха-ха-ха! Ахъ, милый,—не смѣши!

Ивановъ (тихо Петунникову).

Ну стоитъ ли?—Ему—хоть колъ на лбу теши.

Розальскій (вытирая со лба капли
выступившаго пота).

Однако, чортъ возьми,—какой онъ злой бываетъ.
(Въ дверяхъ показывается Рогожина).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Рогожина.

Рогожина.

А что—съ хорошими вѣстями принимаютъ?
(Входитъ, запыхавшись; цѣлуетъ Машу, крѣпко
жметъ руку Петунникову и всѣмъ другимъ. Гово-
ритъ съ оживленіемъ).

Я такъ спѣшила къ вамъ, я прямо изъ суда.
Тамъ—все устроено!

Маша.

Вы были тамъ?

Рогожина.

Ну да,
Сама сейчасъ была (*Петунникову*). Позвольте
васъ поздравить,
Мнѣ прямо сказано: Степанъ Степанычъ правъ,
Побѣда вѣрная... Я знала, какъ направить!
При томъ, совѣтъ мнѣ далъ, вы знаете? — самъ
графъ.

Есть... членъ суда,—ин-иксъ, пріятель мой ста-
ринный,

Ухаживалъ за мной, извѣстенъ по уму,
Влюбленъ былъ по-уши — Ранешенько — къ нему.
Онъ — одѣвается. — Тутъ былъ у насъ предлинный
И, — очень, знаете, — полезный разговоръ. —
Онъ прямо мнѣ сказалъ: се Furste — извѣстный
воръ...

Онъ самъ участвуетъ сегодня въ засѣданьи,
Il est... докладчикомъ. Онъ далъ мнѣ обѣщанье,
Далъ клятву мнѣ, что онъ, сегодня, для меня, —
Умретъ, повѣсится, — а дѣло будетъ наше.
Одѣлся, — въ судъ. Я — съ нимъ... въ палату, тамъ
меня —

Прекрасно приняли!.. (*Подавая бумагу*) Tenez,
вотъ дѣло ваше.

Читайте — выписка, статьи проставилъ самъ,
Всѣ эти, знаете... Ужъ я теперь забыла.

(*Петунниковъ беретъ бумагу и просматриваетъ
ее съ Ивановымъ. Рогожина — Маша*).

Ну-съ, что вы скажете? Пріятно это вамъ?

Маша не знаетъ, что ей отвѣчать. Рогожина
обнимаетъ ее и крѣпко цѣлуетъ).

Петунниковъ.

Статьи тѣ самыя. Все такъ, все такъ и было
И въ нашей жалобѣ. Онъ такъ вамъ и сказалъ,
Что дѣло вѣрное?

Рогожина.

Сказалъ?—Онъ клятву далъ.

Маша (*отцу*).

Сбирайся, папочка.

Рогожина.

Вамъ время отправляться.
Двѣнадцать съ четвертью.

Петунниковъ (*взянувъ на свой
халатъ*).

А я и не одѣтъ.

Простите.—Да, пора, ужъ время одѣваться,
Я въ двѣ минуточки. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же безъ Петунникова.

Рогожина (*взявъ Машу за та-
лію*).

Ну вотъ—и горя нѣтъ.

Помочь въ несчастіи—какое наслажденье!
О! Жизнь для ближняго—мое предназначенье.
(*Мѣняя тонъ*).

А васъ, *ma chère enfant*,—сегодня ждетъ визитъ.

Маша.

До нихъ ли мнѣ?

Рогожина (*стараясь, чтобы другіе не слыжали*).

Enfant!.. Какъ я васъ понимаю...
Бѣлокопытовъ къ вамъ прощаться прилетитъ.
(*Удивленіе Маши*).

Примите, милочка, прошу васъ, умоляю.
Долгъ чести, chère enfant, — il brulle de vous remettre

Пакетъ какой-то.

Маша.

Что?

Рогожина (*таинственно*).

Probablement — vos lettres.
(*Не даетъ Машѣ сказать слова и быстро обращается къ Иванову*).

Рогожина.

Какъ школы вы нашли?

Ивановъ.

Работаютъ прилежно,
Народъ порядочный.

Рогожина.

И... все благонадежно? (*Тотъ молчитъ*).
Вы прямо въ Петербургъ? Домой.

Ивановъ.

Пора домой.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же и Петунниковъ (совсѣмъ одѣтый).

Петунниковъ (*который слышалъ
последнія слова*).

А дней черезъ пятокъ и мы простимся съ вами.
Пора и намъ отъ васъ подальше, на покой.

Рогожина.

А вы куда?

Петунниковъ.

Куда-съ? Какъ выйдетъ здѣсь съ дѣлами...
Въ деревню думали. А тамъ, — что дастъ Господь,
Куда нибудъ. Куда?... (*Иванову*). Вотъ дали намъ
задачу, —

Съумѣй — поди, ее подѣ старость побороть!
Уйдемъ куда нибудъ, уѣдемъ на-удачу.

Розальскій.

Чудакъ, — зачѣмъ, куда? — А выставка, а быкъ?

Петунниковъ.

Быкъ здѣсь останется, онъ — благо — къ вамъ
привыкъ,
Ему у васъ лафа, онъ здѣсь — въ своей тарелкѣ.
А я — усталъ-съ. Все ново для меня —
Дѣльцы, философы, таланты-скоропѣлки,
Ихъ вкусы, нравы, жизнь... Я жду того лишь дня,
Когда по прежнему жить буду въ скромномъ мірѣ,
Гдѣ дважды два, по прежнему, четыре,
Гдѣ бѣлымъ чернаго не смѣютъ называть,
Гдѣ знаютъ явственно — чѣмъ можно торговать,
И чѣмъ — нельзя-съ.

Рогожина (*успокоивая ея*).

Я путь для васъ сыскала,
Нашла такихъ людей... А если этихъ мало—
Еще крупнѣй найдемъ. И такъ — не унывайте.
(*Уходя*).

Je file. (*Машетъ на ухо*). Такъ примете?

(*Встѣмъ*) — Храни васъ Богъ, прощайте,
Заѣду справиться. Адье. (*Ушла*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же безъ Рогожиной.

Петунниковъ (*раздраженъ ея
болтовней*).

Чего трещить!

Болтаетъ, вретъ, совѣтуетъ, кричитъ...

И такъ ужь нервы—вотъ (*Вертитъ рукой въ воз-
духъ*).

А эти увѣщанья,
Заботы... Господи! Прощайте, до свиданья.

Маша (*взглядомъ проситъ Ива-
нова итти за нимъ*).

Съ Владиміръ Львовичемъ...

Петунниковъ (*раздражительно*).

Нѣтъ, я одинъ, одинъ.

Маша.

Позволь ему съ тобой...

Петунниковъ.

Жилъ вѣкъ безъ гувернеровъ...
Да что же, развѣ я себѣ не господинъ?!

Больной я что-ли—а? Ни нянекъ, ни надзоровъ
Не нужно мнѣ!—Пойду... прослушаю... вернусь.
(Съ трудомъ идетъ къ двери, тяжело дыша и оста-
навливаясь).

Все эта баба... уфъ... трещетка... Ну, прощайте.
(Уходя Иванову).

А вы?... Не сердитесь?

Ивановъ.

Нисколько не сержусь.
(Петунниковъ ушелъ, Маша заплакала).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Маша, Анна Львовна, Ивановъ и Розальскій.

Ивановъ.

Э, Марья Павловна, — о чемъ? Не унывайте.

Маша.

Вѣдь онъ едва пошелъ; какъ дышетъ, весь дро-
житъ...

Ивановъ.

Взволнованъ, старъ, усталъ... Да вы-то успокой-
тесь.

Анна Львовна.

Ахъ, эта барыня кого не утомить.
Садись, Марусенька... (Усаживаетъ ее возлѣ
стола).

Ивановъ (стараясь ее развесе-
лить).

Э, полноте, не бойтесь, —
Вотъ сядемъ всѣ кругомъ и будемте болтать,

Мадамъ Рогожину давайте разбирать,
Давайте сплетничать...

Розальскій (*подлаживаясь подъ
его тонъ*).

Какая ей охота

Такъ странно...

Ивановъ (*перебивая его*).

Что-съ? такъ врать?—Напрасная забота
У всѣхъ у насъ во всемъ другимъ мѣшать!
Когда кругомъ врутъ всѣ... почти безъ исключенья;
Съ чего же ей-то правду говорить?

Розальскій.

Что значитъ женщина...

Ивановъ.

Не намъ ее судить. (*Маша*).
Вы раздѣляете сіе мое воззрѣнье?
(*Розальскому злобно смѣясь*).

Не даромъ насъ тѣснятъ принципы и законы.
Мы—не на Западѣ-съ, стѣсняютъ насъ препоны,
Мѣшаютъ догматы...

Маша.

Да насъ задушить ложь!

Ивановъ.

Ничуть, помилуйте-съ, а вѣтеръ-то на что-жь?
Свистить по всѣмъ щелямъ, отлично продуваетъ,
Въ сердца, въ умы, въ карманъ — повсюду про-
никаетъ. (*Раздражительно смѣется*).

Анна Львовна.

Не шутки, милый мой, весь чадъ, весь этотъ
вздоръ,

Вся эта ложь, сумбуръ...

Ивановъ (серьезно).

Да, вѣшай хоть топоръ.
Угаръ, задохнешься!

Розальскій (очень наивно).

Всѣ жаловаться стали.

Ивановъ.

Ага! Въ томъ воздухѣ, который создавали,
Самимъ теперь пришло дышать не въ моготу?
А ну, попробуемъ, пойдёмъ на чистоту, —
По правдѣ жить: принципы и идеи
Попрежнему взведемъ на пьедесталъ?...
Нѣтъ-съ, нынѣшній дѣлецъ не въ силахъ, онъ
усталъ,

Ему не по плечу мудренныя затѣи:
Богъ, совѣсть, истина, гражданскій долгъ и честь;
Иная жизнь, иные идеалы...
Какъ ни узки они, какъ ни ничтожны, малы, —
Такъ много ихъ, что всѣхъ не перечестъ.
Все въ жертву роскоши, веселью и Ваалу,
Наживѣ, праздности готовы мы принести.
Любовь — веселая, карьера, наслажденья...
Не чувства, не ума мы ищемъ, — раздраженья
Больныхъ, усталыхъ нервъ, въ любви, въ трудѣ,
во всемъ...

Разгулъ!... Долой узда! Чужое — ни почемъ,
Семья, отечество — плевать на все, гуляйте!
На все пойдёмъ, на все... Намъ только денегъ
дайте! —

Картина страшная-съ.

Маша (которая слушала съ вос-
торгомъ и ужасомъ).

Ужасно!

Ивановъ.

Такъ ужасно,
Что лично о себѣ грѣшно и говорить.
Когда кругомъ чума, когда дышать опасно, —
Что наши горести?! Извольте разсудить—
Что значимъ мы? — Песчинка въ бурномъ морѣ.

Маша (*съ невольнымъ увлечень-
емъ*).

Владиміръ Львовичъ, вы... Предъ вами міръ, весь
свѣтъ! (*Грустно взглянувъ на него*).

Вы знаете одно общественное горе...
А мы? А наша жизнь? О насъ и рѣчи нѣтъ? —
Вполнѣ сочувствую всему, что вы сказали,
А плачу отъ своей, отъ маленькой печали... (*Не-
большое молчаніе*).

Простите мнѣ, но я ни думать не могу,
Ни разговаривать, ни слушать разсужденья...
Вы—помогите намъ.

Ивановъ (*съ невольно вырвав-
шимся огорченіемъ*).

А чѣмъ я помогу?

Маша.

Прошу васъ, съѣздите, большое одолженіе
Вы мнѣ бы сдѣлали... Поймите,—онъ одинъ,
Храни Господь...

Ивановъ (*беретъ шляпу*).

Сейчасъ.

Анна Львовна (*указывая ему на
Розальскаго*).

Нельзя-ли насъ избавить? (*Входитъ Иванъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Иванъ и тѣ же.

Иванъ (*нерѣшительно*).

Пріѣхали опять...

Анна Львовна.

Кто?

Иванъ.

Этотъ господинъ,
Бѣлокопытовъ-съ.

Анна Львовна.

Кто?

Иванъ (*Машѣ*).

Прикажете отправить?
Они не къ барину-съ; желаютъ видѣть васъ.

Маша (*вставая съ мѣста*).

Примите.

Иванъ.

Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Маша (*Иванову*).

Ступайте же.

Ивановъ (*уходя*).

Сейчасъ.

Маша.

Пойдемъ, Анюта, я... Мнѣ съ силами собраться.
(*Обѣ уходятъ*).

Ивановъ (Розальскому).

Мы вмѣстѣ ѣдемъ?

Розальскій (заторопился).

Да-съ.

Ивановъ.

Такъ время отправляться.

(Идутъ. Въ дверяхъ встрѣчаются съ Бѣлокопытовымъ; онъ во фракъ и бѣломъ галстукъ).

Бѣлокопытовъ (про себя, разглядывая Иванова).

Ага! Учитель... Гмм... Не мой ли кандидатъ? Должно быть такъ... читатель и писатель. (Ивановъ ушелъ).

Розальскій (крѣпко сжимая руку Бѣлокопытова, тихо).

Покончили?

Бѣлокопытовъ (такъ же).

Женихъ...

Розальскій.

Женихъ?!.. Сердечно радъ!

Теперь Крупенниковъ на вѣки мнѣ пріятель, Вѣдь я состряпалъ, я!

(Бѣлокопытовъ показываетъ ему головой, чтобы онъ ушелъ).

Я понялъ. Ухожу. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Бѣлокопытовъ (одинъ).

Бѣлокопытовъ (*осматриваясь
кругомъ*).

Ну вотъ, я здѣсь опять... А что я ей скажу?
Письмо вернуть, письмо... они вѣдь, кто ихъ знаетъ,
Какихъ теперь дѣловъ на свѣтѣ не бываетъ,
Съ такимъ письмомъ вѣдь можно натворить
Такихъ чудесъ... На вѣки погубить.
Да, съ эдакимъ письмомъ другой бы, поумнѣе,
Съумѣлъ бы такъ скрутить... Тутъ надо похитрѣе,
А то пожалуй... гм... громаднѣйшій скандалъ!
А здѣсь вся будущность, все счастье, капиталъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

*Бѣлокопытовъ и Маша (входитъ, слегка
ему кланяясь).*

Бѣлокопытовъ (*хотѣлъ подать
ей руку, но она
не замѣтила*).

Вы приняли меня, вы... это благородно!
Вы... вы забыли все... вы... (*Ищетъ слова*).

Маша.

Что же вамъ угодно?

Бѣлокопытовъ.

Простите, я хотѣлъ... Хоть мнѣ не удалось
Снискать сочувствіе... Но наши отношенья
Такъ были искренни... Я—кромѣ уваженья
Съ собой не уношу... Такъ весело жилось!... (*Не-
большое молчаніе*).

Позвольте вамъ отдать... Я скоро уѣзжаю. (*Вынимаетъ письма, перевязанныя розовой ленточкой*). Здѣсь ваши письма.

Маша.

Что?

Бѣлокопытовъ.

Я вамъ ихъ возвращаю.
Мой долгъ, долгъ честности...

Маша.

Да что же было въ нихъ?
О дядѣ, о дѣлахъ я раза три писала.

Бѣлокопытовъ.

Я отдалъ ваши. Я... не требую моихъ.

Маша (*догадываясь*).

Ахъ, ваши? Да, да, да... Но я ихъ разорвала.
(*Испугъ на лицѣ Бѣлокопытова, Маша припомнила*).

Позвольте, нѣтъ. Не бойтесь, — здѣсь они.
(*Идетъ къ столу, находитъ въ кучѣ бумагъ два письма, третье — надорванное, находитъ въ корзинкѣ подъ столомъ*).

Ихъ было, кажется? Не помню...

Бѣлокопытовъ.

Тоже три.

Маша.

Извольте, вотъ они. (*Подаетъ ему письма. Тотъ, дѣлая видъ, что и не смотритъ на нихъ, кладетъ ихъ въ карманъ*).

Бѣлокопытовъ.

На вѣки разставаясь,
Я смѣю васъ въ послѣдній разъ просить,
Простить за то, что я, невольно увлекаясь
Красой божественной... посмѣлъ васъ полюбить!
О, я надѣялся...

Маша (*перебивая его*).

Всѣ эти объясненія—
Вполнѣ излишнія. (*Приспдая*). Низжайшее почтеніе.
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Бѣлокопытовъ одинъ, потомъ Рогожина.

Бѣлокопытовъ.

Со смысломъ дѣвочка.—Итакъ,—всему конецъ.
Недѣльки черезъ двѣ — *finita*,— подъ вѣнецъ!
(*Уходя, встрѣчаетъ въ дверяхъ Рогожину*).

Рогожина.

Простился?

Бѣлокопытовъ.

Высказалъ.

Рогожина.

А письма?

Бѣлокопытовъ.

Здѣсь, въ карманѣ.

Поздравъ—женихъ.

Рогожина (*съ восторгомъ*).

Женихъ?!

Бѣлокопытовъ (*показывая ей свой нарядъ*).

Поѣхалъ, предложилъ, —
Baiser, согласие. Сюда (*хлопаетъ по карману*) за-
получилъ.

И все покончено. Ей Богу, какъ въ романѣ!
(*Жметъ ея руку*).

Адѣё. Обѣдаемъ?

Рогожина.

Когда же?

Бѣлокопытовъ.

Въ пять часовъ.

Рогожина.

А гдѣ?

Бѣлокопытовъ.

А тамъ опять, у нашихъ, у Дюссовъ.
Прощаться съ холостымъ, съ безвременнымъ ша-
таньемъ,
Съ блестящимъ будущимъ другъ друга поздрав-
лять...
Хочу отпраздновать великимъ пированьемъ!

Рогожина.

Такъ—въ пять?

Бѣлокопытовъ.

Да, ровно въ пять.

(*Цѣлуя ея руку*) Адѣё, я буду ждать.
(*Уходитъ*).

Рогожина (*стучитъ въ дверь къ*
Машѣ).

Мари, vous êtes visible?

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Рогожина и Маша.

Маша (*выходитъ изъ своей комнаты*).

А, вы ужь воротились?

Рогожина (*жметъ ей руки*).

Мерси, ma chère enfant, мерси, что согласились
Принять его; онъ такъ настойчиво просилъ.
(*Маша не отвѣчаетъ*).

Старикъ все тамъ, въ судѣ?

Маша.

Папа? не приходилъ.

Рогожина.

Mais... успокойтесь же (*Усаживаетъ ее*).

Вѣдь вы—дитя, бутонъ...
Toute p'tite mignone...

Маша (*услышавъ шумъ на улицѣ*).

Позвольте,—это онъ!
(*Бѣжитъ къ окну нальзо*).

Рогожина.

Ну что?

Маша.

Не вижу я... (*Стучитъ въ окно*). Подъѣхалъ,
обернулся.

(*Говоритъ ему черезъ закрытое двойное окно*).
Ну что? Не слышу. Что? Спокоенъ, улыбнулся...
Ахъ, дай-то Господи!..

Рогожина (*тоже подошла къ окну*).

Розальскій какъ смѣшонъ!

(*Въ это время Маша убѣжала въ среднюю дверь*).
Куда жъ она ушла?

ЯВЛЕНІЕ XV.

Входятъ Петунниковъ и Маша, за ними Ивановъ и Розальскій.

Петунниковъ (*разстроены, но повидимому совершенно спокоены*).

Проиграно все дѣло.

На всѣхъ позиціяхъ, проиграно вполнѣ...

Дубровка... судъ... процессъ... все будто какъ во снѣ,

Все будетъ продано. (*Маша ведетъ его къ креслу*).

Чего ты поблѣднѣла?

Неси съ терпѣніемъ. О чемъ тутъ горевать?

Что быть должно — аминь, того не миновать.

(*Сѣлъ въ кресло*).

Рогожина (*въ полномъ недоумѣніи*).

Да какъ же такъ?...

Петунниковъ (*рѣзко*).

А такъ. (*Маша со смѣхомъ*).

Я самъ контрактъ нарушилъ.

Рогожина.

Вы?

Петунниковъ (*съ ироніей*).

Я-съ, выходить такъ! Сперва весь лѣсъ отдать
Я долженъ былъ ему; онъ лѣсъ бы этотъ скушалъ,
А я бы могъ съ него всю стоимость искать.
Тогда бы выигралъ я... право на взысканье!
Ищи коли найдешь!.. Арабское сказанье
Все это, матушка! Да что, все это вздоръ.
Что дѣлать, отняли... Не въ этомъ разговоръ.
(*Маша*).

Чего молчишь? Чего? Маруся, что такое?
Да что съ тобой, скажи?

Маша (*сдерживая слезы*).

Тебя мнѣ очень жаль!..

Петунниковъ.

Э, что за глупости, великая печаль...
Не много мнѣ и жить. Дожить бы вѣкъ съ тобою.
А тамъ... Да ну ихъ всѣхъ! Смѣются, подлецы!..
Истецъ—не воръ, онъ правъ, найди, поди, концы!..
(*На минуту задумывается*).

Таскай какъ муравей, живи для пропитанья,
Прячь, прячь его въ нору... А нѣтъ — такъ въ
наказанье
Пляши по образу крыловской стрекозы... (*Часы
бьютъ пять*).

Рогожина (*вскакивая съ мѣста*).

Ужъ пять часовъ? Уже?... Адье, у насъ собранье...
Въ пріютѣ „общества невытертой слезы“.

Петунниковъ (*злобно*).

Уходите?

Рогожина.

Спѣшу. Тамъ ждутъ: я общалась
Быть ровно въ пять часовъ... Всѣ силы отдаю

На пользу ближняго!.. Такъ я поговорю
Объ вашемъ дѣлѣ, да? Хотите? Мнѣ случилось
Дѣла труднѣй отъ гибели спасать...
Спѣшу, спѣшу... неловко, будутъ ждать.
Для пользы общества!.. Не смѣю опоздать. (*Ушла*).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же безъ Рогожиной, потомъ Анна Львовна.

Петунниковъ (*Маша съ горькой
усмѣшкой*).

Ну, милый другъ, такъ намъ съ тобой осталось:
Сума да немощи... отъ всѣхъ-то отъ трудовъ.

Анна Львовна (*входя*).

Обѣдать подано.

Петунниковъ (*не разслыхавъ*).

А? Что?

Анна Львовна.

Обѣдъ готовъ.

Петунниковъ.

Приду... не хочется. (*Раздражительно*). Приду—
чего вы ждете?

Приду! (*Вынимая папироску, Маша*).

Подай огня. Я тамъ все воду пилъ...

Гм... адвокатъ-то мой, мошенникъ,—защитилъ!..
(*Маша подаетъ спички*).

Пить! пить прошу!.. Воды,—вы спички подаете...
О, Боже, Господи! (*Хватаясь за грудь*). Воды
прошу мнѣ дать!

Да трудно что-ли вамъ стаканъ воды подать!!

(*Задыхается. Ивановъ подалъ графинъ; Маша
поитъ отца*).

Маша.

Папа, да что съ тобой?

Петунниковъ.

Здѣсь, въ горлѣ... давить, душить...
Спасибо, милая,—еще, еще налей (*Пьетъ*).

Маша.

Прошло теперь?

Петунниковъ.

Прошло... Я думалъ ужъ задушить.
(*Небольшое молчаніе*).
Я... что-то спрашивалъ? Эхъ, старый дуралей,—
Забылъ о чемъ, забылъ?... Забылъ. (*Со слезами*).
Она осталась
Одна... ни... нищая—ни съ чѣмъ, ни съ чѣмъ,
ни съ чѣмъ!
(*Плачетъ, схвативъ себя за голову*).

Маша (*сама едва говоритъ отъ
слезъ, стараясь успокоить
его*).

Да полно, папочка,—о чемъ, о чемъ, зачѣмъ?...
(*Тихо Иванову*).
Владиміръ Львовичъ,—а?... Не даромъ я боялась!

Ивановъ.

Въ постель его скорѣй!

Розальскій (*беретъ его слегка за
плечо*).

Да полно, что ты...

Петунниковъ (*вскочивъ и едва
стоя на ногахъ*).

Вонъ!

Вамъ мало? Мало? А?! Тебя не доставало?
Вонъ! Вонъ ты, гадина!...

Розальскій.

Ты болѣнь, огорченъ...

Петунниковъ.

Одно прошу, одно... оставьте насъ въ покоѣ!..
(Шатается. Маша, Ивановъ и Анна Львовна почти уносятъ его въ комнату нальво).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Розальскій одинъ, потомъ Маша и Ивановъ.

Розальскій.

Чего же-я-то здѣсь?—Веселье небольшое...
Фу, чортъ,—однако онъ... какой-то онъ шальной!..
О чемъ тутъ плакаться? Вѣдь зналъ, что лотерея.

Маша (выбѣгаетъ въ крайнемъ испугѣ и бросается къ Розальскому).

Съ нимъ дурно, доктора! За докторомъ скорѣе!
(Розальскій быстро уходитъ въ среднюю дверь; слѣдомъ за Машей идетъ Ивановъ).

Ивановъ (сильно взволнованъ).

Голубка, барышня, что-жъ мучиться, къ чему?..
Вы сами-то... Себя поберегите,
Родная, милая... Присядьте, отдохните...
(У него показываются слезы).

Маша (въ отчаяніи схватываетъ его за руку, рыдаетъ).

Спаси, спаси его!.. (Минута молчанія. Она разомъ подавила въ себѣ рыданія).

Туда... Туда, къ нему.

(Идетъ въ комнату отца, Ивановъ ее поддерживаетъ).

З а н а в ѣ с ѣ .

ЭПИЛОГЪ.

Черезъ годъ. Очень небогатая комната въ одномъ изъ пятиэтажныхъ домовъ Петербурга. Въ глубинѣ, поперекъ сцены, перегородка, не доходящая до потолка; въ ней дверь посрединѣ. Противъ нея, въ средней стѣнѣ,—входная дверь; направо дверь въ комнату Маши и Анны Львовны; налево въ спальню Петунникова. Поддержанная, дешевая мебель—письменный столъ, кресло, раскрытый ломберный столъ для обѣда, кресла и стулья. Дверь въ перегородкѣ отворена.

ЯВЛЕНІЕ I.

(При поднятіи занавѣса, у средней двери звонокъ. Агафья отпираетъ дверь).

Входятъ: Степановъ и Энгелькронъ.

Энгелькронъ.

Что баринъ дома?

Агафья.

Нѣтъ, ушодши,—обождите.

Сейчасъ воротится, къ ледактору пошелъ.

Степановъ.

Давно ушелъ?

Агафья.

А такъ... не съ лишнимъ, посидите. Ушелъ недавнышко.—А можетъ и зашелъ. Еще куда нибудь,—ужь этого не знаю. Имъ кофей варится.

Энгелькронъ (*снимая пальто*).

Придется подождать.

Агафья.

Однò что ждать. И я вотъ поджидаю.
А какъ объ васъ прикажете сказать?

Энгелькронъ.

Кому сказать?

Агафья.

Объ васъ.

Энгелькронъ.

Кому?

Агафья.

А Аннѣ Львовнѣ,
Небось чай знаете?

Энгелькронъ.

А барышня ушла?

Агафья.

Пошла ребятъ учить къ Амаліи Петровнѣ,
Къ учительшѣ; третевось не нашла
Тесемокъ узенькихъ, хотѣла — по дорогѣ.
Садись, чего стоишь? Присядь, — устанутъ ноги.
Сказать-то какъ про васъ?

Энгелькронъ.

Скажите — Энгелькронъ.

Агафья (*пошла доложить и
остановилась*).

Ну, сами скажете — ужь больно ты мудрѣнъ.
Моль — нѣмецъ?

Энгелькронъ.

Нѣтъ.

Агафья.

А кто?

Энгелькронъ.

Молъ—тѣ, что переводятъ.

Агафья.

Куда?

Степановъ.

Вы, матушка, скажите, что пришли
къ Степанъ Степанычу, — что съ книжками къ вамъ
ходятъ.

Агафья.

Вотъ то-то горе-то, что баринъ-то ушли.
Пошли къ ледахтору. — Садитесь, покурите.
Чай тоже курите? — Вамъ спичекъ? — Я подамъ.

Анна Львовна (*изъ сосѣдней ком-
наты*).

Агафья, съ кѣмъ ты тамъ?

Агафья (*отвѣчая съ мѣста*).

Вотъ — барина желаютъ.

Анна Львовна.

А кто такое?

Агафья.

Кто? — Да съ книжкой, — кто ихъ знаетъ; —
Таки мудреные. Спросите — скажетъ самъ.
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и Анна Львовна.

Анна Львовна (*входя справа*).

А,—это вы пришли? А нашихъ нѣту дома.
Сейчасъ воротятся. (*Садится*). Ну, что вашъ
переводъ?

Готовъ? Кончаете?

Энгелькронъ.

Послѣдній листъ идетъ.

Анна Львовна.

Съ работой вашей я хотя и не знакома,
Но много слышала и брани и похвалъ.

Степановъ (*улыбаясь*).

Степанъ Степанычъ насъ не мало пробиралъ.
За то и выйдетъ трудъ серьезный, капитальный.

Энгелькронъ.

Степанъ Степановичъ редакторъ идеальный,—
Насъ шесть работаетъ, а вѣдь—одинъ языкъ.
Какое ясное, простое изложенъе;
А знаете,—свести, исправить выраженья—
Работа сложная.

Анна Львовна.

Работать онъ привыкъ.
Такъ вы довольны имъ?

Степановъ.

Да всѣ, кто только знаетъ
Степанъ Степаныча, и чтитъ и уважаетъ.—
Читали вы его послѣднюю статью?

Анна Львовна.

Въ ноябрьской книжкѣ? — Да.

Степановъ.

Какое впечатлѣнне
Выносишь, Господи!.. А помните воззрѣнья
На воспитаніе, на школу, на семью...
Почтенный, знаете, горячій, энергичный!...

Энгелькронъ.

Не вѣрятъ многіе, что онъ такой старикъ,
Считаютъ юношей.

Анна Львовна.

Немного трудъ великъ, —
Не по лѣтамъ ему.

Степановъ.

Ужасно симпатичный!

Энгелькронъ (*взглянувъ на часы*).

Однако мнѣ пора.

Степановъ.

Иди, я буду ждать. (*Аннѣ Львовнѣ,
показывая ей свертокъ бумагъ*).

Мнѣ надобно конецъ ему отдать,
А вы не знаете, онъ прежнее исправилъ?
Не поручалъ онъ намъ тетрадку передать?

Анна Львовна (*идя къ столу*).

Позвольте, кажется онъ здѣсь ее оставилъ.
(*Беретъ со стола тетрадь*).

Не эта-ли?

Степановъ.

Она-съ. (*Просматривая тетрадь и отдавая
ее Энгелькрону*).

Неси, братъ, набирать, —
Исправлена. Прощай.

Энгелькронъ.

Прощай. (*Аннѣ Львовнѣ*). Мое почтенье.
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же безъ Энгелькрона.

Степановъ.

Бѣда съ изданіемъ, что шагъ, то затрудненье,
По горло намъ теперь заботы и хлопотъ.

Анна Львовна.

Что дѣлать, безъ того и дѣло не спорится. —
Вы слышали, — у насъ веселье настаетъ:
Владиміръ-братъ собирается жениться.

Степановъ.

На Марьѣ Павловнѣ? — Я такъ и ожидалъ.

Анна Львовна.

А вы ужь знаете, Володя вамъ сказалъ?

Степановъ.

Нѣтъ, мнѣ... казалось такъ.

Анна Львовна.

Да-съ, Машенька — невѣста.
Ликують, веселы, — пріятно видѣть ихъ.
Покупки, хлопоты... Володя мой — женихъ,
Женихъ! — Не вѣрится... Ему другое мѣсто
Назначили, двѣ тысячи рублей.
На это можно жить. Найдеть работу ей,
Уроки...

Маша (*за перегородкой Агафья*).
Бабинька, сестрица Анна дома?

Агафья.

А ей куда ходить?

Маша.

А папочка?

Агафья.

Ушелъ.

Пошелъ къ ледактору.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Маша.

Степановъ (*вставая при входѣ
ея*).

Степановъ.

Анна Львовна.

Ты знакома?

Маша.

Конечно. Здравствуйте. (*Подаетъ ему руку*).

Накрой, Агафья, столъ.

Ужасно ѣсть хочу, ятакъ проголодалась... (*Агафья*).
Спѣшите, бабинька. Отлично прогулялась,
Погода чудная!

Петунниковъ (*за перегородкой,
весело*).

Маруся дома?

Маша (*кричитъ ему*).

Дома.

Агафья (*снимая съ него шубу*).
Долгонько, батюшка.

Петунниковъ (*въ отличномъ настроеніи духа*).

Ужъ я всегда таковъ.
Былъ занятъ-съ выпускомъ двѣнадцатаго тома.
Вы извиняете? А кофе мой готовъ?

Агафья.
Давно чай, выкипѣлъ.

Петунниковъ.
Водицей разведите.
Янчекъ, матушка, сварить благоволите.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Петунниковъ.

Петунниковъ (*входя*).
Степановъ, юноша! (*Подаетъ ему руку*).

Маша (*цѣлуя его*).
Что, папочка, здоровъ?

Петунниковъ.
Здоровъ, голубонька. Пѣшечкомъ воротился.
Прошелся, знаете, отлично, снѣгъ хруститъ.
(*Степанову, показывая на свои ноги*).
Пѣхота, батенька, не слушаетъ, кряхтитъ—
Старо. Марусенька, редакторъ расплатился,
Исправно, вѣжливо, отлично заплатилъ.
Возьми, голубчикъ мой. (*Отдаетъ ей пачку денегъ.*
Степанову).

Сотрудникъ, кофей пилъ?
Садись-ка, юноша, (*Садятся за столъ. Агафья
подаетъ*).

А яйца сварила?

Агафья.

Да что случилось-то, — чуть-чуть не позабыла,
Сейчасъ вѣдь сбѣгала, забыла хотъ убей.
Съ плиты, горячія. (*Подаетъ*).

Петунниковъ.

Прощается. (*Указывая на кофе*). Налей.
(*Видя что Маша въ шляпкѣ и ѣтъ на-скоро*).
Куда торопишься?

Маша.

Я только забѣжала
Домой позавтракать. Опять бѣгу—дѣла.

Петунниковъ.

Дѣла? Вы слышите? Иголки покупала —
Дѣла серьезные.

Маша (*смѣясь*).

Нѣтъ-съ, я урокъ давала. (*Вытирая
салфеткой губы, встаетъ изъ-за стола*).

Петунниковъ.

Тебя узнать нельзя—въ недѣлю расцвѣла.

Маша.

Я, папочка, съ тобой, мой милый, ожила.
Прошли всѣ горести, ну вотъ и мнѣ живется.
Теперь мой папочка работаетъ, смѣется,
Сталъ бодрый, умница.

Петунниковъ.

Куда же ты?

Маша.

Секретъ. (*Идетъ къ двери*).

Петунниковъ.

Маруся, скоро ты?

Маша.

Не знаю, какъ успѣю.

Прощайте. (*Уходитъ, Анна Львовна съ ней*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Петунниковъ и Степановъ.

Петунниковъ.

Юноша, принесть работу? Нѣтъ?

Степановъ (*подавая ему свертокъ*).

Принесть. Окончено.

Петунниковъ.

Толково?

Степановъ.

Какъ умѣю.

Петунниковъ (*бѣря свертокъ и кладя его на столъ*).

Давай, давай сюда, займемся вечеркомъ.

Ты слышалъ... Маша-то? Невѣста. Порѣшили.

Я, знаешь, торгъ большой затѣялъ съ женихомъ.

Приданое—тю, тю... Что было —отсудили,

Другой ужъ годъ пошелъ — живемъ чѣмъ Богъ послалъ.

Ну что-жь я дать могу? А тотъ, чудакъ, присталъ —
Женихъ-то, слышите? — Живи я вмѣстѣ съ ними!
Не соглашался я, пытался возражать —
А онъ кричитъ: а нѣтъ, такъ свадьбѣ не бывать!
Маруся — въ слезы... Ну, не спорить съ молодыми, —
Вотъ, я себѣ тово, подумалъ и рѣшилъ:
Иду въ приданое! Въ придачу поступилъ.
Ха, ха, ха, ха, ха, ха! (*Смѣется*).

Степановъ.

Позвольте васъ поздравить.

Петунниковъ (*протягивая ему руку*).

Спасибо, милый другъ. Да, другъ, никто какъ Богъ...

Я дѣлъ своихъ и то не знаю, какъ поправить,
Съ бычкомъ, да съ выставкой управиться не могъ,
Раздавленъ кляузой...

Степановъ.

Ахъ, кстати, — вы читали?
Закрылась выставка.

Петунниковъ.

Читалъ, вчера читалъ.

Степановъ.

Газеты ихъ порядкомъ разругали,
Какой-то вышелъ тамъ громаднѣйшій скандалъ.

Петунниковъ.

Забыть бы ихъ совсѣмъ.

Степановъ.

А быкъ?

Петунниковъ.

Быка купили.

Степановъ.

Большую цѣну вамъ за Ваську отвалили?

Петунниковъ.

Такую цѣну далъ какой-то скотоводъ!...
Породу признали полезной для Россіи,
Обѣдъ былъ въ честь него, держали рѣчь витіи...
Для Васьки строится на акціяхъ заводъ.

Степановъ.

А вамъ?

Петунниковъ (*съ ироніей*).

О, общество меня вознаградило,
Почетный отзывъ мнѣ на выставкѣ далъ.
Почетный отзывъ, да... Пріятно было,
Не скрою, да... Намъ съ Васькой повезло.
Я... видишь ли, всю жизнь мою трудился,
Работалъ, жилъ, науки изучалъ,
Статьи писалъ, проектовъ написалъ
Штукъ двадцать... да, — штукъ двадцать ухит-
рился.

Ну, — ихъ, какъ водится, никто и не читалъ,
Хоть не одинъ изъ нихъ теперь бы пригодился!
Кустарный промыселъ и школы заводилъ,
Училъ ребятъ, посредникомъ служилъ,
Охрипъ отъ земскихъ, думскихъ засѣданій,
Будилъ російскій сонъ, былъ врагъ любостяжа-
ній...

Я въ жизнь великія реформы проводилъ —
И... какъ ты думаешь, чего же я добился?
Я — нищій, я — чудакъ, я, — милый, тотъ — дуракъ,

Который у воровъ отъ глупости лѣчился. (*Небольшое молчаніе*).

Обидно, горько, другъ, подъ старость лѣтъ со-
знать,

Что жизнь прожитая потрачена задаромъ!..

Быка-то поняли, его смогли понять;

А насъ-то вотъ... Да что, зачѣмъ имъ знать,

Что выстрадано здѣсь, вотъ въ этомъ сердцѣ ста-
ромъ!..

Не помнишь ты... когда взошла надъ нами

Заря реформъ—что пережили мы!

Тогда казались всѣ по истинѣ сынами,

Казались слугами родимой стороны...

О, какъ мы вѣрили! И какъ мы мало знали!..

На общество надежды возлагали,

На наше общество... Орудія добра,

Реформы славныя—куда онѣ попали,

Въ чьи руки? Общество... Отъ ночи до утра

За картами, оно не понимало,

Оно въ мечтахъ, въ надеждахъ засыпало...

А тутъ—со всѣхъ сторонъ ребята-молодцы

Тащили, грабили и прятали концы!.. (*Глубоко
вздохнувъ*).

Да, милый другъ, не знаешь ты, какъ больно

Утратить вѣру въ жизнь, въ людей, въ друзей...

Невольно

Течетъ слеза... Спокойно погляди:

Какая жизнь кругомъ,—и насъ не осуди

За эти слезы... Кровью сердце плачетъ.

Притомъ—и старъ... Да я ужь сталъ и глупъ.

Степановъ.

Чего-жъ вы плачете? Да что-жъ предъ вами —
трупъ?

О чемъ тутъ плакаться? Вотъ старость-то что
значить...

Вглядитесь, — вдумайтесь — вѣдь кризисъ-то пошелъ!

Больной-то, батенька, на выписку пошелъ.
Вотъ вы увидите — какъ онъ тряхнетъ кудрями,
Куда вся эта тля, вся сволочь полетитъ!

Петунниковъ (*вдумываясь въ то, что слышалъ*).

Кто знаетъ... Можетъ быть, онъ правду говоритъ.
Тамъ что бы ни было, а поле все-жъ за ними...
Придетъ нашъ день, погибнетъ эта стая! (*Степанову*).

Ты знаешь ли, — ты, самъ не сознавая,
Сказалъ, быть можетъ, больше, чѣмъ хотѣлъ...
Великъ нашъ Богъ, хотъ трудень нашъ удѣлъ!
(*Оживляясь*).

Давно ли, кажется, — давно ли было время,
Что это дикое, бессмысленное племя
Звѣрей, пройдохъ безъ сердца и ума
Такъ наводнило Русь, такъ все заплонило,
Что эта дикая, звѣриная чума
Едва у насъ всего не поглотила!
Все наше прошлое, вся жизнь, что только было —
Все, все затоптано, загажено кругомъ!
Въ лѣсахъ, на пажитяхъ, въ степяхъ широкихъ,
вольныхъ,

На Волгѣ, на Дону, на берегахъ привольныхъ
Морей... вездѣ — безпутство и содомъ!..
Деревня, городъ, промыселъ, дорога —
Вездѣ они... Скажите ради Бога
За что? За что?!.. Во храмѣ ли, въ судѣ,
Въ больницѣ... Господи, вездѣ они, вездѣ!..
А мы?.. Мы, старые, мы охали, кричали...
Звѣриный ревъ глушилъ людскіе голоса!
Пробилъ ихъ часъ! Другъ друга услышали
Мы наконецъ!.. Свершились чудеса —

Мы слышимъ... Понялъ ты, что ихъ стада рѣдѣютъ?
Ихъ сила дикая, звѣриная, слабѣетъ,
Стихаетъ ревъ... Добычу дѣлятъ, рвутъ...
Они исчезнутъ, вѣрь—самыхъ себя пожрутъ!..
(*Наклоняясь къ Степанову*).

Запомни, юноша: жизнь не въ одномъ реальномъ,
Взгляни наверхъ, надъ нами—небеса,
Не черпай силъ мы въ міръ идеальномъ —
Насъ заглушили бы бычачьи голоса! (*Говоритъ
какимъ-то людямъ, представляющимъ его
воображенію*).

А вы? не вѣрите? Я вамъ смѣшнымъ кажуся?
Старикъ, дуракъ, „пошлякъ“, идеалистъ?...
Такъ смѣйтесь, смѣйтесь же, я съ вами посмѣюсь!
(*Смѣется сухимъ, раздражительнымъ смѣхомъ*).
Смѣюсь... до слезъ смѣюсь, до боли, до рыданій...
Отъ счастья, отъ злобы... отъ страданій,
Отъ ненависти къ вамъ!.. Вы—пожелтѣлый листъ,
Трава посохшая!.. Давно ли вы грозили
Собою всѣ поля, всѣ нивы заглушить?
Крапива, лебеда, дурманъ... Не вашей силѣ
Зерно здоровое навѣки истребить...
Мы—живы! Видите?.. О, корни наши были
Зарыты изстари, глубоко въ тѣ поля,
Гдѣ были вы, гдѣ вы зачахли, сгнили,
А мы—кругомъ все наши зелены,
Не заглушить ихъ сорными травами!
О!.. Только бы дожить до радостнаго дня,
Когда они поднимутся надъ нами!..

Степановъ.

Настанетъ этотъ день, настанетъ... Настаетъ.

Петунниковъ.

Аминь! Мы вѣруемъ! (*Обнимая его одной рукой*).
Господню волю чтите:—

Единого отъ малыхъ сихъ храните,
Ничья рука на нихъ да не дерзнетъ!
Служите родинѣ, посѣвы стерегите
Отъ вражьихъ силъ... Минуетъ эта ночь,
Дѣлящая два дня между собою,
Видѣнья смрадные отъ насъ отъидутъ прочь...
Воззри на насъ, во прахѣ предъ Тобою
Мы, Господя!!.. Велико испытанье! (*Плачетъ. За
сценой раздается сильный звонокъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Вбѣгаютъ Маша, Ивановъ и Анна Львовна.

Маша (*сбрасывая съ себя по до-
рогѣ шубку*).

Побѣда, радуйся! Конецъ—ты побѣдилъ!..
Ты плачешь, папочка?

Петунниковъ (*на-скоро выти-
рая слезы*).

Нѣтъ, такъ... воспоминанья...

Маша.

Сенать кассировалъ, рѣшенье отмѣнилъ!

Петунниковъ (*пораженъ извѣ-
стіемъ, не совѣсть
понимаетъ*).

Сенать?... Не можетъ быть?...

Маша.

Конецъ, вернули дѣло!

Ивановъ.

Сенать кассировалъ, все снова закипѣло!
Я, какъ повѣренный, обжаловалъ въ сенать...
Теперь—возьмемъ свое!

Маша.

Ты, папочка, не радъ?

Петунниковъ *(не можетъ прійти въ себя)*.

Радъ, радъ, дитя мое... Дай съ силами собраться...
Сенатъ кассировалъ?

Ивановъ.

Чему-жъ тутъ удивляться?
Въ сто первый разъ скажу: злу насъ не побѣдить!
Есть правда Божія, нельзя ее убить,
Живетъ она!

Петунниковъ *(совсѣмъ тихо)*.

Живетъ...

Ивановъ.

И вѣчно будетъ жить!

А помните, какъ вы когда то говорили,
Что все, молъ,—сказочка про бѣлаго бычка?
Всю вѣру въ жизнь, въ людей на вѣкъ похоронили...
Нѣтъ-съ, въ жизни ложь и тьма играютъ роль...
смычка.

Они изъ нашихъ душъ звукъ правды вызываютъ,
Да-съ, ихъ царапанье насъ будить, отрезвляетъ.
Огниво бьетъ камень,—камень огонь даетъ,
Отъ искры—свѣтъ... и такъ вся жизнь идетъ.
Тамъ жизни нѣтъ, движеніе замираетъ,—
Гдѣ нѣтъ борьбы, удара и толчка,
Тамъ человѣкъ о Богѣ забываетъ...

Маша *(съ улыбкой)*.

Все та же сказочка про бѣлаго бычка.

Ивановъ.

Ну нѣтъ, не та-съ. Здѣсь — вѣра, *(показывая на Петунникова)*
тамъ—страданья;

Здѣсь—убѣжденіе, что свѣтъ ума и знанья
Поборетъ, наконецъ, и тьму и ложь, а тамъ—
Безвѣріе... (*Съ ласковымъ упрекомъ Петунникову*).

Грѣшно и стыдно вамъ! (*Обращается къ
Машѣ, въ первый разъ говоря съ ней на „ты“*).
Вѣдь такъ, Марусенька? (*Спохватясь*).

Клянусь—невольнo... право...

Маша (*послѣ небольшого мол-
чанія, глядя ему смѣло
и прямо въ глаза*).

Ты правъ, Владиміръ.—Я за то тебя люблю...
Ты слышишь, папочка, какъ я съ нимъ говорю?
За то люблю, что ты, не мудрствуя лукаво,
Идешь прямымъ путемъ и видишь Божій свѣтъ
Такимъ, каковъ онъ есть.—Съ тобой не страшно,
нѣтъ.

Ивановъ (*цѣлуя ея руки*).

Маруся!.. (*Бросаясь цѣловать Петунникова*).

Батюшка! и намъ-то, намъ-то съ вами
Не жить, не ратовать, не биться, не терпѣть?!

Петунниковъ (*едва говоритъ отъ
волненія*).

Такъ счастливъ... такъ... (*Вытираетъ слезы*).

Дожить съ дѣтьми, съ друзьями
Теперь... теперь могу спокойно умереть...

Ивановъ.

Чего? Отъ счастья, отецъ, не умираютъ.
За нами верхъ,—теперь-то намъ и жить.

Маша (*съ шутливой ироніей*).

Мы подождемъ итоги подводить,—
Цыплятъ хозяева по осени считаютъ...

Ахъ, вы не мастера надѣяться и ждать!
Вамъ только бы скорѣй итоги увидать,
Хоть что нибудь, скорѣй... О счастіи мечтаютъ—
А часто свѣтъ свѣчи за солнце принимаютъ.

Ивановъ (съ чувствомъ).

Да я-то здѣсь при чемъ? Въ чемъ я-то провинился?

Маша.

Въ чемъ провинился? Нѣтъ, покуда ни въ чемъ.
(Задумчиво).

А улыбнется жизнь,—глядишь,—и измѣнился...
Вотъ я чего боюсь... Вдругъ станетъ ни по чемъ
Все прежнее... Навѣкъ забыто слово,
Поборниковъ ученія Христова
Любви и истины... (указывая на портреты писа-
телей, висящіе на стѣнѣ). Святая сѣмена
Вы сѣяли, въ трудѣ изнемогали,
И васъ не слушали, и васъ позабывали...
Нѣтъ, не на камень падало зерно.
Оно растетъ и процвѣтетъ оно!
Порукой въ этомъ мы,—мы женскими слезами,
Любовью женскою взростимъ его, взростимъ,
Сердца дѣтей любовью освѣтимъ,
И дѣтскій лепетъ ихъ—великими словами
Народныхъ геніевъ! Авось либо тогда
Про сказку о бычкѣ забудутъ навсегда. (Выти-
раетъ платкомъ наворачившуюся слезу.
Небольшое молчаніе).

Ивановъ.

Какъ люди русскіе къ работѣ приступаютъ?
Не вѣшай головы, впередъ! не унывай! (Зоветъ).
Агафья, милая, шампанское давай!

Агафья (чуть не бѣгомъ вноситъ бутылку, которую принесла Анна Львовна).

Не дѣзетъ пробка-то.

Степановъ (беретъ бутылку и подходитъ къ Петунникову).

Чинъ чиномъ начинаютъ. (Наливаетъ и подаютъ стаканы Петунникову и Иванову).

Ивановъ (со стаканомъ въ рукѣ—Петунникову).

За васъ, за старыхъ пью!

Петунниковъ (такъ же).

За новыхъ!

Ивановъ (бросая стаканъ объ полъ, Агафья).

Подбирай!

(Агафья въ ужасъ, общій смѣхъ).

Занавѣсъ.

THE
JOURNAL OF THE
AMERICAN MEDICAL ASSOCIATION
PUBLISHED WEEKLY
CHICAGO, ILL., U.S.A.

VOLUME 10
NUMBER 1
JANUARY 1917

CONTENTS
ORIGINAL ARTICLES
SYMPTOMS OF
TUBERCULOSIS
IN THE
LUNG

SYMPTOMS OF
TUBERCULOSIS
IN THE
LUNG
BY
J. H. HARRIS

SYMPTOMS OF
TUBERCULOSIS
IN THE
LUNG
BY
J. H. HARRIS

SYMPTOMS OF
TUBERCULOSIS
IN THE
LUNG
BY
J. H. HARRIS

SYMPTOMS OF
TUBERCULOSIS
IN THE
LUNG
BY
J. H. HARRIS

SYMPTOMS OF
TUBERCULOSIS
IN THE
LUNG
BY
J. H. HARRIS

SYMPTOMS OF
TUBERCULOSIS
IN THE
LUNG
BY
J. H. HARRIS

ЛЮДИ.

Сцены изъ петербургской жизни въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

ИДОНЪ

Представлены въ 1-й разъ въ Москвѣ на сценѣ театра
Корша 22 ноябрю 1887 года.

ДѢЙСТВІЕ 1-ое.

„ВЪ КУХНѢ“.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Столешниковъ, Петръ Николаевичъ.

Служащій въ Петербургѣ на до-

вольно видномъ мѣстѣ г. Градовъ-Соколовъ.

Марья Васильевна, жена его. г-жа Очкина.

Варенька, ихъ дочь г-жа Щепкина.

Марфа Тихоновна, бѣлая кухарка. . г-жа Кудрина.

Иванъ, лакей. г. Соловцевъ.

Аннушка, горничная при барыняхъ. . г-жа Мартынова.

Дуняша, горничная при барышняхъ. . г-жа Лаврова.

Агей, татаринъ, кухонный мужикъ . г. Вязовскій.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ.

Сцена представляетъ кухню. Налѣво, въ глубинѣ — дверь на улицу; направо — небольшая лѣстница наверхъ, въ господскую квартиру; ближе къ авансценѣ — маленькая дверка въ комнату кухарки. У лѣстницы — два электрическихъ звонка, неодинаковаго звона. Въ глубинѣ — плита, полки съ кастрюлями и проч. Направо и налѣво, ближе къ авансценѣ, — деревянные столы, скамейки и простые стулья.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

*Иванъ, Аннушка, Дуняша и Агей пьютъ чай
вокругъ стола, налѣво отъ зрителей.*

Дуняша. Чудно вы говорите, Иванъ Ѳедорычъ, какъ нашей барышня да не влюбится въ князя Одинцова? Помилуйте: гвардеецъ, офицеръ, ка-

тается на рысакахъ, вездѣ бываетъ... А что такое этотъ Тропачевъ? Такъ, штатскій господинъ, не больше, что же въ немъ занятнаго?

Иванъ. Позвольте вамъ сказать, Авдотья Павловна — не то вы все городите! Князь вашъ Одинцовъ — тѣфу, больше ничего что — шабала пустая; ну, а Тропачевъ, Григорій Николаичъ, этотъ совсѣмъ разница. Вотъ это именно женихъ для енеральской дочки, потому — мужчина настоящій, какъ должно, помѣщикъ, баринъ! Поймите, сдѣлайте такое одолженіе, этотъ фактъ: князь этотъ Одинцовъ и вдругъ мнѣ, напимѣръ, на новый годъ — двугривенный... вотъ те и князь! А энтотъ-то, — плевать что безъ мундира безъ военнаго, — обоимъ по пяти рублей, и мнѣ и Аннѣ Селиверстовнѣ. Вотъ и замѣтьте! А сверхъ того, извольте обратить вниманіе: какъ отобѣдалъ на Крещенье, уѣзжаетъ, и вдругъ даетъ мнѣ эдакій вопросъ: „откуда, говоритъ, у васъ такой чудесный поваръ?“ Я, значитъ, отвѣчаю: никакъ нѣтъ-съ, у насъ кухарка. „Да что ты врешь?“ Ей Богу-съ. „Ну, ежели кухарка, то въ такомъ случаѣ отдай ей отъ меня на водку три цѣлковыхъ, а два себѣ возьми“. Поймите стало быть изъ эстаго: опять пятишница! Какъ вы разсудите? Вотъ это — баринъ! Нѣтъ, вы мнѣ про этого про Одинцова не толкуйте, довольно я его прекрасно понимаю. Какая это партія для барышни, помилуйте! Она у насъ ну, чисто яблочко, огурчикъ, красота...

Дуняша. А доброты какой!

Иванъ. Ну, вотъ и то-то же! И вдругъ такую то да выдавать за экого... (*Аннушкѣ*). Какъ ваше мнѣніе?

Аннушка. Конечно, для дѣвицы антиреснѣе, когда при формѣ, молодой, красавецъ... А ужъ

по моему, ужъ если выдавать—само собой—за Тропачева, не за энтаго. Я барину на этотъ счетъ довольно много говорила.

Иванъ. Ну, какъ они?

Аннушка. Извѣстно какъ: городить, какъ всегда. Я, грить, не могу ее стѣснять, пущай выходитъ за того, который ндравится, теперь, грить, такая мода, что-бъ слободно.

Ивановъ. Гмм... неосновательно.

Аннушка. Конечно что—дуракъ.

Иванъ. Ну, погодять они. Онъ у меня разъ двадцать позвонится — дома нѣтъ. Вѣдь дѣло-то еще у насъ не рѣшено ни съ тѣмъ, ни съ эstimъ... За Тропачева надо выходить ей безпремѣнно. Покрайности въ своей деревнѣ будетъ жить, на всей на волѣ. Тамъ у него и лошади свои, и домъ, и водку гонить на своемъ заводѣ... Онъ мнѣ намеднись говорить: „Иванъ“ грить! Я говорю, чего извольте? „Иди, грить, ко мнѣ служить въ деревню!“ Право! Что-жъ, нешто не пойду? Пойду.

Дуняша. А какъ же Марфа Тихоновна?

Иванъ. Чтожъ, и она пойдетъ; довольно просто. Покрайности, отдышемся тамъ, у него, на вольномъ воздухѣ.

Дуняша. Да, вѣдь, и князь-то тоже, говорятъ, богатъ.

Иванъ. Ахъ, Дуничка! позвольте вамъ замѣтить: коротко шагаете! Ужъ коли ежели онъ намъ да — по двугривенному, — какое же такое счастье можетъ онъ своей супругѣ представить, вы поймите? Ей надо, напимѣръ, чтобъ въ бельетажъ, а онъ ей: душенька, поѣдемъ въ креслы, будетъ подешевле! Ха, ха, ха! Гдѣ надо сто цѣлковыхъ выбросить, а онъ ей — рубль! Ха, ха, ха, ха, ха, ха! (*всѣ смѣются*). Тутъ,

Дуничка, однѣхъ конфетъ стравить рублей на триста надо, какъ ежели по барски то!... (*Аннушкѣ*) Вы знаете что, Анна Селиверстовна, вы барину поговорите, онъ послушается.

Аннушка. Не больно-то онъ сталъ меня за это время слушаться. Другія, кажется, на свѣтѣ завелись...

Иванъ. Да ну?.. Такъ это значить вѣрно про францужинку?

Аннушка. Спросите у Агейки, онъ эти дѣла лучше меня знаетъ. (*Сердито глядя на Агея*). Вишь, почтальонъ сидитъ... Что бѣльмы-то уставилъ? Ты думаешь не знаю, куда записочки таскаешь каждый день?

Агей. Каки-таки? *)

Иванъ. Ты ротъ-то свой закрой, ворона! (*смѣется*).

Аннушка (*передразнивая Агея*). Каки? А на Михайловскую, къ французенкѣ мамзель — мадамъ, не знаешь?

Агей. Ни мая дѣла. Моя — посуда мой, куда пошлетъ — ходы. Ни мая дѣла.

Аннушка. Свиное ухо ты и больше ничего! (*Встаетъ съ мѣста*). Ну, я пойду на верхъ. Моя, чай, скоро просыпаться будетъ. Что, кофей то ей варится?

Агей. Варылъ.

Иванъ. Ахъ, магометъ, варылъ! А ты отвѣтъ готовъ онъ, кофей-то?

Агей. А я ни зная. Марфа на рынка шолъ, ключи — ниго. Чарашній доливалъ вода, — кипитъ.

Аннушка. Ну, выпьетъ, ничего. До увиданья. (*Беретъ съ плиты кофейникъ*).

Иванъ (*ей вслѣдъ*). Такъ, слушайте-ка, Анна Селиверстовна, вы постарайтесь. За что же барышню губить, за скавалыгу экого... Вѣдь мы

*) Агей говоритъ съ рѣзкимъ татарскимъ акцентомъ.

приданого большого дать не можемъ; какая будетъ ея жизнь, подумайте!

Аннушка. Я постараюсь. Дуняша, ну иди, чего сидишь? (*объ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Иванъ и Агей.

Иванъ (*вставъ съ мѣста*). И я иду. Агей, Михайло кучеръ дома?

Агей. Не выдалъ.

Иванъ. Довольно любопытно бы мнѣ отъ него узнать, что генералъ нашъ? Что у него тамъ на Михайловской... Какъ понимать?

Агей (*хитро ухмыляясь*). Ни, далекó, ище — записка пишетъ.

Иванъ. А ты не врешь?

Агей. Не выйди ничего. Французкина кухарка говорилъ—не выйди. Тамъ два такая есть, богата—вó! Ну, я посуда мыль (*принимается за работу въ глубинѣ кухни*).

Иванъ. Ну мыль, такъ мыль. А я на верхъ схожу. (*Бросаетъ папироску*) Агей, когда вернется Марфа Тихоновна, ты мнѣ приди скажи.

Агей. Скажи. (*Иванъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Агей одинъ, потомъ Марфа.

Агей (*съ тряпкой и кострюлей подходитъ къ авансценѣ и раздражается сердитымъ и ироническимъ татарскимъ монологомъ*). Шайтанъ алсенъ! Джяманъ кишё... Бурзукъ салдче! Джіонгузъ ись излейманъ! Ха, ха, ха! Тьфу, хытрая народъ!

Марфа (входя съ кульками и разными покупками). Ну, ужь морозъ! (Кладетъ кульки на столъ направо). Агейка, разбѣрай. А чай ужь отпили?

Агей. Ни, есь.

Марфа. Клади все по порядку. (Наливаетъ себѣ чаю, вынимаетъ лавочную книжку и провѣряетъ покупки). Хлѣбцовъ бѣлыхъ шесть. (Вынимаетъ хлѣбы изъ кулъка). Разъ, два, три, четыре. Вѣрно! (Читаетъ). Яицъ—два десятка. Агейка, сосчитай: онъ сколько положилъ яицъ? (Пьетъ чай, Агей считаетъ).

Агей. Двѣнадцать.

Марфа. Вѣрно. (Читаетъ). Капусты три кочна.

Агей. Адна.

Марфа. Такъ, вѣрно. (Раздумывая). Пожалуй что изъ одного не выйдетъ. Что-жъ, ежели не выйдетъ, Агейка добѣжитъ, еще возьметъ. (Читаетъ). Филею двадцать три, одна восьмая...

Агей. Иванъ велѣлъ сказалъ коды придешь.

Марфа. Велѣлъ? Такъ что же ты стоишь? Пошелъ, скажи. (Считаетъ про себя. Агей уходитъ). А папирость-то я ему и позабыла. (Разбираетъ яблоки). Надулъ онъ меня въ яблокахъ, разбойникъ! Я выбирала крупные,—вишь мелочь подвернулъ... ну ужь мошенники. Вотъ такъ вотъ и гляди за каждымъ, чисто воры! (Читаетъ вслухъ). Печенья чайнаго фунтъ три восьмыхъ. (Продолжаетъ пить чай и отсыпаетъ себѣ печенья).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Марфа, Иванъ и Агей.

Иванъ (входя). Марфуша, папирасы мнѣ купила?

Марфа. Забыла, милый мой голубчикъ, не сердись. Агейка, на тебѣ рублевку, добѣги до ла-

вочки, купи Ивану Ѳедорычу папирось, Бафра, покрѣпче; да захвати еще качанъ капусты небольшой; да перцу захвати на пятачекъ.

Агей (*на ходу*). Усе?

Марфа. Вина еще возьми, мадеры, въ тридцать пять копѣекъ.

Агей. Ладна. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Иванъ и Марфа.

Иванъ. Марфуша, я скучаю, я сержусь...

Марфа (*продолжая свой чай*). На что?

Иванъ. Да все на это свинство, на счетъ барышни! Ну какъ помилуйте, возможно эдакую душку и, напримѣръ,—за князя Одинцова!

Марфа. Да вѣдь еще не рѣшено!

Иванъ. Отецъ сказалъ—кого, грить, уважить, и пущай идетъ, ея, грить, воля.

Марфа. Ну и пущай идетъ. А намъ-то что?

Иванъ. Какъ—что? Ну нѣтъ, позвольте, я этого нисколько не желаю! Ты только сдѣлай милость разсуди: нешто онъ партія? Двугривенный евойный этоть... нѣтъ позвольте! А гордость-то какая въ немъ сидить! Накинешь, напримѣръ, шинель ему на плечи, онъ что тебѣ въ отвѣтъ?—Калоши! А, довольно вѣжливо? И нагибайся, подавай ему калоши... А еще князь! Четыре мѣсяца въ домъ ѣздитъ чуть ни каждый день, и—сдѣлайте такое ваше одолженіе,—двугривенный! Ахъ, чортъ тебя возьми, разодолжилъ!.. Марфуша, надо пожалѣть, по божески,—поговори ты съ еeneralьшей, сдѣлай милость, она тебя послушаетъ навѣрное.

Марфа (*обдумывая*). Я вотъ что, Ваня, нынче я ей буду отдавать еще билетъ...

Иванъ. Это который будетъ?

Марфа. Третій.

Иванъ (*разсчитываетъ*). Выходить, стало быть, она тебѣ будетъ должна — четыре ста и пятьдесятъ съ половиною?

Марфа. Ну такъ что же? Не пропадетъ; чай у меня росписки.

Иванъ. Такъ что ты начала мнѣ говорить?

Марфа. Ну вотъ, я тутъ ей и скажу на счетъ... про это, посовѣтую.

Иванъ. Марфуша, слушай, ты не позабудь, что нынче къ намъ придетъ Егоръ Савельичъ, графскій камердинеръ, и съ супругою, а сверхъ того Ростокинъ, Селиверстъ Петровичъ, изъ дворца; ты намъ бы что-нибудь сготовила получше побѣдать.

Марфа. А ты чего-бъ хотѣлъ?

Иванъ. Да, знаешь, борщъ бы, или щи лѣнныя.

Марфа. Ну ладно, щи. Съ ватрушками?

Иванъ. Да, чтобъ ужъ въ аккуратъ, и чтобъ сметаночка, яички, напимѣръ... А послѣ — рыбки.

Марфа. Какой?

Иванъ. Какой? (*Раздумываетъ*). Вотъ не люблю я этихъ стерлядей да лососины, чисто рѣпа пареная... наваги развѣ? Наваги намъ пожаръ побольше.

Марфа. Наваги? Ладно. Я и сама люблю навагу до смерти.

Иванъ (*беретъ со стола яблоко*). Что, можно яблочекъ?

Марфа. Извѣстно можно, ѣшь. А поконецъ того — биштексъ.

Иванъ. Биштексъ.

Марфа. Филей-то я было для нихъ купила. Да это ничего, я изъ обрѣзковъ сдѣлаю для нихъ рулетъ. А рябчиковъ не хочешь?

Иванъ. Ну, ихъ къ шуту, смерть не люблю, горчатъ. (*Звонокъ отъ барина*). А, просыпается!

Марфа (*продолжая разговоръ*). Къ нимъ и салату я взяла.

Иванъ. Э, ну его, какая въ немъ такая сласть, — трава!

Марфа. Ну, значитъ, рабчики я имъ подамъ. (*Звонокъ*). Иди, звонить.

Иванъ. Пущай его звонить, не къ спѣху. А на пирожное, Марфушенька, потѣшь—аладьи съ яблоками. Да сверху-то... (*Звонокъ*). Тѣфу, чтобъ те, надоѣлъ! Да сверху-то варенья, чтобъ погуще.

Марфа (*съ ласковой приветливостью*). Ужъ и какой ты, Ваня, у меня сластена! (*Звонокъ начинается звонить не переставая*).

Иванъ. А, разсердился... Ишь, какой горячій... (*Входитъ Агей, кладетъ покупки и сдачу и принимается снова за кострюли*).

Марфа (*Ивану*). Иди, ступай.

Иванъ. А нешто я его не дожидаясь? Изъ клуба-то какъ въ три часа ворочается... (*Звонокъ прекратился*). Усталъ и пересталъ, ха, ха! Печенье принесла ему для кофею?

Марфа. Вонъ, на столѣ лежитъ.
(*Иванъ насыпаетъ себѣ на ладонь горсточку печенья. На льстницѣ появляется Столешниковъ въ халатъ и въ туфляхъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Столешниковъ, Иванъ, Марфа и Агей.

Столешниковъ. Да что же это, наконецъ, такое? Звоню, звоню, а вы здѣсь и не тронетесь? (*Налетая на Ивана*). Да знаешь-ли ты, что я тебя!..

Иванъ (*съ удивленіемъ*). Да нешто вы звонили-съ?

Столешниковъ. Какъ нешто я звонилъ? Я цѣ-
лыхъ полчаса звоню, болванъ!

Иванъ. Я не слыхалъ-съ.

Столешниковъ. Какъ не слыхалъ? Ты, Марфа,
слышала?

Марфа. Нѣтъ-съ, не слыхала-съ. Опять должно
быть не звонить звонокъ, испортился.

Столешниковъ. Агей, ты не слыхалъ, звонилъ
звонокъ?

Агей. Слыхалъ.

Столешниковъ. Слыхалъ? Ты что—слыхалъ, зво-
нилъ онъ или не звонилъ?

*(Марфа изъ-за спины барина показываетъ Агею
кулакъ.)*

Агей. Ни, ни звонилъ.

Столешниковъ. Вы врете, этого не можетъ быть,
какъ не звонилъ?

Иванъ. Да, ваше превосходительство, звонокъ
этотъ, ей Богу, не звонить ни капельки. Угодно,
я сейчасъ же сбѣгаю къ вамъ въ кабинетъ и
позвоню, прикажите?

Столешниковъ. Ну, хорошо, ступай. Ступай, я
самъ послушаю!

*(Иванъ скорыми шагами идетъ наверхъ. Молча-
ніе. Столешниковъ нетерпѣливо ходитъ взадъ и
впередъ по кухнѣ. Марфа старательно разбираетъ
провизию. Агей едва удерживается отъ смѣха.)*

Столешниковъ. Да что же это онъ, что онъ тамъ
дѣлаетъ?

Марфа. Должно быть, ужъ звонить-съ.

Столешниковъ. Да что ты врешь—звонить, онъ
не звонить!

Марфа *(подойдя къ звонку и дотрогиваясь до
него).* Извольте посмотрѣть — и не шелохнется.
Отъ барыни звонить, а вашъ испортился.

Столешниковъ. Такъ слушай, милая, пожалуйста ты озаботься, чтобъ поправили.

Марфа. Сегодня сбѣгаю-съ.

Столешниковъ. Сама, пожалуйста. Ужь ты и на-блюди сама.

Марфа. А сколько ему давать прикажете?

Столешниковъ. Кому?

Марфа. А этому машинщику.

Столешниковъ. Ну—рубль, ну—полтора.

Марфа. Онъ меньше двухъ, пожалуй, не возьметъ-съ.

Столешниковъ. Ну дайте два, но только чтобъ звонилъ. Пожалуйста велите такъ поправить, чтобъ звонилъ!

Марфа. Само собой-съ, зачѣмъ же какъ нибудь. Я полагаю—за два переправятъ.

Столешниковъ. И, думаешь ты, —- будетъ онъ звонить?

Марфа. Да-съ, надо быть, что безпремѣнно звонить будетъ.

Столешниковъ. Будетъ?

Марфа. Будетъ-съ.

Столешниковъ (*Ивану, который уже сошелъ съ лѣстницы*). Одѣваться! (*идетъ*) Да, слушай, Марфа,—кофей не хорошъ.

Марфа. Мнѣ енеральша Мокки братъ не приказали-съ; а Мартиникъ, извѣстно, что-жь за кофей!

Столешниковъ. Пожалуйста, берите Мокка. Дороже заплатите, но только чтобы кофей былъ такой, чтобы возможно было пить.

Марфа. Куплю-съ, пить можно будетъ-съ.

(*Столешниковъ уходитъ. Иванъ идетъ за нимъ, показывая ему сзади носъ*).

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Агей и Марфа.

Агей (*лопается со смѣху*). Яманъ, яманъ, холдж-жи, ха, ха, ха! Вотъ такъ хайда. Ха, ха, ха!

Марфа. Чего хайло-то распустилъ, дуракъ? Молчи. Клади дрова, топи. (*Принимается чистить коренья*). Ужъ и чудакъ-же баринъ нашъ, совсѣмъ какъ есть ребенокъ малый. А тамъ, по службѣ-то, толкуютъ, — страсть уменъ. Должно уменъ, коли такое жалованье получаетъ. Будь онъ дуракъ взаправду—чай-бы, не дали.

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же и Марья Васильевна.

Марья Васил. Что это здѣсь такое, не звонить звонокъ?

Марфа. Да-съ, не звонить-съ. (*Барыня подходитъ къ звонку*). То-есть, не то чтобы онъ не звонилъ совсѣмъ, а такъ-съ: то зазвонить, а то и не звонить.

Марья Васил. А понимаю, это въ батарее... токъ, отъ электричества.

Марфа. Вотъ такъ и мастеръ говорилъ намереніи: токъ.

Марья Васил. Да-да, я вижу, это токъ испорченъ.

Марфа. И мастеръ такъ-то говорилъ, что—токъ испорченъ. Ужъ онъ его паялъ, опять должно быть распаялся.

Марья Васил. Распаялся? Такъ ты сходи, вели чтобъ онъ пришелъ и запаялъ.

Марфа. Схожу-съ.

Марья Васил. Да вотъ что, Марфа, нынче у насъ будетъ князь обѣдать.

Марфа. Одинцовъ-съ?

Марья Васил. Ты сдѣлай намъ... Дай, стулъ. (*Марфа бросается и подаетъ ей стулъ*). Сдѣлай ты намъ супъ... Какой-бы супъ? Я думаю, пюре изъ рябчиковъ.

Марфа. Это для князя-то-съ?

Марья Васил. А что?

Марфа. Нѣтъ-съ, ничего-съ, я такъ съ...

Марья Васил. Ты что хотѣла мнѣ сказать? (*та молчитъ*) Ты что-то отъ меня скрываешь? Говори пожалуйста!

Марфа. Ей Богу, ничего-съ.

Марья Васил. Марфуша, я прошу тебя со мной быть откровенной; что ты хотѣла мнѣ сказать? Скажи!

Марфа. Я только вотъ насчетъ пюре... Сегодня я въ мясной была; тамъ сидѣлъ поваръ, отъ этого, вотъ что баронъ-то, что въ угольномъ домѣ, который во дворецъ-то ѣздитъ чуть не каждый день.

Марья Васил. А, отъ барона Миниха?

Марфа. Отъ Михина-съ, такъ точно. Потомъ пришла кухарка отъ Остальцевыхъ, не мнѣ чета, не на двадцать рублей живетъ, — старуха, сорокъ пять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, вся ея покупка... Ну-съ, вотъ разговорились: то да сѣ, — и что-жь вы думаете, что-жь оказалось? Пюре-то эти, фри-касе, да маенезы изъ моды вышли-съ! Чуть ежели, да гдѣ повыше домъ, ни — турнедо, ни — сосъ роберъ, ни — бордолецъ, ни Боже мой! Пошло на щи, на растегайчики, на кулебяку... Бывало, пишется въ меню: Лангетъ де бѣфъ, теперь — говядина, и больше чтобъ не смѣть! На счетъ пирожного, — ни пень конде, ни чтобъ —

мацедуанъ... Творожники. А самый тонкій вкусъ— алады съ яблоками.

Марья Васил. Что ты говоришь, да неужели?

Марфа. Ей Богу правда-съ. Вотъ я и думаю: не сдѣлать-ли намъ щи? Капуста свѣжая. Съ яичкомъ, со сметанкой... Ко щамъ ватрушечки, чтобъ то-есть въ аккуратѣ.

Марья Васил. (*раздумчиво и неръшительно*). Но только, знаешь что, Марфуша, чтобъ безъ сахару.

Марфа. Ватрушки то-съ? Безъ сахару-съ, извѣстно, — а-ля-рюсъ. А по-конецъ того—навагу.

Марья Васил. (*съ испугомъ*). Какъ — навагу? Я думала-бы лучше лососину.

Марфа. Сомонъ то-съ? Что же въ ней такой за вкусъ? опять же — въ ресторанахъ, по трактирамъ, ну обязательно повсюду эта лососина, сомонъ по ихнему, и агратанъ, и маенезъ, и сосъ татаръ...

Марья Васил. (*обдумывая*). Съ лимономъ ты подашь навагу?

Марфа. Съ лимономъ-съ, форменно, какъ быть должно, съ лимономъ.

Марья Васил. Потомъ?

Марфа. Потомъ — бештексъ. (*Спыхватясь*). Нѣтъ, впрочемъ, что-жъ—бешкесъ... Я лучше, знаете, говядину-то заверну рулетомъ, да начиню яичками да кнелю; гарнирцу положу—морковки, рѣпки...

Марья Васил. (*увлекшись рѣчью Марфы, перебиваетъ ее*). Капустки, знаешь, нѣсколько цвѣтной, кругомъ!

Марфа. Что-жъ, можно-съ. Положимъ и капустки, чтожъ такое. Легюмъ—по самой по послѣдней модѣ,—артишоки.

Марья Васил. Жаркое—рябчики.

Марфа. Прикажете, такъ можно рябчики. Чтожъ, въ рябчикѣ нѣтъ ничего такого, птица русская. А къ рябчикамъ салатъ. А на пирожное—позвольте ужъ я сдѣлаю аладьи съ яблоками. А сверху—чтобъ варенье, погуще, знаете.

Марья Васил. Ты думаешь—аладьи хорошо?

Марфа. Вѣдь это отчего зависимо? Какъ сдѣлать. А ужъ такъ сдѣлаю, ужъ лучше быть нельзя!

Марья Васил. Румяныя?

Марфа. Румяныя-съ.

Марья Васил. Съ вареньемъ?

Марфа. Залью вареньемъ, чисто-утоплю!

Марья Васил. Пожалуй что и вкусно будетъ.

(Вставая). Ну вотъ такъ и дѣлай.

Марфа. Какъ, то-есть, вы изволили приказывать?

Марья Васил. Да, да, какъ я сказала. *(Идетъ).*

Марфа. Да вотъ, сударыня-съ, еще я вамъ хотѣла... *(Агею).* Агей, уйди пока.

Агей. Куды?

Марфа. Туда, къ себѣ въ чуланъ. Уйди. *(Тотъ уходитъ).*

Марья Васил. *(недовольнымъ тономъ).* О чемъ это? Что это за секреты? ты знаешь, я секретовъ не люблю.

Марфа *(подавая ей банковый билетъ).* Я только вотъ хотѣла васъ просить еще билетикъ...

Марья Васил. Еще билетъ? Марфуша, мнѣ не нужно.

Марфа. Да мнѣ-то съ нимъ опасно здѣсь на кухнѣ-съ... Ну, веровенъ часъ, кто нибудь украдетъ! А вамъ-то я ужъ довѣряю всей душой.

Марья Васил. Спасибо за довѣріе, мой другъ, благодарю тебя... Какъ онъ по курсу?

Марфа. Сто сорокъ семь съ полтиной-съ.

Марья Васил. Стало быть, всего за мною будетъ—четыреста... и сколько?

Марфа. Четыреста и пятьдесятъ съ полтиной-съ.

Марья Васил. *(береть билетъ)*. Такъ я сегодня же росписку тебѣ дамъ, зайди послѣ обѣда.

Марфа. Хорошо-съ. Процентъ положите такой же, какъ за энти-съ? По два въ мѣсяцъ?

Марья Васил. Да, да, какъ прежніе, да, по два въ мѣсяцъ.

Марфа. Хорошо-съ. Еще я вашему превосходительству хотѣла...

Марья Васил. Что, о чемъ?

Марфа. Да слышно намъ-съ, что ѣздитъ этотъ офицеръ, князь Одинцовъ... и тотъ, — воронежскій, помѣщикъ этотъ, насчетъ тоестъ, примѣрно руку-сердце...

Марья Васил. Ну, такъ что же?

Марфа. Сударыня, я вѣрная слуга-съ, ужъ именно отъ всей души... раба, можно сказать, какъ крѣпостная!.. Я вамъ желаю высказать, какіе слухи: не хорошо-съ, вполнѣ не хорошо всѣ говорить.

Марья Васил. О Тропачевѣ?

Марфа. Никакъ нѣтъ-съ, про нихъ я не слыхала ничего: я на счетъ князя...

Марья Васил. Князя?

Марфа. Такъ говорятъ—ужъ хуже и нельзя, ей Богу-съ! Картежникъ, говорятъ, мотаетъ—страсть! Имѣнье, говорятъ, разстроено въ отдѣлку.

Марья Васил. Не можетъ быть, лгутъ это про него.

Марфа. Какъ можно лгать, помилуйте, вѣдь это какой грѣхъ-то! А кромѣ этого такое говорятъ... *(Стыдливо умолкаетъ)*.

Марья Васил. О чемъ?

Марфа. Нѣтъ-съ, я не смѣю-съ.

Марья Васил. Да говори пожалуйста все прямо, мы здѣсь однѣ.

Марфа. Ужъ развѣ по секрету... а громко я, ей Богу, не посмѣю.

Марья Васил. Какія глупости, я не мужчина. Ну, говори какъ хочешь. (*Подставляетъ ей ухо*). Ну говори, пожалуйста, въ чемъ дѣло?

Марфа (*очень выразительно шепчетъ ей на ухо что-то*).

Марья Васил. (*Съ удивленіемъ*). Да? (*Марфа продолжаетъ шептать*). Да что ты?! (*Марфа принимается опять шептать*). Ахъ Господи! Да нѣтъ, не можетъ быть?!

Марфа. Отсохни у меня языкъ, вотъ провалиться мнѣ, коли я вру!

Марья Васил. Гдѣ, говоришь ты, гдѣ, гдѣ, на Михайловской? А номеръ дома?

Марфа. Вотъ номера-то я сейчасъ не знаю; я узнаю-сь.

Марья Васил. Узнай пожалуйста, Марфуша, номеръ дома, я генералу сообщу, и мы разслѣдуемъ... Спасибо, милая, тебѣ, благодарю, отъ всей души благодарю тебя... благодарю. (*Идетъ по лѣстницѣ въ комнаты*).

Марфа (*ей вслѣдъ*). А во щи-то прикажете сметаны?

Марья Васил. Конечно, да, пожалуйста! Какъ можно безъ сметаны, непременно чтобъ сметана.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Марфа одна, потомъ Агей.

Марфа (*смыась*). Зацѣпила! (*закуриваетъ папироску*). Ахъ Ваня, Ваничка! И что я только для тебя здѣсь вру, кабы ты видѣлъ! (*Входитъ Агей*). Агейка!

Агей. Ты чиво?

Марфа. На вотъ кочанъ, шинкуй, да аккуратнѣй! Да мясо въ воду положи, живѣй!

Агей. Чичасъ.

Марфа (*наръзаетъ коренья, тихо напѣвая про себя*).

Научить ли те, Ванюша,
Какъ ко мнѣ ходить,
Ка-акъ ко-омнѣ-ѣ хо-одить!

(*Агей стучитъ по столу ножами*). Ты тише, образина! Ты рѣжь ее, шинкуй, а не руби.

Агей. Якши, сиды, нарижу.

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же и Аннушка.

Аннушка. Марфа Тихоновна, матушка, я къ вамъ.

Марфа. Что, милушка, насчетъ чего?

Аннушка (*тихо ей*). Да все опять насчетъ него.

Марфа. Что,—перемѣна?

Аннушка. Не смотреть, просто понимаете, не смотреть! Я говорю ему: вы скоро, баринъ, будете обратно? Нарочно, понимаете, заговорила, чтобъ разговоръ завести—ни слова мнѣ въ отвѣтъ, ни слова! Я, знаете, и думаю себѣ: съ нимъ что молчать, то хуже; и начала его пужать, то есть на всѣ-то корки!.. Сама-то вродѣ какъ стираю пыль метелкой, а онъ бумаги на столѣ читаетъ. Я все ему, какъ вы меня учили, и сказала про французенку про эту, про Гортензію. Онъ и струхнулъ!

Марфа. Струхнулъ?

Аннушка. Струхнулъ. Сейчасъ сталъ ласковый, да смирный.

Марфа. И чудесно. Коли сталъ смирный, значитъ ничего еще тамъ окончательнаго нѣтъ. А

дня черезъ два, три, ты, дѣвушка, опять его покрѣпче въругай... Господь дастъ, и уладится. А что, уѣхалъ онъ?

Аннушка. Сейчасъ только что за дверь проводили.

Варенька (*показываясь на порогъ двери въ кухню*). Марфуша, Аннушка у васъ?

Марфа. У насъ-съ. (*Варенька сбѣгаетъ съ лестницы*).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ же и Варенька.

Варенька (*подавая ей хорошенькую баночку съ клеемъ*). Марфуша, милая, свари мнѣ этотъ клей. Я дѣлаю цвѣты для абажура, а онъ высохъ.

Марфа. Сейчасъ сварю-съ. Агей, скорѣе дровъ мнѣ принеси еще, побольше!

Агей. Чичасъ. Ахъ, Господы! (*Уходитъ*).

Варенька. Ты не видала, Аннушка, гдѣ мои ножницы?

Аннушка. Сейчасъ найду-съ. (*Марфа дѣлаетъ ей знакъ, чтобы она вышла, она уходитъ*).

Марфа. Я, барышня, сейчасъ сварю и принесу. (*Та хочетъ уходитъ*). А я, сударыня, что нынче слышала про господина Тропачева, просто прелести!

Варенька. А что такое?

Марфа. Слишкомъ хорошо-съ! Какъ, говорятъ, онъ маменьку свою, папашу уважаетъ.

Варенька. Какую маменьку? Онъ свою мать не помнитъ, она ужъ умерла лѣтъ двадцать пять.

Марфа. Да что вы?... Какъ умерла-съ? Ихъ крестная-то маменька?

Варенька. Родная.

Марфа. Родная-то давно ужъ померла, я знаю-съ. Нѣтъ, я про крестную. А какъ богатъ, такъ даже удивительно, а кротости,—ну чистая овца!

Варенька. Мнѣ онъ не очень нравится.

Марфа. Да что вы? А вотъ про князя Одицова такъ ужъ хорошаго не говорятъ... такъ говорятъ, что только плюнь да брось, ей Богу-съ.

Варенька. О чемъ, про что такое?

Марфа. Да я всего и рассказать вамъ не могу, какъ вы дѣвица, барышня... Одно сказать: отъ трехъ невѣстъ прогнали... ну вотъ онъ и надумалъ къ намъ.

Варенька (*съ обидой и раздраженіемъ*). Прошу тебя впередъ мнѣ эдакихъ вещей не говорить, все это—сплетни; я сплетенъ слушать не люблю и не желаю. (*Идетъ къ двери*).

Марфа. За что-жъ вы гнѣваетесь, барышня? Я именно, что отъ любви, изъ ласки... (*Пытается заплакать*). А ежели вы такъ, Богъ съ вами!

Варенька (*возвращаясь къ ней*). Ну полно, милая Марфуша, не сердись, я это такъ, погорячилась...

Марфа (*хватаетъ на лету ея руку и цѣлуетъ*). Ахъ, чистый-то вы Анделъ добротой своей! (*вкрадчиво*). Ужъ такъ всѣ дурно про него... ужъ и не вѣрится. (*Молчаніе*).

Варенька. Такъ клей ты Аннушкѣ отдашь, когда онъ разогрѣтся. (*Быстро уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Марфа одна,—Агей.

Марфа. Вѣдь вишь ты,—птичка не величка, а тоже ноготокъ востеръ! Не въ маменьку. (*Принимается рубить говядину. Агей вноситъ дрова*). Клади сюда, болванъ!

Агей (*сердито*). Се я болванъ, сама—болванъ, тѣфу, вотъ что!

Марфа (*смягчая тонъ*). Ну полно, не сердись, дуракъ, топи, чего сердиться, чучело татарское.

Агей (*мяко*). Вотъ такъ—люблю, такъ — ласкова, такъ лутчи.

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ же и Иванъ.

Иванъ (*входя съ старой*). Агей, огня! Цыгарка хороша. Вчера изъ клубу онъ привезъ три штуки. Марфуша, слышишь, духъ какой, шикарная цыгарка! (*Стоитъ посреди кухни, куритъ и плюетъ*).

Марфа. Слышь, Иванъ Ѳедорычъ, я барынѣ совѣтъ дала про это.

Иванъ. Про этого про гордеца? Чудесно! (*Знаетъ*). А-ахъ ахахъ! Ужъ мнѣ про нихъ и думать надоѣло, ну ихъ къ дьяволу! Теперь бы водочки. Агей, гдѣ водка? (*Разваливается на лавкѣ*). Уѣхалъ. Дѣлать нечего теперь, тоска! (*Напѣваетъ*):

Нигдѣ ми-илаго не видно,
Ни въ деревнѣ, ни въ Москвѣ,
(*Марфа рубитъ говядину*).

Только ви-ижу я мило-ого
Темной но-очкой въ сла-адкомъ снѣ.

Марфа (*продолжая рубить*). Не такъ ты, Ваня, тутъ голосъ надо заводить наверхъ. (*Поютъ оба*):

Только ви-ижу я мило-ого
Темной но-очкой въ сла-адкомъ снѣ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ВЪ КАБИНЕТѢ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Столешниковъ	г. Градовъ-Соколовъ.
Марья Васильевна	г-жа Очкина.
Варенька	г-жа Щепкина.
Иванъ	г. Соловцевъ.
Аннушка	г-жа Мартынова.
Агей	г. Вязовскій.
Хохловскій, чиновникъ	г. Свѣтловъ.
Тропачевъ, Григорій Николаевичъ, помѣщикъ	г. Рошинъ-Инсаровъ.
Князь Одинцовъ, военный	г. Шуваловъ.

Сцена представляет кабинетъ. Направо дверь въ залу; налѣво—въ спальную Столешникова; прямо небольшая, оклеенная обоями, дверь въ переднюю. Письменный столъ, мягкая мебель и проч. принадлежности хорошаго кабинета.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Столешниковъ одинъ.

Столешниковъ (*пишетъ за письменнымъ столомъ и останавливается держа перо въ рукѣ*). Да, удивительно какъ много значитъ практика, привычка! Любой докладъ или соображеніе о чемъ хотите я напишу вотъ какъ,—единымъ духомъ, а тутъ,—простая, такъ сказать, не докладная, а любовная записка, — а я вотъ цѣлый часъ за ней сижу и

все еще не кончилъ (*пишетъ*). «А по сему, прелестная Гортензія, хотя вамъ русскій нашъ языкъ и не вполнѣ понятенъ, но тѣмъ не менѣе, я смѣю думать, вы меня почтите пониманіемъ»... Нѣтъ, это не годится такъ, почтите пониманіемъ, пожалуйста для французенки не будетъ ясно. А лучше просто вотъ какъ: но, смѣю думать, вы меня, прелестная Гортензія, поймете, ибо я говорю не русскимъ языкомъ, а языкомъ любви! (*Обдумывая*). А языкомъ любви... Да, это хорошо—а языкомъ любви... (*Хочетъ писать, но задумывается, бросаетъ перо и ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ*). Я никогда ни въ чемъ не упрекаю моего покойнаго отца, ни въ чемъ, ни въ чемъ! Но только одного я не могу простить ему: какъ можно было такъ учить родного сына! Любимаго, единственнаго сына, способнаго, прелестнаго мальчишку... Я былъ прелестнѣйшій мальчишка, бойкій, ловкій!.. Какъ можно было такъ учить, чтобъ онъ не зналъ до старости ни слова по-французски! Для службы, для карьеры—истинный ущербъ; а ужъ для жизни... Ну что теперь Гортензія пойметъ, ну какъ я ей могу излить всю, такъ сказать... Тьфу, чортъ тебя возьми! (*Снова принимается за перо*). А языкомъ любви... Рѣшите мою участь наконецъ, скажите—вуй, и я на небесахъ! При семъ прошу примите увѣренія, въ глубокомъ уваженіи и преданности, всегда готоваго къ услугамъ вашимъ. (*Задумывается*). Пьера. Такъ лучше, все-таки фамилію не слѣдуетъ: любить люби, но будь благоразуменъ! (*Встаетъ и идетъ къ звонку*). Иванъ—одинъ разъ, Марфа—два, Анюта—три, Агей—четыре. (*Звонитъ четыре раза*). Разъ, два, три, четыре. Посмотримъ, какъ-то онъ теперь звонитъ послѣ починки? (*запечатываетъ письмо и надписываетъ адресъ*).

Ужасно беспокоить меня новость, которую мнѣ сообщила Маничка, жена моя... Она мнѣ говоритъ, что Одинцовъ, тотъ самый князь Владимиръ Павлычъ Одинцовъ, который — вотъ-вотъ сдѣлаетъ моею Варюшѣ предложеніе, и вдругъ—мѣшаетъ моему успѣху у Гортензіи, что у него съ Гортензіей—и дружба и знакомство... и такъ далѣе. (*Спохватясь*). То-есть, позвольте, я совсѣмъ дуракъ!.. То-есть, я не дуракъ, а я отъ этихъ всѣхъ волненій сталъ дуракъ, мнѣ этого жена не говорила, и не могла она мнѣ говорить! Про Одинцова и Гортензію—да, говорила, а про меня ужъ это я себѣ самъ говорилъ. (*Вспомнивъ о звонкѣ*). А колокольчикъ-то опять не дѣйствуетъ! (*Звонитъ четыре раза*). Вѣдь вотъ и починаютъ и берутъ за это деньги!.. Разславили съ чего-то это электричество, а результаты—вотъ они. Одна реклама, больше ничего, одна реклама! (*Возвращается на авансцену*). Я Одинцова выгоню изъ дома. Нельзя же дочь свою отдать въ замужство съ негодяемъ, который чортъ знаетъ какъ себя ведетъ! Да, что же я такое говорю? Вѣдь предложенія онъ еще не дѣлалъ, онъ даже къ намъ послѣ послѣдняго обѣда, четвертый день и глазъ не кажетъ... (*Опять вспоминаетъ о звонкѣ*). Однако это электричество меня совсѣмъ съ ума сведетъ. (*Раздражительно звонитъ восемь разъ*). Разъ, разъ, два, два, три, три, четыре, четыре! Посмотримъ, что-то теперь будетъ, наконецъ. (*Раздумывая*). Нѣтъ, Тропачевъ и симпатичнѣе, и менѣе красивъ, да и постарше; Варенька съ нимъ будетъ во сто разъ счастливѣе, такіе браки лучше удаются. (*Нечаянно видитъ себя въ зеркалѣ*). А вѣдь ты плутъ, ты величайшій плутъ! Другихъ ты осуждаешь, а самъ-то что? (*Говоритъ самъ съ собой въ зеркало*). Да мнѣ

вѣдь, батюшки мои, ужъ пятьдесятъ два года-съ, я—невмѣняемый, я все земное совершилъ, я вижу дней моихъ закатъ и угасанье... А этотъ Одинцовъ, онъ лжець! Я, говоритъ, влюбленъ, хочу жениться... А между тѣмъ, чуть за уголъ, — извощикъ, сорокъ третій номеръ, на Михайловскую!.. Ну, нѣтъ, аттанде-съ!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Входитъ Агей.

Агей. Изволила звони?

Столешниковъ. Изволилъ! Двадцать восемь разъ изволилъ!

Агей. Не слыхала. Симнацать разъ слыхала, двадца восимъ не слыхала, ни.

Столешниковъ. Чего же ты, болванъ, не шелъ?

Агей. Посуда домывала.

Столешниковъ. Ты, братецъ мой, дуракъ!

Агей. Такъ тошна.

Столешниковъ. Что?

Агей (*громче*). Такъ тошна.

Столешниковъ (*отдавая ему письмо*). Возьми это письмо.

Агей. Опять туды?

Столешниковъ. Туды.

Агей. Михайловска? Хранцузинка? Адать?

Столешниковъ. Молчи и слушай. Письмо отдай и получи отвѣтъ.

Агей. Ну, ладна.

Столешниковъ. Когда отвѣтъ получишь, не ходи домой.

Агей. У ній остаца?

Столешниковъ. Нѣтъ, не у ней остаться, а кругомъ ходи...

Агей. Кругомъ хранцузинка?

Столешниковъ. Да нѣтъ! Молчи ты, тамерланъ проклятый, слушай: ходи кругомъ ея квартиры, около подъѣзда и смотри кто къ ней пріѣдетъ, понимаешь?

Агей. Ладна.

Столешниковъ. Ты князя Одинцова знаешь?

Агей. Знаешь.

Столешниковъ. Какъ только онъ пріѣдетъ къ ней, сейчасъ сюда.

Агей. Его сюда?

Столешниковъ. Да нѣтъ... Агей, голубчикъ мой, какая ты ужасная дубина! Какъ только онъ пріѣдетъ къ ней, ты понимаешь, ты (*тычетъ въ него пальцемъ*), ты самъ, сейчасъ бѣги сюда, ко мнѣ, изо всѣхъ силъ бѣги, возьми извозчика...

Агей. Зачимъ, я такъ.

Столешниковъ. Бѣги сюда и сообщи мнѣ, что онъ тамъ.

Агей. Кнезь?

Столешниковъ. Ну да, да, князь.

Агей. Ну ладна, ну давай записка, я пошла. (*Идетъ и возвращается*). А, барынь, а туды бижать ни нада, можна шагомъ?

Столешниковъ. Туда—какъ хочешь.

Агей. Ладна, хорошо. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Столешниковъ и Аннушка.

Столешниковъ. Я радъ, что нынче Воскресенье, что служба не мѣшаетъ мнѣ заняться нѣскольکو семейными дѣлами, все это хоть немножко привести въ порядокъ, обсудить.

Аннушка (*входя*). Опять Агейка побѣждалъ къ французенкѣ съ запиской? Превосходно, Петръ Николаичъ, очень превосходно!

Столешниковъ. Послушай, Аннушка, ты забываешься, пойми, ты моя горничная.

Аннушка. Будто?

Столешниковъ (*стараясь не глядѣть на нее*). И, наконецъ, я баринъ... чинъ мой, положеніе...

Аннушка. Ну, это все вы для другихъ оставьте, а для меня вы...

Столешниковъ (*перебивая ее строго*). Ну, ну, молчи пожалуйста!

Аннушка. А для меня вы больше ничего, какъ старый грѣшникъ. Ахъ, какой вы грѣшникъ!.. Былъ милый господинъ, а сталъ обманщикъ. Я вамъ пришла сказать мое послѣднее рѣшеніе: я про французенку про эту нынче барынѣ пожалуюсь.

Столешниковъ. Какъ барынѣ?.. Да ты съ ума сошла?

Аннушка. А очень просто, приду и расскажу всю правду... Конечно только про нее, то-есть про французенку, вотъ вы и потанцуете! Прощайте съ.

Столешниковъ. Постой, постой, постой! Послушай, Аннушка, ну какъ тебѣ не стыдно...

Аннушка. Какъ вамъ-то эдакъ поступать не стыдно? Семейный человѣкъ, жена еще почти что молодая дама (*онъ слушаетъ ее, покорно опустивши голову*), дочь невѣста...

Столешниковъ. Не говори, молчи!

Аннушка. Нѣтъ, буду говорить, нарочно буду говорить, нарочно! Квартира у васъ первый сортъ, какая мебель, лошади, прислуга, все въ домѣ есть, ну все, можно сказать, вполне, а онъ къ французенкѣ! Пущай ужъ Одинцовъ тамъ проживается, а вамъ — и стыдъ и смѣхъ. Не бросите, — все барынѣ скажу.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же и Иванъ.

Иванъ (*входя изъ залы*). Изъ Пензы къ вашему превосходительству пріѣхалъ господинъ Хохловскій.

Столешниковъ, Зачѣмъ? Я здѣсь не принимаю. Завтра въ канцелярію.

Иванъ. Я имъ докладывалъ-съ. Усердно просятъ ваше превосходительство ихъ принять.

Столешниковъ. Здѣсь не принимаю! Въ канцелярію.

Иванъ (*проситъ Аннушку глазами, показывая жестомъ, что и-нѣ Хохловскій заплатитъ ему*).

Аннушка (*тихо барину*). Примите, — онъ изъ Пензы къ вамъ скакалъ, а вы — гони.

Столешниковъ (*Ивану строго*). Ступай, ты слышалъ? (*Тотъ идетъ и останавливается будто-бы для того, чтобы поправить драпировку на дверяхъ*).

Аннушка. Я вамъ сказала, что примите и примите. Примите, я вамъ говорю, примите!

Столешниковъ (*мѣняя тонъ*). Э, чортъ его возьми, пускай взойдетъ. Иванъ,пусти его, Богъ съ нимъ,пусти! (*По уходѣ Ивана набрасывается на Аннушку*). Надѣюсь, Аннушка, ты, наконецъ, уйдешь отсюда?

Аннушка. Зачѣмъ - съ? Мнѣ надо еще вашу спальню убирать. (*Взглянувъ на входящаго Хохловскаго*). Фу, да какой противный. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Столешниковъ, Хохловскій, потомъ Аннушка.

Хохловскій (*онъ въ мундиръ*). Имѣю честь явиться. Губернскій секретарь Хохловскій.

Столешниковъ. Что угодно-съ?

Хохловскій (*стоя передъ нимъ на вытяжку*). Семнадцатаго декабря я получилъ отъ вашего превосходительства запросъ, по жалобѣ, послѣдовавшей на меня отъ мѣщанина Ерофѣева, о томъ, что яко бы я смѣлъ нарушить седьмого октября статью 1613-ю. А потому, я смѣлъ явиться лично, дабы возможно точно изложить всѣ объясненія и при семъ ходатайствовать объ оставленіи неправаго прошенія безъ послѣдствія.

Столешниковъ. А, помню, помню, да. Имѣете записку?

Хохловскій. Точно такъ-съ. (*Подаетъ записку*).

Столешниковъ (*пробѣжавъ записку*). Вы это, батенька, не то все пишете-съ... Я, впрочемъ, завтра доложу. Мое почтеніе-съ. (*Слѣва входитъ Аннушка*).

Хохловскій. Осмѣлюсь умолять ваше превосходительство, не погубите!.. Семейный человѣкъ-съ... и до меня всѣ бывшіе получали съ нихъ по четыре рубли въ годъ.

Столешниковъ. А вы съ нихъ вымогать попробовали?

Хохловскій. Онъ въ прежніе года самъ приносилъ-съ. А между прочимъ разсердился въ этотъ годъ, и—непріятности.

Аннушка (*тихо барину*). Гоните его вонъ, чего онъ тутъ размазываетъ; сказалъ и кончено, какой противный!

Столешниковъ (*тихо*). Ты видишь — онъ нейдетъ.

Хохловскій. Позвольте мнѣ съ семействомъ уповать... За что же, изъ такой ничтожной суммы!..

Аннушка. Ну сдѣлайте о чемъ онъ проситъ и гоните, такъ онъ не отвяжется.

Столешниковъ. Да не могу же я...

Аннушка (*твердо*). Я вамъ сказала?

Столешниковъ (*про себя*). Ухъ, скверныя бѣваютъ въ жизни положенія!.. А говорятъ еще, что грѣхъ заманчивъ... Неопытные люди это говорятъ. (*Хохловскому*). Прекрасно-съ, хорошо-съ, идите.

Хохловскій. Позвольте мнѣ просить васъ о защитѣ, ходатайства предъ высшими властями...

Столешниковъ. Хорошо-съ. Вамъ этотъ разъ пройдетъ. Ужъ такъ и быть... (*взглядывая на Аннушку*). Пройдетъ... Но, чтобъ впередъ — смотрите! До свиданья-съ. (*Тотъ уходитъ. Онъ налетаетъ на Аннушку*). Да что же это ты, смѣешься надо мной?

Аннушка. Нисколько не смѣюсь, совсѣмъ напротивъ. А я должна сейчасъ же къ барынѣ итти, мнѣ недосугъ, ну вотъ я и просила васъ прогнать его скорѣе. Петръ Николаичъ, какой же вашъ отвѣтъ?

Столешниковъ. О чемъ—отвѣтъ?

Аннушка. Насчетъ Михайловской и князя Одинцова?

Столешниковъ (*вспыхнувъ*). Всѣхъ прогоню, всѣхъ, всѣхъ! А съ ними вмѣстѣ и тебя. Пошла, отстань, ступай!

Аннушка. За это вамъ — мерси. Ну только знайте, — обманете, все барынѣ скажу! (*Уходитъ*).

Столешниковъ (*догнавъ ее*). Стой, Аннушка, постой! (*Не зная какъ начать*). Будь такъ добра, пожалуйста, пошли ко мнѣ Варюшу.

Аннушка. Барышня уѣхали.

Столешниковъ. Куда?

Аннушка. Къ обѣднѣ, съ тетенькой съ Еленой Дмитриевной. Оттудова — къ портнихѣ, платье примѣрять.

Столешниковъ. Ну, хорошо. А барыня одѣта?

Аннушка. Да-съ, давно одѣты.

Столешниковъ. Ты слушай, Аннушка, пожалуйста ты ей не наболтай какого вздору...

Аннушка (*увертываясь отъ нея*). Ну ладно ужь! Адью, на первый разъ прощается. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Столешниковъ, потомъ Иванъ.

Столешниковъ (*ходитъ по комнатѣ*). Ну, слава тебѣ Господи, здѣсь все пока поправлено. Что тамъ-то, тамъ-то, на Михайловской!.. Ну, просто сердце не на мѣстѣ, съ ума меня сводитъ этотъ Одинцовъ!.. Четвертый день не кажетъ глазъ... (*Ударяя себѣ по лбу*). Понятно, все теперь понятно, все понятно! Гортензія узнала о его намѣреніи сдѣлать предложеніе, и не пускаетъ... И, стало быть, я непременно прогоню его, все-таки непременно! Но предварительно необходимо сообщить объ этомъ Маничкѣ. (*Видя проходящаго по залѣ Ивана*). Иванъ, возьми на письменномъ столѣ стаканъ, да форточку открой, накурено.

Иванъ. Слушаю-съ.

Столешниковъ (*останавливаясь въ дверяхъ, самъ съ собою*). А все-таки вѣдь я ужасный негодяй! Вотъ я теперь иду къ женѣ... Ну какъ я на нее взгляну? Какъ у меня слова-то съ языка пойдутъ?.. Пойдутъ, я знаю; и такъ пойдутъ, какъ будто я ни въ чемъ ни сномъ, ни духомъ... Все оттого, что, — негодяй! (*Съ гордой и веселой усмѣшкой*). Необычайно умный и очень, очень хитрый негодяй! (*Быстро уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Иванъ, потомъ Аннушка.

Иванъ. Вишь, Пензенскій-то гусь—пятнадцать! Входилъ—далъ красную, обратно—пять рублей. Агейку надо спосылать ужотко къ Кочкурову, для Аннушки конфетъ въ рубль съ четвертью; не будь она — не получить бы этихъ мнѣ пятнадцати рублей ни въ жизнь.

Аннушка (*входя торопливо*). Скажите мнѣ на милость, Иванъ Ѳедорычъ, звонился Одинцовъ у насъ за эти дни?

Иванъ (*лопается со смѣху*). Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха! Да еще какъ звонился-то, разъ по пяти на дню!

Аннушка. Да что вы?

Иванъ. А я ему въ отвѣтъ: ало маширъ, нѣтъ дома! Разсердится, побагровѣтъ, чисто какъ пѣтухъ индѣйскій. А я въ умѣ держу: отчаливай, цѣлуй пробой, ступай домой, да не забудь—двугривенный, ха, ха, ха!

Аннушка. Вы знаете, онъ барынѣ писалъ про это.

Иванъ (*съ испугомъ*). Ну?

Аннушка. Она велѣла мнѣ секретно разузнать, вретъ это онъ ей или вправду?

Иванъ. Скажите—вретъ.

Аннушка. А ежели она у васъ будетъ спрашивать, да ежели при немъ, при князѣ?

Иванъ. Пускай. Я ей доподлинно, документально докажу, что вретъ.

Аннушка. Какимъ манеромъ?

Иванъ. Очень просто, возьму и отопрусь, вотъ и конецъ. (*Изъ передней чуть слышенъ звонокъ*).

Аннушка. Кажется, звонили.

Иванъ. Должно быть барышня, а можетъ Тропачевъ. Скажите барину. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Аннушка, потомъ Столешниковъ.

Аннушка (*накладывая въ свой портсигаръ папирсы изъ баринова ящика*). Какіе это у него прекраснѣйшія папирсы, прелесть что такое!

Столешниковъ (*входя*). Ты что здѣсь дѣлаешь?

Аннушка. Да вотъ, десятокъ папирсочекъ пришла украсть у васъ.

Столешниковъ. Бери, бери, пожалуйста бери. (*Про себя*). А надо все-таки признаться откровенно, — глупѣйшее я себѣ создалъ положеніе! Ну, уходи, застанетъ еще кто-нибудь, ступай.

Аннушка. Вотъ именно пословица-то говорится: блудливъ какъ кошка, а трусливъ какъ заяцъ! Ухожу-съ, прощайте-съ. (*Уходитъ въ маленькую дверь*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Столешниковъ и Тропачевъ.

Иванъ (*докладываетъ*). Григорій Николаичъ Тропачевъ.

Столешниковъ. Проси.

Тропачевъ (*входя*). Петръ Николаевичъ, мое почтеніе, съ праздникомъ!

Столешниковъ. Здравствуйте, Григорій Николаевичъ.

Тропачевъ. Не удивляетъ васъ, Петръ Николаевичъ, что я по русски поздравляю съ праздникомъ? Я человѣкъ деревенскій... въ Питерѣ оно немного удивляетъ, правда? А Марья Васильевна и Варвара Петровна, — дома?

Столешниковъ. Жена-то дома, а Варенька уѣхала съ Еленой Дмитріевной къ обѣднѣ.

Тропачевъ. Куда?

Столешниковъ. Не знаю, кажется къ Исакію.

Тропачевъ. Жаль я не зналъ. Обѣдня впрочемъ отошла, я отъ обѣдни.

Столешниковъ. Куда-нибудь заѣхали съ визитомъ. Куда вы вечеромъ вчера отъ насъ пропали?

Тропачевъ. Ёздилъ къ дядѣ, хотѣлось посовѣтываться съ нимъ объ одномъ дѣлѣ... Да, что, Петръ Николаевичъ. Кабы тутъ не случилось одно дѣло, давнымъ давно ужъ я удралъ-бы во свояси, — соскучился я въ вашемъ развеселомъ Петербургѣ.

Столешниковъ. Какое-же такое дѣло, я что-то не слыхалъ отъ васъ?..

(Иванъ входитъ съ кофеемъ на поднось).

Тропачевъ. Ты что, братъ?

Иванъ *(важно вылупивъ глаза)*. Кофей-съ.

Тропачевъ. Съ какого блага — передъ завтракомъ? Ну, ничего, давай.

Столешниковъ. Да кто тебѣ приказывалъ?

Иванъ. Никто-съ. А какъ извѣстно мнѣ, что, напримѣръ, Григорій Николаичъ до безконечности какъ любятъ кофей-съ, я то-есть, и осмѣлился-съ.

Тропачевъ. И очень глупо. Вы извините, Петръ Николаевичъ, я человѣкъ простой, я прямо. *(Ивану шутя)*. Какъ ты великолѣпно подаешь! Вгляните на него — пожалуйста, — священнодѣйствуетъ! Откуда набираются они такихъ пріемовъ! Ха, ха, ха! Какъ есть ты истуканъ индѣйскій. Спасибо, убирайся, очень благодаренъ. *(Иванъ уходитъ)*.

Столешниковъ. Однако вы, Григорій Николаевичъ, какъ людей третируете... Вы не посердитесь, а Петербуржца это удивляетъ.

Тропачевъ. Да Богъ съ нимъ, пусть его дивится сколько хочетъ. Платить я имъ плачу какъ слѣдуетъ, а за людей считать ихъ вовсе не желаю. (*Возвращаясь къ начатому разговору*). Да-съ, Петръ Николаевичъ, серьезно вамъ скажу, что очень я заинтересованъ однимъ дѣломъ...

Столешниковъ. Скажите, въ чемъ оно? и если я могу... вы знаете мои знакомства, связи...

Тропачевъ. Вы очень много можете помочь мнѣ.

Столешниковъ. Съ особымъ удовольствіемъ.

Тропачевъ. Да, Петръ Николаевичъ, скучаю... (*Очень серьезно*). Влюбленъ, Петръ Николаевичъ, истинно влюбленъ.

Столешниковъ. Гм... вотъ что.

Тропачевъ. Положимъ, богатствами особыми я не похвастаю... Лѣтъ мнѣ въ апрѣлѣ будетъ тридцать восемь. Какъ видите — не старъ, хотя и не мальчишка. Характеромъ владѣю рѣзкимъ; но въ сущности нисколько не свинья и не скотина.

Столешниковъ. Какъ вы своеобразно выражаетесь.

Тропачевъ. По деревенски-съ, прямо, отъ души. Затѣмъ-съ, родныхъ у меня, благодаря Создателю, не много, живу отъ всѣхъ отдѣльно, у себя, на вольной волюшкѣ, въ деревнѣ... Посватайте, Петръ Николаевичъ, невѣсту.

Столешниковъ. Гм... невѣсту?

Тропачевъ (*вставъ съ мѣста, съ нѣкоторымъ смущеніемъ*). Петръ Николаевичъ, сегодня я являюсь къ вамъ, чтобы вамъ сказать, что я глубоко, истинно влюбленъ въ Варвару Петровну, и думаю, что эта кроткая и добрая душа, что эта чудная, прелестнѣйшая дѣвушка, — коли она, Богъ дастъ, меня полюбитъ, составитъ мое

счастіе... Петръ Николаевичъ, осмѣливаюсь просить ея руки. (*Молчаніе*).

Столешниковъ. Григорій Николаевичъ, я... съ своей стороны я очень радъ, и очень благодаренъ вамъ за честь. Но будьте такъ добры, поговорите сами съ Марьей Васильевной и съ Варей. Жена въ гостиной, будьте такъ добры, пройдите къ ней, а я... (*истинно взволнованъ*). Я посижу немножко, я... я, знаете, растроганъ и взволнованъ. (*Старается скрыть свое волненіе*).

Тропачевъ. Благодарю васъ, Петръ Николаевичъ, за вашъ отвѣтъ. Я, съ разрѣшенья вашего, иду къ Марьѣ Васильевнѣ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Столешниковъ (одинъ).

Столешниковъ. Какой почтительный, какой благовоспитанный! А я то... совершенная, полнѣйшая свинья!.. Тутъ—дочь невѣста, счастіе, женихъ... А тутъ эта Анютка съ папиросками, а тамъ проклятый этотъ сорокъ третій номеръ на Михайловской... О, Петербургъ, негодный Петербургъ, какъ ты меня испортилъ! (*Задумывается*). И, главное, вѣдь такъ испортилъ, что я, навѣрно не исправлюсь ни за что и никогда!

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Столешниковъ и Варенька.

Варенька (*взволнованная, входитъ въ шляпкѣ*). Здравствуй, папочка!

Столешниковъ. Здравствуй, мой дружочекъ!

Варенька. Папочка, скажи пожалуйста, что у насъ такое дѣлается?

Столешниковъ. А что такое?..

Варенька. Сегодня съ тетей встрѣтили мы князя Одинцова...

Столешниковъ. Гдѣ?

Варенька. Въ соборѣ. Онъ такъ ужасно оскорбленъ, онъ такъ обиженъ! Представь себѣ,—онъ каждый день бывалъ у насъ разъ по пяти, звонилъ, а человѣкъ нашъ всякій разъ его встрѣчалъ однимъ и тѣмъ же—нѣту дома.

Столешниковъ. Не можетъ быть? Да какъ же онъ посмѣлъ? (*Зоветъ*) Иванъ!

Варенька. Постой, папа, постой, пожалуйста, зачѣмъ такъ горячиться! Князь написалъ сегодня мамочкѣ письмо объ этомъ; ты понимаешь, что онъ самъ ужъ не рѣшается пріѣхать... Но я ему сказала, чтобы онъ не обращалъ вниманія на это, и пріѣзжалъ... Вѣдь, папочка, вѣдь это глупо?

Столешниковъ. Что?

Варенька. А то, что я ему сказала такъ... а, глупо?

Столешниковъ. Не очень глупо, впрочемъ и... и не совсѣмъ умно.

Варенька. А кто у мамы? Мнѣ Аннушка сказала, что у нее есть кто-то по дѣламъ?

Столешниковъ. Да, есть. (*Послѣ минутнаго колебанія*). Вотъ видишь-ли что, Варя, ты не испугайся, и вообще... спокойнѣй относись, благоразумно... Григорій Николаевичъ Тропачевъ просить у меня руки твоей.

Варенька. Григорій Николаичъ... А не онъ? Такъ вотъ вы почему его не принимали? Понимаю... Какъ вамъ не грѣхъ, какъ вамъ не стыд-

но поступать такъ!.. (*Плачетъ*). Папочка, я замужъ не хочу ни за кого, ни за кого, ни за кого! (*Убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Столешниковъ, потомъ Иванъ.

Столешниковъ. Вотъ вамъ и удовольствіе. Обида, слезы... Ахъ, ты Господи! Да впрочемъ, это обойдется, ничего, — дѣвичьи слезы пустяки, вода. Вотъ наши слезы!.. (*Бьетъ себя въ грудь*). Однако, какъ же это можно было поступить такъ съ Одинцовымъ! Да неужели это Маничка распорядилась такъ безтактно? (*Видя Ивана въ залъ*). Иванъ, поди сюда ко мнѣ.

Иванъ. Чего извольте-съ?

Столешниковъ. Скажи пожалуйста, ты на какомъ же основаніи смѣлъ не принимать къ намъ князя Одинцова?

Иванъ. Когда-съ? Не могу знать съ. Я, ваше превосходительство, про это объяснить нисколько не могу-съ.

Столешниковъ. А почему такое?

Иванъ. Н-не могу-съ.

Столешниковъ. Да можетъ быть тебѣ такое приказанье передали?

Иванъ. Увольте, ваше превосходительство, я этого сказать вамъ не могу-съ... Извѣстно, наше дѣло подначальное, мы нешто сами по себѣ что можемъ? Не могу-съ.

Столешниковъ (*про себя*). Гм!.. Очевидно, онъ тутъ не причемъ, ему приказано. Ступай. Гдѣ барышня?

Иванъ. Къ себѣ пошли-съ.

Столешниковъ. Пойти поговорить съ ней, авось, Богъ дастъ удастся урезонить. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Иванъ, потомъ Марья Васильевна.

Иванъ. Те-екъ-съ! Это значить онъ на барыню мѣкаетъ, очень превосходно!

Марья Васил. (*быстро*). Гдѣ баринъ?

Иванъ. Къ барышнѣ пошли-съ.

Марья Васил. Иванъ, поди сюда.

Иванъ. Чего извольте-съ?

Марья Васил. Можешь ты на мой вопросъ отвѣтить правду?

Иванъ. Точно такъ-съ.

Марья Васил. Да ты умѣешь-ли не лгать-то, ты скажи мнѣ?

Иванъ. Какъ-же-съ, я могу-съ.

Марья Васил. Скажи пожалуйста, кто приказалъ тебѣ не принимать къ намъ князя Одинцова?

Иванъ. Сударыня, увольте ради Господа, про это я ей Богу не могу-съ... Известно, наше дѣло подначальное, мы нешто сами по себѣ что можемъ?

Марья Васил. Такъ ты мнѣ говоришь — тебѣ было приказано?

Иванъ. Что-жъ я могу вамъ говорить... Я не могу-съ.

Марья Васил. Кто приказалъ, Петръ Николаичъ, или барышня?

Иванъ. Чтожъ, наше дѣло подначальное, мы нешто можемъ...

Марья Васил. (*про себя*). Очевидно, это Петръ Николаичъ, это на него похоже. Но до чего-же это глупо и безтактно!.. (*Входитъ Столешниковъ*).

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Тѣ же и Столешниковъ.

Марья Васил. Петръ Николаичъ, позвольте васъ спросить... (*Вспомнивъ объ Иванѣ*). Иванъ, ступай. Приѣдетъ князь—прими. Ступай.

Иванъ (*уходя про себя*). Вотъ бучку-то она ему теперь задастъ,—люли малина! (*Уходитъ*).

Марья Васил. Петръ Николаевичъ, позвольте васъ спросить, что у насъ дѣлается?

Столешниковъ. Отлично все идетъ, уговорилъ.

Марья Васил. Какъ можно отдавать такія приказанія?

Столешниковъ. Да нѣтъ, Мари, не приказанія, я совѣтывалъ.

Марья Васил. Вѣдь это-жъ неприлично, грубо, глупо!

Столешниковъ. Позволь, позволь, позволь! Да ты отвѣть мнѣ прежде толкомъ: ты его желаешь имѣть зятемъ?

Марья Васил. Нисколько не желаю,—богачъ, пустѣйшій человѣкъ, великосвѣтскій хлыщъ,—онъ вовсе Варинькѣ не пара. Но, мой другъ, такъ не отказываютъ, такъ не третируютъ людей черезъ лакеевъ!

Столешниковъ. Ну, ужъ извините, ужъ коли кто третируетъ людей, такъ это вы! Помилуйте, порядочный, приличный человѣкъ бываетъ въ домѣ, положимъ, что отчасти онъ и хлыщъ, но человѣкъ изъ лучшаго, аристократическаго общества, а ты ему черезъ лакея — вонъ! Ужъ извините, подобныхъ штукъ я... я не ожидалъ отъ васъ.

Марья Васил. Да что ты?... Скажи пожалуйста, да ты въ своемъ умѣ? Когда я прогоняла Тропачева? Я приняла его въ гостиной; онъ сдѣлалъ

предложеніе Варинькѣ, я отвѣчала ему вѣжливо, любезно, что я очень рада, потому, что я дѣйствительно ужасно рада... Когда я прогоняла?.. Ты съ ума сошелъ!

Столешниковъ. Да ты про что? Скажи пожалуйста, про что ты мнѣ толкуешь?

Марья Васил. Про ваше приказаніе не принимать къ намъ князя Одинцова.

Столешниковъ. То-есть, это какъ-же? Съ больной-то головы да на здоровую? Вы, вы, сударыня, вы приказали двери запирасть передъ Одинцовымъ.

Марья Васил. Я?.. Петръ Николаевичъ, да вы... скажите мнѣ пожалуйста, какъ вы здоровы?

Столешниковъ. Покорно васъ благодарю, здоровъ. Вы, вы!

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Тѣ же и Иванъ.

Иванъ (докладываетъ). Князь Палъ Степанычъ Одинцовъ.

Марья Васил. Проси въ гостиную. Григорій Николаевичъ гдѣ?

Иванъ. Въ столовой-съ, съ барышней-съ и съ тетенькой, Еленой Дмитріевной.

Столешниковъ (сердито). Дуракъ! Я сорокъ разъ тебѣ сказалъ: не тетенька она тебѣ, Елена Дмитріевна; она намъ тетенька, болванъ!

Иванъ. Такъ точно-съ.

Столешниковъ. Что-жъ ты стоишь? Пошелъ, проси въ гостиную. (*Иванъ уходитъ*). Идите же, я не могу взглянуть ему въ лице.

Марья Васил. А я могу? Мнѣ совѣстно за васъ, за вашу глупость!

Столешниковъ. Мари, пожалуйста, иди, я не могу.

Марья Васил. Ну вотъ всегда такъ: напутаетъ, а поправляю я. Пожалуйста, скорѣе приходите. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Столешниковъ (одинъ).

Столешниковъ. Чего она мнѣ тутъ наговорила? Не понимаю, ей Богу, ничего не понимаю... А посмотрите, — въ обществѣ, вездѣ ее считаютъ умной женщиной... простѣйшихъ, такъ сказать, элементарнѣйшихъ вещей и тѣхъ сообразить не можетъ, — гдѣ жъ тутъ умъ? Ахъ, какъ я двадцать лѣтъ тому назадъ ошибся! Однако, какъ же съ Одинцовымъ? Да впрочемъ, что-жъ — онъ предложенія не дѣлалъ, другой — сдѣлалъ, мы приняли. О чемъ же толковать? (*Идетъ въ залу, на порогъ маленькой двери показывается Агей*).

ЯВЛЕНІЕ 17-е

Столешниковъ и Агей.

Агей. Прыѣхалъ.

Столешниковъ. (*Бросаясь къ нему*). Кто прыѣхалъ?

Агей (*задыхается отъ усталости и не можетъ выговорить ни слова*). Ни... ни могу... Бижала, задохъ, замучилъ... ни могу!

(*Въ маленькой двери показывается голова Аннушки*).

Столешниковъ (*Агею*). Да, что съ тобой? ты на ногахъ едва стоишь...

Агей. Задохъ, бижала...

Столешниковъ. Да говори же Бога ради, говори! Да говори ты поскорѣе, чучело!

Агей. Ни... ни могу.

Столешниковъ (*усаживаетъ его насильно въ мягкое кресло*). Ну сядь, присядь, вздохни, приди въ себя. (*Беретъ со стола стаканъ съ водой*). На, пей! Да пей, дуракъ, что тутъ за церемоніи! Ну говори: дала отвѣтъ?

Агей (*сидя*). Дала.

Столешниковъ. Гдѣ онъ? Давай!

Агей. Словамъ дала, самъ выходила, изругала. Велѣлъ сказать: ни на́да, уходы совсемъ, и съ твоя бари́на. А кнезь—у ней.

Столешниковъ. Гдѣ?

Агей. У ханцужинка.

Столешниковъ. Да, что ты врешь, онъ здѣсь!

Агей. Ни, у ханцужинка.

Столешниковъ. Князь Одинцовъ?

Агей. Ни, Беклемишь князь, борода сидяя.

Столешниковъ. Да что ты мнѣ тутъ путаешь! (*Входятъ: Марья Васильевна, князь Одинцовъ и Тропачевъ*).

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Столешниковъ и всѣ другіе.

Марья Васил. (*видя сидящаго Агея и мужа стоящаго передъ нимъ*). Что это здѣсь у васъ такое, Петръ Николаевичъ?

Столешниковъ (*совершенно растерявшись*). Что? Ничего, такъ... (*Тихо Агею*). Встань, дубина! (*Тотъ вскакиваетъ*). Васъ это удивляетъ? Удивляетъ?... А вотъ меня не удивляетъ, да-съ, не удивляетъ! (*Быстро придумавъ объясненіе*). Приходитъ человѣкъ, слуга мой, и вдругъ—съ нимъ

дурно. Какъ долженъ поступить гуманный, либеральный человѣкъ? (*Тропачеву*). Я спрашиваю васъ, какъ поступить? (*Тотъ молчитъ*). Я посадилъ его, я далъ ему воды, и больше ничего... И это можетъ удивлять?... не понимаю! (*Агею, давая ему цѣлковый*). Ступай, Агей, возьми себѣ на чай, купи лѣкарства и... спать ложись, пора, ступай.

(*Агей уходитъ. Аннушка стоитъ въ дверяхъ*).

Князь Одинцовъ. Я только что узналъ, Петръ Николаевичъ, что Варвара Николаевна съ сегодняшняго дня—невѣста?

Столешниковъ. Да-съ, невѣста-съ.

Князь Одинцовъ. Позвольте васъ поздравить.

Столешниковъ (*не глядя на него, сконфуженно*). Благодарю васъ за сочувствіе... весьма, весьма... Я полагаю, подали ужъ завтракать. Господа, прошу покорно. (*Приглашаетъ гостей въ столовую. Всѣ идутъ. Столешниковъ позади всѣхъ*).

Аннушка (*останавливаетъ его*). И мнѣ позвольте васъ проздравить.

Столешниковъ. Съ чѣмъ?

Аннушка. А съ длиннымъ носомъ, что вамъ Агейка изъ Михайловской принесъ. Ахъ, грѣховодникъ! (*Убѣгаетъ*).

Столешниковъ (*одинъ*). Слѣдитъ, все знаетъ... Какъ эта женщина въ меня безумно влюблена!

З а н а в ѣ с ѣ .

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ВЪ СТОЛОВОЙ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Столешниковъ	г. Градовъ-Соколовъ.
Марья Васильевна	г-жа Очкина.
Варенька.	г-жа Щепкина.
Иванъ	г. Соловцевъ.
Марфа.	г-жа Кудрина.
Аннушка.	г-жа Мартынова.
Дуняша	г-жа Лаврова.
Агей.	г. Вязовскій.
Тетушка Елена Дмитриевна. (Со- вершенно глухая пожилая дама).	г-жа Красовская.
Тропачевъ	г. Рошинъ-Инсаровъ.
Парикмахеръ.	г. Валентиновъ.
Поваръ, Григорій Тимофеевичъ...	г. Ивановъ.
Графскій камердинеръ, Евграфъ Семеновичъ	г. Никольскій.
Домна Николаевна, его жена . . .	г-жа Семевская.
Лавочникъ, Дмитрій Васильевичъ.	г. Дрозовъ.
Карлъ Ивановичъ, булочникъ. . .	г. Шмитгофъ.
Августа Адамовна, жена его . . .	г-жа Богданова.
Курьеръ, Урванъ Тараховичъ . .	г. Платоновъ.
Юленька, чужая горничная. . .	г-жа NN.

Сцена представляет столовую. Въ глубинѣ буфетъ, по обѣимъ его сторонамъ — двѣ двери, одна въ переднюю, другая — въ корридоръ, ведущій въ кухню. Надъ во-
дверь въ залу и другія комнаты. Посрединѣ — обѣден-
ный столъ, на немъ — самоваръ и чашки. Вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Марья Васильевна, Тетушка, Столешниковъ и Аннушка.

(У стола сидятъ: Марья Васильевна, Тетушка, совсѣмъ одѣтыя чтобы ѣхать на балъ. Аннушка стоитъ возлѣ барыни).

Марья Васил. Аннушка, поди пожалуйста, поторопи немножко барышню, скоро ужъ половина десятаго.

Аннушка. Паликмахтеръ кончаетъ сейчасъ прическу-съ.

Марья Васил. Поди пожалуйста сама; Дуняша не съумѣетъ.

Аннушка. Барышня все жалуются, что очень у нихъ узокъ лифъ.

Марья Васил. Какія глупости! Въ томъ вся и прелесть, чтобы была какъ можно тоньше талія. Иди, пожалуйста, и торопи. *(Та уходитъ)*. Да и Григорій Николаевичъ не ѣдетъ,—ахъ, какъ мы долго собираемся!

Столешниковъ. Куда же торопиться намъ, душа моя? Ты забываешь, что въ дворянское собраніе пріѣздъ—отъ десяти часовъ. На балъ ранѣе одиннадцати и дѣлать нечего.

Марья Васил. Ну, все же лучше, если поторопимся... Ma tante, какъ ваше мнѣніе?

Тетушка (глухая). О чемъ?

Марья Васил. Да вотъ объ этомъ.

Тетушка. Не слыхала.

Марья Васил. *(продолжая прежде начатую рѣчь)*. Такъ вотъ, я говорю, Петръ Николаевичъ,—сегодня я у Крюковскихъ довольно долго объяснялась съ теткой князя Одинцова. Все это оказалось чистымъ вздоромъ.

Столешниковъ. Что, то-есть, именно?

Марья Васил. А то, что будто бы онъ... помнишь, я тебѣ тогда же говорила, дней пять тому назадъ, ты помнишь?

Столешниковъ. А, на Михайловской?.. Гортензія?

Марья Васил. Да, да. Вообрази, — все это клевета.

Столешниковъ. Да кто тебѣ сказалъ тогда?

Тетушка. Который часъ?

Столешниковъ. Десятый, тетушка, десятый.

Тетушка. А?

Столешниковъ (*показывая ей десять пальцевъ, кричитъ*) Десятый!

Тетушка. Мы не опоздаемъ?

Столешниковъ. Нѣтъ, не опоздаемъ. (*Женъ*). Какъ съ этой старой душой трудно говорить. Кто же тебѣ сказалъ тогда про Одинцова?

Марья Васил. Ахъ, совѣстно признаться... знаешь кто? Кухарка Марфа.

Столешниковъ. Ай, ай, ай, кому повѣрила? Ахъ, срамъ какой! Ты этого, по-крайней мѣрѣ, другимъ то не рассказывай, вѣдь осмѣютъ. Вотъ такъ-то вы всегда... Вотъ женскій умъ-то!

Марья Васил. (*вспыхнувъ*). Пожалуйста, безъ наставленій. Вы знаете, я наставленій не терплю! Молчите.

Столешниковъ. Какъ угодно-съ. (*Встаетъ*). Иванъ! (*тотъ показывается въ дверяхъ на лѣво*). Готово одѣваться?

Иванъ. Точно такъ-съ. (*Столешниковъ идетъ на лѣво*).

Марья Васил. Иванъ, пошли мнѣ Марфу.

Иванъ. Слушаю-съ. (*Уходитъ за бариномъ*).

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Марья Васильевна и Тетушка.

Марья Васил. Ma tante, вамъ нравится женихъ Варюшинъ?

Тетушка. А?

Марья Васил. (*кричитъ ей на ухо*). Женихъ Варюшинъ, нравится?

Тетушка. Хорошъ. Высокій. Я такихъ люблю, высокихъ.

Марья Васил. А Одинцовъ, пожалуй, былъ бы лучше.

Тетушка. Какъ?

Марья Васил. Я говорю, пожалуй Одинцовъ-то былъ-бы лучше.

Тетушка. Хуже.

Марья Васил. Какъ—хуже? Почему?

Тетушка. Военный. Могутъ на войнѣ убить.

Марья Васил. Одинцовъ богаче.

Тетушка. И Тропачевъ богатъ: конфекты возить очень недурныя. (*Справа входитъ Марфа*).

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Тѣ же и Марфа.

Марья Васил. Поди сюда. Скажи пожалуйста, откуда это ты тогда узнала, будто-бы князь Одинцовъ ведетъ себя не хорошо и много денегъ проживаетъ, и бываетъ у кого-то на Михайловской; всю эту сплетню глупую и не приличную?

Марфа. Сейчасъ-то я ужъ не упомню-съ; въ лавочкѣ должно быть.

Марья Васил. Прошу тебя впередъ мнѣ никогда подобныхъ сплетенъ не докладывать; я сплетенъ не терплю; ты слышишь?

Марфа. Слушаю-съ.

Марья Васил. *(все болѣе и болѣе раздражаясь)*. Тутъ что нибудь навѣрно кроется у васъ, навѣрно кроется. Иванъ четыре дня не принималъ его, ты про него мнѣ сплетничала... Ты думаешь мнѣ не извѣстно, что такое для тебя Иванъ? Вы вздумали интриги заводить!.. Напрасно. Мнѣ все извѣстно, все!

Марфа *(съ нѣкоторою дерзостью въ голосъ)*. И, нѣтъ-съ, не все съ. Далеко вашему превосходительству не все извѣстно.

Марья Васил. А что-же мнѣ такое не извѣстно, что, скажи?

Марфа. Я сплетенъ не хочу вамъ говорить, вы не приказываете.

Марья Васил. Мнѣ Аннушка все это объяснила, я все знаю. И потому, разъ навсегда тебѣ приказываю...

Марфа *(перебивая ее)*. Такъ-съ, Аннушка вамъ объяснила? А вы вѣрите? Сама-то Аннушка... Не ей-бы говорить-то вамъ, не вамъ-бы слушать!

Марья Васил. Какъ ты смѣешь?

Марфа. Такъ-съ. А про французинку вы лучше-бы у барина спросили-съ, они знаютъ... ничѣмъ меня-то попрекать Иваномъ. По крайности я — трезвая кухарка, другія-то вонъ и пьянчужки и воровки, да и подать-то ничего путемъ не могутъ, умѣютъ только щи, да кремъ изъ сливокъ... А жалованья-то получаютъ больше моего.

Марья Васил. *(очень раздражительно)*. Послушай, Марфа, ты съ ума сошла, ты съ кѣмъ здѣсь говоришь? Ma tante, вы слышите?

Тетушка. А?

Марья Васил. *(Кричитъ)*. Слышите вы?

Тетушка. Нѣтъ, не слышу.

Марья Васил. *(крѣпко стукнувъ по столу)*. Марфа, выйди вонъ!

Марфа. Какъ, то-есть—вонъ?

Марья Васил. Уйди!

Марфа *(стоитъ нѣсколько времени въ полнѣйшемъ недоразумѣніи, затѣмъ разомъ срываетъ съ себя фартукъ и кладетъ его на столъ)*. Пожалуйте расчетъ, я и уйду.

Марья Васил. Прекрасно. Ты получишь свой расчетъ сейчасъ. Тебѣ за мѣсяцъ причитается...

Марфа. Нѣтъ-съ, не за мѣсяцъ-съ,—за мѣсяцъ и пятьнадцать дѣнь,—полтора мѣсяца.

Марья Васил. Ты чайныя брала?

Марфа. Взяла.

Марья Васил. За мной, стало быть, всего — тридцать рублей?

Марфа. Такъ точно-съ.

Марья Васил. Завтра ты получишь.

Марфа. Утромъ-съ?

Марья Васил. Утромъ.

Марфа. А три моихъ билета, на четыре-ста, на пятьдесятъ рублей съ полтиной,—завтра-же изволите отдать?

Марья Васил. Какіе—три билета?... *(Вспомнивъ о билетахъ)*. Да... три билета?... *(Нерѣшительно)*, да, тоже, хорошо... Да, завтра. *(Небольшое молчаніе. Она встаетъ и, подойдя къ Марфѣ, говоритъ ей добрымъ и разсудительнымъ тономъ)*. Пойми меня, пожалуйста, Марфуша, пойми, чего я отъ тебя желаю! Я только одного прошу: знай свою кухню, готовь намъ кушанье, и больше ничего... Готовишь ты прекрасно, къ чему-жъ намъ ссориться? Къ чему всѣ эти сплетни, разговоры?... Я не терплю ни непріятностей, ни ссоръ. Возьми, пожалуйста, свой фартукъ, успокойся и иди. *(Те-*

тушкѣ, громко). Quelle position, ma tante! (Та не слышитъ). Allons, ma tante.

Тетушка. Oû?

Марья Васил. Къ Варенькѣ (кричитъ ей). Quelle position, quand'on à pas d'argent!

Тетушка. А, что?

Марья Васил. Quelle position!

Тетушка. Да, да, пора, ужъ я зѣваю. Я одного боюсь, Мари.

Марья Васил. Чего?

Тетушка (громко). Засну! (Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Марфа, потомъ Иванъ.

Марфа. А, что, обрѣзалась? Ну, этой я Анюткѣ поднесу, дай срокъ!

Иванъ (входя). Что гости наши собрались?

Марфа. Сидятъ, пьютъ чай. Ну какъ же ты теперь-то отъ своихъ гостей, съ проклятымъ съ этимъ баломъ?

Иванъ. Ничего. Доѣдемъ до собранія; одѣжу я свяжу, да и домой. А здѣсь — Агейку наряжу въ свою ливрею, и на извозчикѣ пошлю его въ собраніе. Онъ тамъ и скажетъ: Иванъ, молъ, заболѣлъ, домой вернулся, — вотъ-те и конецъ. А завтра я денечекъ поваляюсь, отдохну покрайности.

Марфа. Ты знаешь, — прогонять меня сейчасъ хотѣла.

Иванъ. Ну?

Марфа. Да только налетѣла, братецъ мой, съ ковшемъ на брагу!

Иванъ. Ну? Какимъ манеромъ?

Марфа. Не время, послѣ расскажу. (Звонокъ въ передней). Иди, звонятъ! (Оба уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тропачевъ и Иванъ.

Тропачевъ (*въ передней*). Готовы? (*въ рукахъ у него букетъ*).

Иванъ. Никакъ нѣтъ-съ.

Тропачевъ (*входя*). Да что ты говоришь? Который часъ?

Иванъ. Одиннадцатаго десять-съ. (*Уходитъ*).

Тропачевъ. Ого, какъ Питеръ-то живетъ! Вста-етъ когда ужъ мы въ деревнѣ пообѣдали, ложится, — аккуратъ когда мы просыпаемся, обѣда-етъ — на другой день... Вотъ чудакъ! Букетъ хорошъ, весну напоминаетъ... Вотъ заживемъ-то мы, вотъ будетъ счастье!.. Одно: чтобы какъ можно поскорѣе позабыла Петербургъ... (*Публикъ на-ушко*). И своихъ милыхъ родственниковъ... О, папенька! Какая прелесть — папенька! А вѣдь считается серьезнымъ человѣкомъ, имѣетъ даже нѣкое вліяніе... вотъ чудакъ! (*Входитъ тетушка*). А, глухой тетеревъ.. (*Идетъ къ ней на встрѣчу*). Bon jour, ma tante. (*Цѣлуетъ ея ручку*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тропачевъ и Тетушка.

Тетушка (*про себя*). Прекрасный, очень деликатный человѣкъ.

Тропачевъ. Они готовы?

Тетушка. Да, сейчасъ идутъ. Лифъ узокъ...

Тропачевъ. У кого лифъ узокъ?

Тетушка. У Вареньки.

Тропачевъ. Зачѣмъ?

Тетушка. Такая мода.

Тропачевъ. Да ну ее, коли она вредна.

Тетушка. Какъ можно, что вы, *c'est indispensable*, теперь у всѣхъ лифъ узокъ.

Тропачевъ. А кто же это приказалъ? Вѣдь это же все чепуха и гиль.

Тетушка (*не разслыхавъ*). Кадриль? Нѣтъ, *grand merci*, я ужь годовъ двѣнадцать не танцую.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Входятъ: Столешниковъ, Марья Васильевна и Варенька.

Тропачевъ. (*Варенькѣ*). *Belle et parée!* (*Подаетъ ей букетъ*). Позвольте васъ просить принять этотъ букетъ.

Варенька. Мерси. Какая прелесть, ландыши! Мерси.

Марья Васил. Однако намъ пора. Иванъ, давай намъ шубы!

Иванъ (*появляясь на порогъ передней*). Сейчасъ-съ.

Марья Васил. Ну, ѣдемте. (*Всѣ идутъ*).

Аннушка (*тихо барину въ дверяхъ*). Вы нынче — именный, можно сказать, красавецъ.

Столешниковъ. Ахъ, да отстань ты! (*про себя*)! Съ какой душой она, а вѣдь простая дѣвушка. (*Оба уходятъ. Слѣва входятъ парикмахеръ и Дуняша*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Дуняша и Парикмахеръ.

Дуняша. Да нешто вы, Иванъ Ивановичъ, у Огюста?

Парикмахеръ. Я-съ? И не думалъ; я у Варыпаева, здѣсь на углу, какъ жилъ, такъ и живу. А это у насъ часто бываетъ, — говоримъ, что отъ

Огюста, а то и отъ другого отъ кого. Вѣдь это отъ прислуги все зависимо: пошлютъ его, онъ къ намъ. Извѣстно, мы за это награждаемъ. А причесать-то,—мы не хуже ихъ причешемъ.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же и Аннушка.

Аннушка (*входя изъ передней*). Уѣхали. А, па-
лихмахтеръ отъ Огюста! (*Подаетъ ему руку*).
Здраствуйте, Иванъ Ивановичъ. (*Кивая головой на
Дуняшу*). Ужъ ухаживаете? Ахъ вы, Иванъ Ива-
ничъ, ферлакуръ! Однако, надобно итти туда на
имянины, въ кухню. Васъ тоже приглашали?

Парикмахеръ. Да-съ, съ гитарой.

Аннушка. Да ну? Идемте же; пойдѣмъ Дуняша.

Дуняша. Убратъ бы надо здѣсь.

Аннушка. Ну вотъ, успѣешь, убереешь потомъ.

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же и Марфа.

Марфа (*входя изъ корридора*). Уѣхали?

Аннушка. Уѣхали.

Марфа. Охъ, Анна Селиверстовна, имѣю я до
васъ словечко... да ужъ не стоитъ себя для ми-
лыхъ именинъ разстраивать!

Аннушка. А что такое?

Марфа. А барынѣ передаете слишкомъ много.

Аннушка. Ну, слушайте ее, она того навретъ
вамъ. Такая врунья сплетница, что — чисто
страмъ!

Марфа. Да я на васъ, мой другъ, не обижа-
юсь. Вотъ я что, Аннушка, я, знаешь, что на-
думала? На кухнѣ у насъ жарко, да и лукомъ

пахнетъ слишкомъ крѣпко... Не лучше ли намъ всѣмъ сюда?

Аннушка. Что-жь, и прекрасно. Покрайности, есть гдѣ распространиться здѣсь.

Марфа. Вы не въ претензіи?

Аннушка. Помилуйте, нисколько, что-жь за важность!

Марфа. Дуняша, сбѣгай внизъ, зови сюда гостей. (*Принимается убирать на столъ*).

Аннушка. Пойдите, матушка, чайку смерть хочется! Сейчасъ, я только чашечку себѣ налью. (*Наливаетъ себѣ чаю. Справа появляются: Поваръ, Камердинеръ и Домна*).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ же, Поваръ, Камердинеръ и Домна.

Марфа. Пожалуйста сюда, Григорій Тимофееичъ, Евграфъ Семенычъ, Домна Николавна, — здѣсь просторнѣе, и воздухъ чище.

Поваръ (*осматриваясь*). Хо-о-рошая у васъ квартера, Марфа Тихоновна. Просторно, хорошо. А много платите?

Марфа. Да платимъ-то, Григорій Тимофееичъ, мы немного — съ половиной двѣ, да только не удобна она намъ.

Камердинеръ. Квартирка не дурна.

Марфа. Ну гдѣ ужъ противъ вашей!

Камердинеръ. У насъ казенная-съ.

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ же и Лавочникъ.

Марфа. Митрій Васильичъ, сдѣлайте такое одолженіе (*показываетъ ему мѣсто за столомъ*).

Лавочникъ. Присядемъ-съ, ничего-съ, не безпокойтесь.

Марфа (*Домнѣ*). Варенье, Домна Николавна, уважаете?

Домна. Мерси. Ну, только, чтобъ не слишкомъ сладкое.

Марфа. Есть банбарисъ, есть красная смородина.

Домна. Ужъ лучше банбарисцу нѣсколько. Нешто, опять чай будетъ?

Марфа. Будетъ-съ. А притомъ—закуска. (*Входитъ Курьеръ*).

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ же и Курьеръ.

Курьеръ. А нешто имянинникъ съ балу не вернется?

Марфа. Нѣтъ, сейчасъ вернется. (*Аннушкѣ, которая уходила во внутреннія комнаты*). Анна Селиверстовна, а гдѣ же Юленька? И Карла Иваныча съ супругой нѣтъ.

Аннушка. Должно, заговорились въ кухнѣ. (*Парикмахеру*). Прекрасный кавалеръ, а вы бы сбѣгали за Карломъ-то Иванычемъ. Тамъ, кстати, барышня прекрасная сидитъ.

Парикмахеръ. Которая-съ?

Аннушка. А Юленька.

Парикмахеръ. Да ну-те? Лечу-съ! А кстати и гитару захвачу. (*Уходитъ. Алей вноситъ самоваръ и принимается помогать Марфѣ*).

Марфа. Дуняша, милая, взяла бы столикъ карточный, раскинула бы, дѣвушка, его. (*Гостямъ*). Въ картишки, господа, угодно будетъ, въ стуколку?

Курьеръ. Что-жь, очень превосходно!

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Тѣ же, Иванъ, Карлъ Ивановичъ, Августа Адамовна, Юленька и Парикмахеръ.

Иванъ. Вотъ онъ и я вернулся! Чудесно это вы придумали, что здѣсь, въ столовой. (*Втаскиваетъ Карла Ивановича за руку*). Ползи, ползи! Чудакъ вы, Карлъ Ивановичъ, напрасно вы стѣсняетесь, пожалуйста! Августа Адамовна, пожалуйста!

Августа Адам. Блаададу.

Карлъ Ивановичъ. Я не стѣснялъ, а мнѣ неловка... чужая домъ, а я курилъ цыгару рыжскій, — ошень крѣпка пахнѣтъ, я стидильсь...

Иванъ. Ну вотъ еще, вы бросьте, не стыдитесь. (*Встѣмъ*). Нижайшій мой поклонъ честной кампаніи! Сейчасъ я вамъ цыгарокъ принесу. (*Уходитъ*).

Марфа. Пожалуйста, садитесь въ карточки. Милости прошу. (*Лавочнику*). А вы, Митрій Васильичъ?

Лавочникъ. Какъ, то-есть, въ стуколку-сь? Съ величайшимъ удовольствіемъ.

Марфа (*Курьеру*). Урванъ Тарахычъ, будете?

Курьеръ. Кто, я то? Я первый стукольщикъ. До страсти какъ люблю! (*Идетъ къ столу*).

Августа Адам. Они на тукмонка играетъ?

Курьеръ. Какъ, то-есть, на тукманки? Нѣтъ, мы, мадамъ, на деньги, не на тукманки. А это, стало быть, игрѣ прозванье—стуколка.

Августа Адам. Я знаи, знаи.

Карлъ Ивановичъ. Мое супруге знаить.

Курьеръ. А знаетъ, такъ пожалуйста, мадамъ, садитесь за кампанію.

Августа Адам. Блаададу. (*Подойдя къ картамъ*). какое ставке?

Курьеръ. Пятачекъ афишка; выходитъ, значитъ—
пяталтынный въ обязательную.

Августа Адам. *(взглянувъ на мужа)*. Дасъ-истъ
цу фи-иль!..

Карль Ивановичъ. Ннò, мить ейнвенихъ осто-
рожность можна рисковайтъ.

Августа Адам. Сама садытесъ Карль Иванишь;
найнъ, дасъ-истъ цу фи-иль.

Карль Ивановичъ *(подмигивая окружающимъ
на свою жену)*. Нно, матушке, сѣдиль за варанье,
трусъ ти баба! Ми ни баба, ми храбрая зольда-
тенъ,—нишиво, авесъ! *(Приближаясь къ столу)*.
Мѣстечко мошна мнѣ немношка получайтъ?

Курьеръ. Садись, мейнъ хертъ, садись, здѣсь
мѣста много.

*(Агей ставитъ на столъ разныя закуски, Дуняша
подаетъ чай, апельсины и сухари)*.

Иванъ *(входя съ ящикомъ ситаръ и двумя бу-
тылками)*. Евграфъ Семенычъ, а цыгарочку?
Карла Иванычъ, нукося отвѣдай, — скажешь,
братъ,—зеръ гутъ! *(вспомнивъ о чемъ-то)*. Ахъ,
батюшки, совсѣмъ было я про господъ и позабылъ.
(Агею). Агей, надѣнь поди мою ливрею, возьми
узлы съ одѣжей, понимаешь?

Агей. Понимаешь.

Иванъ. Бери извощика—и дуй въ собраніе. Тамъ
скажешь когда выйдутъ, когда ужъ все покон-
чится,—Иванъ, молъ, скажешь, заболѣлъ, тебя
прислалъ. Ты понялъ?

Агей. Понялъ.

Иванъ. Ну,—ало маширъ, ступай! Да покажись
сюда въ ливреѣ. Слышишь?

Агей. Показать? ну, ладна.

ЯВЛЕНИЕ 15-е.

Тѣ же безъ Аея.

Иванъ. Прошу отвѣдать, господа, коньякъ. Такого коньяку — нигдѣ-съ. Секретный, запрещенный.

Курьеръ. Какъ то-есть — запрещенный?

Иванъ. А безъ пошлыны. Посольскіе привозятъ. Вкусъ тончайшій.

Поваръ. Позвольте. (*Отвѣдавъ*). Да, такого финшампанью не вездѣ найдешь.

ЯВЛЕНИЕ 16-е.

Тѣ же и Агей.

Агей (*входитъ въ ливрею и въ шляпу*). Готова, вотъ она!

Иванъ (*хохочетъ*). Вотъ такъ молодецъ!

Всѣ. Ха, ха, ха, ха! Вотъ такъ ужъ чучело! Лакей природный. Вотъ такъ ужъ лакей! Ха, ха, ха!

Иванъ. На, братъ, на извозчика тебѣ двугривенный, а это вотъ тебѣ.

Агей. Чиво?

Иванъ. Гривенникъ тебѣ на чай.

Агей. Спасибо. (*Уходитъ*).

Иванъ (*подходя къ картамъ*). Какъ ставочка-съ? Позвольте присусѣдиться. (*Играютъ*).

Марфа (*разставляя закуски*). Иванъ Иванычъ, спойте что нибудь.

Парикмахеръ. Не въ голосѣ я нынче, Марфа Тихоновна.

Аннушка. Съ чего такое?

Парикмахеръ. Да квасу выпилъ по утру холоднаго, оно и захватило. Лучше я вамъ такъ сыграю. (*Играетъ польку*).

Марфа. А вы бы, Юленька, потанцовали.

Юленька. Да какъ же такъ возможно танцовать безъ кавалеровъ?

Марфа. Ну что-жъ такое, ничего, вы какъ нибудь.

Юленька (*обиженно*). Чудно вы говорите!

Марфа. А вы-бы съ Аннушкой.

Аннушка. Давайте я пойду за кавалера. Ваничка, оставьте польку, лучше вальсъ сыграйте. (*Тотъ играетъ, онъ вальсируютъ*).

Марфа (*подчуя*). Закусочки, пожалуйста, Еврафъ Семенычъ, Домна Николавна!

Домна. Не беспокойтесь, я и такъ сыта, мерси.

Карлъ Ивановичъ (*занятый игрой*). Аугуста, сдѣлай мнѣ икорка какъ я любишь, зѣмаслица. (*Играетъ*). Ми постучалъ.

Курьеръ. И мы стучалъ.

Поваръ. Куплю.

Иванъ. Ахъ чортъ тебя возьми!.. И я куплю!

Лавочникъ. Ну ужъ рискуютъ! Нѣтъ-съ, я не пойду, я пасъ.

Курьеръ. Пойдемъ безъ васъ. Ходите какъ хотите, начинайте!

Карлъ Ивановичъ (*ходитъ съ туза*). Мой тусъ, пожалуста не очень испугайтесь. Ха, ха, ха! Большая есть ремисъ... (*Ходитъ съ десятки*). Но, — на десятошка.

Курьеръ (*бьетъ королемъ*). Король Белдѣйской!

Карлъ Ивановичъ. Пожалстъ, нишиво, берите, очень рада.

Курьеръ (*ходитъ*). Трефѣй король.

Иванъ (*бьетъ*). Семерка козырей.

Поваръ (*перебиваетъ*). Восъмерка козырей.

Карлъ Ивановичъ (*прищуривъ лѣвый глазъ и едва удерживаясь отъ смѣха*). А сдесь — запрета нѣтъ очень хитра шеловѣкъ, — вальетъ исъ козырь... наша! Ха, ха, ха!

Иванъ. Влетѣлъ я, братцы. (*Продолжаетъ играть*).

Аннушка (*Парикмахеру*). Ну, спойте, миленькій!

Парикмахеръ. Ей Богу, горло-съ...

Аннушка. Да ну васъ съ горломъ, пойте!

Парикмахеръ (*играетъ и напѣваетъ, сначала въ полголоса, а потомъ все громче и громче*).

Я хочу вамъ рассказать,

Рассказать,

Какъ двѣицы шли гулять,

Шли гулять,

Да! (*Звонокъ въ передней*).

Марфа. Позвольте, кажется звонили?

Аннушка. Да, звонили.

Марфа. Неужто это господа!

Иванъ. Да что вы, какіе господа, вы очумѣли. (*глядя на часы*). Тамъ и мазурка то еще не начиналась. (*Звонокъ*). Я знаю, это кто звонитъ, — телеграфистъ. Я его звонокъ изъ сотни rozpoзнаю. (*Звонокъ*). Вишь, словно лошадь дергаетъ, съ оттяжкой! Подобнаго нахала я еще не видывалъ. (*Курьеру*). Поставили? (*Звонокъ*). Звони, звони! Моихъ — рубль двадцать ставка. Карлъ Ивановичъ, вы поставили?

Карлъ Ивановичъ. Поставилъ.

Иванъ. Митрій Васильичъ, вамъ сдавать. Дунашенъка, не въ службу, въ дружбу, — отоприте вы этому мерзавцу. Да распишитесь сами на квитанціи, а телеграмму — въ кабинетъ, на столъ. (*Дуныша уходитъ*). Хожу-съ!

Курьеръ. Съ туза? Ну ловко!

Иванъ (*ходитъ второй разъ*). Король!

Курьеръ. Ай батюшки, вотъ онъ насъ вздуетъ-то.

Иванъ (*ходитъ въ третій разъ*). Десят...

(*Въ дверяхъ показывается баринъ. Онъ въ шубѣ и въ шляпѣ*).

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Тѣ же Столешниковъ и Марья Васильевна.

(Въ передней видны: Варенька, Тропачевъ и Тетушка).

Столешниковъ *(пораженный)*. Это что такое?!..

Марья Васил. Что это здѣсь такое, Господи! Гдѣ Аннушка? Аннушка, Дуняша, къ барышнѣ, она больна... Да что-же здѣсь такое? *(Аннушка и Дуняша убѣгаютъ)*.

Столешниковъ *(притворяя дверь въ переднюю)*. Уйди, Мари, пожалуйста, я самъ распоряжусь. *(Обращается къ присутствующимъ)*. Что вамъ угодно у меня, въ моей столовой?

Лавочникъ *(переконфуженный)*. Мы, значитъ, вашество, по ихнему по приглашенію...

Карлъ Ивановичъ. Нѣтъ, извинить пожалста, готъ вайсъ, какъ мене стыдна! *(Уходя тихо женъ)*. Аугуста, тибѣ стыдна?

Августа Адам. Ошень стыдна!

Карлъ Ивановичъ. Нно, шнеллеръ, коменъ зи нахъ хаузъ. *(Уходятъ)*.

Столешниковъ *(приступая къ Ивану)*. Ты-ы боленъ?

Иванъ *(потясь отъ него)*. Н-не здоровъ-съ.

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Тѣ же и Тропачевъ.

Тропачевъ *(видя неръшительность Столешникова)*. Позвольте мнѣ распорядиться покороче?

Столешниковъ. Пожалуйста, Григорій Николаичъ, ... я не могу, я слишкомъ возмущенъ, я такъ разстроенъ...

Тропачевъ (*громко*). Вонъ! Не-го-дяи!.. (*наступая то на одного, то на другого*). Кто васъ впустилъ, кто васъ впустилъ, кто васъ впустилъ?!

(*Камердинеръ, Домна, Юленька исчезаютъ*).

Курьеръ (*держась во фрунтъ*). Насъ — Иванъ Федорычъ... какъ, значить имянинникъ...

Тропачевъ. Кто — имянинникъ? Кто здѣсь — Иванъ Федорычъ? А, это ты, животное!.. Съ ангеломъ имѣю честь поздравить, — вонъ! завтра всѣмъ разсчетъ, всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ разсчетъ!! (*Всѣ гости ушли*).

Марфа. Позвольте, сударь, какое вы имѣете здѣсь право? Вишь ты выискался...

Тропачевъ. Что, что?!

Марфа. А то, я — къ мировому, острамлю!..

Тропачевъ (*разражается смѣхомъ*). Ахъ ты... красавица! Вонъ, изломаю, не серди, пошла! (*она въ раздраженіи уходитъ. Столешникову*). Позвольте всѣхъ завтра разсчитать?

Столешниковъ. Конечно! (*Спохватясь*). Ну для чего-же — всѣхъ?.. Дуняша... Аннушка... онѣ не виноваты.

Тропачевъ (*скрывая улыбку*). Ну, Аннушку, пожалуй, мы оставимъ, а тѣхъ — долой! (*Входитъ Аннушка*).

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Тѣ же и Аннушка.

Тропачевъ. Что барышня?

Аннушка. Какъ сняли лифъ, такъ и прошло все, слава Богу-съ.

Тропачевъ И отлично! Хотѣлъ тебя прогнать, но за пріятное извѣстіе — прощаю. (*Жметъ Столешникову руку*). До завтраго, покойной ночи.

(Уходя). Аннушка, довольна ты, что я тебя простилъ?

Аннушка. Довольна-съ.

(Иванъ бросается, чтобы ему подать шинель).

Тропачевъ. Прочь, убирайся вонъ! Подай шинель мнѣ, Аннушка. (Столешникову). Вы на меня не сердитесь?

Столешниковъ. Напротивъ (проводя его). Я вамъ чрезвычайно благодаренъ, такъ вы это быстро... а, главное,—такъ справедливо! Справедливо!.. (Ушли).

ЯВЛЕНІЕ 20-е.

Иванъ (одинъ).

Иванъ (съ трудомъ соображая). Я этой свадьбы не хочу, я все разстрою! Ну, ужъ женихъ... Ахъ чортъ его возьми, вотъ навязался! Разстрою, разобью, все, все разстрою!

Занавѣсъ.

ХРУЩЕВСКІЕ ПОМѢЩИКИ.

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Представлена въ 1-й разъ въ Императорскомъ Москов-
скомъ театрѣ 17-го Января 1888 года бенефисъ артиста
г. Рябова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Барвара Николаевна Сухомлина, урожденная графиня Ростова, вдова . . .	г-жа Медвѣдева.
Петръ Валеріановичъ, ея сынъ	г. Багровъ.
Акимъ Акимовичъ Недососовъ, деревенскій кулакъ, владѣлецъ села Хрущевки	г. Музиль.
Арина, жена его	г-жа Садовская.
Глаша, ихъ дочь	г-жа Никулина.
Трифонъ, дальній родственникъ Акима.	г. Садовскій.
Александръ Дмитріевичъ Журавлевъ . . .	г. Ленскій I-й.
Тарасъ Егоровичъ Силоамскій	г. Макшеевъ.
Иванъ Ивановичъ Семихатовъ	г. Охотинъ.
Семка, портной, бывшій дворовый . . .	г. Правдинъ.
Матрена, его жена	г-жа Потѣхина.
Дуня, ихъ дочь	г-жа Ермолова.
Домна, кухарка	г-жа Павлова.
Соломонида	г-жа Правдина.
Мужикъ	г. Гетиманъ.
Работникъ	г. Кузнецовъ.
Посланный	г. Воронской.
Егоровъ	г. Дубровинъ.
Максютка, мальчикъ	экст. Хомяковъ.

Дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ села Хрущевки.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена представляет гостиную стариннаго барскаго дома въ деревнѣ. Стѣны и колонны—подъ бѣлый мраморъ, куски котораго мѣстами отбиты. Одно окно забито досками, два стекла балконной двери заклеены сахарной бумагой. Посреди гостиной большая желѣзная печь съ трубой, выведенной въ оконную раму. Въ глубинѣ—висятъ на стѣнѣ хомуты, стоятъ ящики и мѣшки съ образцами зерна и проч. На правой сторонѣ—простой столъ, накрытый скатертью, скамейка и разнокалиберные стулья; налѣво—ободраннѣй диванчикъ стила амфиръ и такое-же кресло. По сторонамъ двѣ двери, въ глубинѣ дверь на террасу.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Арина, Домна и Соломонида.

Арина. Слышь, Домна, жарить когда будешь ежели курятину, — картофью накроши поболѣ. Слышишь?

Домна. Ну-къ что-жъ, накрошимъ. А какъ тисель ѣсть будете, холодный, али тепленькій?

Арина. Холодный. Форменной тисель чтобъ былъ, холодный. Держи на льду, покедова за столъ садиться.

Домна. Чую. (*уходитъ*).

Арина. Соломонида, ты чего?

Соломонида. Мучицы... въ долгъ.

Арина. Нѣтъ, не даемъ, прикончили.

Соломонида. Аринъ Иванна, матушка, за Христа ради! Всего два пуда, ягодка; отдамъ съ прощеномъ, съ половиной два отдамъ.

Арина. Ну вотъ еще, потолкуй, получишь съ вась. Ступай.

Соломонида (*вывертывая изъ-подъ полы свертокъ холста*). Ты слышь, вѣдь я не такъ прошу, съ закладомъ.

Арина. Съ какимъ?

Соломонида. Вотъ, эвона холстина.

Арина (*беря холстъ на руку*). А мѣрой какъ?

Соломонида. А двадцать шесть локтей.

Арина. Ты гришь—два пуда?

Соломонида. Какъ если будетъ милость — свѣшай три.

Арина. Ну, съ трехъ-то лопнешь чай, и двухъ довольно. Ладно, заходи ужо.

Соломонида. Когда?

Арина. А къ вечеру, когда въ амбаръ пойду.

Соломонида (*уходя*). Холстинку-то поберегите. Прощевайте. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Арина одна, потомъ Глаша.

Арина (*вынимая изъ ящика стола ложки и вилки и накрывая кое-какъ на столъ*). Какую мы ораву кормимъ каждый день, — бѣда! Конечно, слава тебѣ Господи, имѣемъ у себя довольно много; а все-же жалко такъ свое добро травить нивѣсть зачѣмъ.

Глаша (*входя*). Мамаша, на полдни скотину Еремѣй пригналъ.

Арина. Ну-къ что-жъ! Ты видишь—мнѣ некогда, сейчасъ придутъ обѣдать. Сбѣгай, догляди сама.

Глаша. То-есть, это какъ-же, въ этакій-то праздникъ, въ голубомъ-то платъѣ?

Арина. Дура! А отольютъ удой, да на деревню стащутъ?

Глаша. Во... Не стащутъ. (*Грызетъ подсолнухи*).
Мамаша, слушайте...

Арина. Ну?

Глаша. Когда же, наконецъ, вы меня замужъ отдадите? Мнѣ, вѣдь, скучно.

Арина. Отца проси, а я тутъ не могу ни-сколько.

Глаша. Что-жъ это, Господи, такое наконецъ, который мясоѣдъ проходитъ такъ, задаромъ. Два жениха покою не даютъ, имѣнье у насъ графское, вполнѣ дворяне, а ты сиди тутъ въ дѣвкахъ, словно нищая.

Арина. Глашка, не дури. Отецъ, чай, съ матерью-то лучше знаютъ, какъ и что.

Глаша. Да полноте вамъ врать-то, что вы знаете! Вонъ — сами говорите, что отца проси. Чай я дѣвица, мнѣ отцу-то стыдно... Вы—мать родная, можете велѣть папашкѣ.

Арина. Какъ же, была охота мнѣ черезъ тебя всей въ синякахъ ходить.

Глаша (*разомъ мѣняя тонъ*). Мамаша, я до крайности какъ удивляюсь,—почему онъ можетъ васъ такъ бить? Онъ такой жиденькій, а вы, наперекоръ того—большія, сильныя.

Арина. Да, вотъ поди-жъ ты! Увертливый мужчина онъ, притомъ и цѣпкій, а я то, Глашенька, неповоротлива; вотъ черезъ эсто онъ и бьетъ меня, когда разсердится.

Глаша (*раздумывая*). Мамаша, для чего къ намъ изъ Ельца пріѣхалъ нынче этотъ Трифонъ?

Арина. А почему я знаю? Отецъ сказалъ — гостить, грить, пріѣхалъ. Онъ тѣтенькѣ его,

Соломонидѣ Карповѣ, доводится трехъюродный племянникъ.

Глаша. Папашка это вретъ, хитритъ, глаза отводитъ. Ему мои хорошіе-то женихи не нравятся, по той причинѣ, что довольно благородны, — вотъ онъ его сюда и притащилъ.

Арина. Ну-къ что-жъ?

Глаша. Какъ — что-жъ? Да вѣдь небось, онъ мѣщанинъ, мужланъ! Чтѣ для меня въ немъ антиреснаго, когда Тарасъ Егорычъ — изъ губерніи, чиновникъ... Стало быть онъ до смерти влюбленъ въ меня, коли четвертую недѣлю у дьячка живетъ въ избѣ, чтобъ только допросить мое согласіе!

Арина. Ай батюшки, какая важность, — у дьячка; да онъ дьячку-то братъ двоюродный, самъ дьячковъ сынъ.

Глаша. А, вотъ вы что толкуете? А мы-то съ вами были чтѣ? Не больше — мужики, мѣщане, арендатели. Вотъ такъ-то и Тарасъ Егорычъ, — былъ дьячковъ сынъ, а сталъ, что и рукой-то не достанешь, — губернскій секлетарь, подикоса, столу своему начальникъ. Поймите, — помираетъ отъ любви-то!

Арина. Ахъ, Глашенъка, и жалко мнѣ его, да что-жъ я сдѣлаю?

Глаша (*продолжаетъ съ увлеченіемъ*). А если этотъ не хорошъ по вашему, въ лицѣ тамъ, можетъ, что-нибудь найдете, или что въ одѣжѣ... Ну, въ такомъ случаѣ — Иванъ Иванычъ.

Арина. Да вдовый онъ, Глашута.

Глаша. Ахъ, Господи, скажите, вотъ несчастіе! Ха, ха, ха! Мальченка семи лѣтъ, — какая важность... Онъ все-таки помѣщикъ, сорокъ десятинъ, былъ въ станowychъ, имѣетъ грамоту дворянскую, — чай это разница.

Арина. Въ чемъ, то-есть, разница?

Глаша. Напротивъ Трифона-то, я толкую, — разница.

Арина. Я, Глашенька, и не пойму тебя, ей Богу... То ты про одного, то про другого. Ты за кого-же думаешь?

Глаша. Мамаша, я такъ думаю: Тарасъ Егорычъ. Но ежели-бы за него нельзя, ну—за Ивана Иваныча; по крайности тогда дворянкой буду, настоящей... Поймите ради Господа, мамаша, — вѣдь двадцать девять лѣтъ!.. Должна-же я свою судьбу найти и свое счастье. (*Утираетъ слезу*).

Арина. Ну, слышишь ты, вотъ что, не реви, постой. Пущай прибѣтъ, а я ему поговорю сегодня.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ же и входятъ Акимъ и Трифонъ.

Акимъ. Коровъ доятъ, а вы здѣсь зубы точите?

Арина. Акимъ Акимычъ, я обѣдъ собирала.

Акимъ (*Глашѣ*). А ты чего, гдѣ твое мѣсто?

Глаша. Папаша, нынче праздникъ, платье альнаковое на мнѣ...

Акимъ. Чего-о? Камолую дои сама, почище, Анютка не потрафитъ, разольетъ удой. Пошла!

Глаша (*про себя, нехотя уходя нальво*). А еще батенька, папашка называется... Какъ былъ мужикъ, такъ и сейчасъ такой-же.

Трифонъ (*Глашѣ, стоя у дверей*). Здоровье ваше какъ-съ?

Глаша (*сердито*). А вамъ на что? — Ты нѣжности-то эти про себя оставь, въ Ельцѣ понадобятся.

Трифонъ. Нѣтъ-съ, ничего-съ, не безпокойтесь, для Ельца у насъ еще найдется, у насъ много-съ.

Глаша (*презрительно*). О?... А-ахъ, ты козырь! Что бѣльмы-то уставилъ, ты думаешь—не отругаюсь? Брысь! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же безъ Глаши.

Акимъ. Ты, Трифонъ, пропускай мимо ушей ея слова, она такая съ роду чумовая.

Трифонъ. Ничего-съ. Замѣтно, что карахтеръ у себя имѣютъ легкій и веселый, ну и шутятъ, значить. Эфто ничего-съ.

Арина. Соломонида приходила за мукой.

Акимъ. А много надо?

Арина. Два пуда просить. Принесла въ закладъ холстину.

Акимъ. Много?

Арина. Двадцать шесть локтой.

Акимъ. Трифонъ, отвѣсь ужотка, — вотъ тебѣ ключи.

Трифонъ. А какъ-же дяденька, холстину гдѣ-же спрятать-съ?

Акимъ. Холстина у Арины полежить.

Трифонъ. У тетеньки-съ? Прекрасно-съ, хорошо-съ. Соломонидой бабу прозываютъ-съ?

Арина. Извѣстно что Соломонида, а то какъ еще?

Трифонъ. Такъ-съ, я запишу-съ, я, дяденька, не ошибусь, не бойтесь-съ.

Арина. Обѣдать подавать?

Акимъ. Подожди гостей маленько. (*Арина продолжаетъ передъ нимъ стоять, какъ стояла*). Чего стоишь-то, ровно пенъ середь дороги? Ну, ступай куда-нибудь. (*Она въ недоумѣніи не трогается съ мѣста*). Да сдвинься съ мѣста-то! Э, стоеростовая!

Арина (*уходя, про себя обиженно*). Невѣжа... (*Приостанавливаясь у дверей*). Чистая какъ есть неvěжа, пёсь цѣпной. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Акимъ и Трифонъ.

Акимъ. Теперича ты всю усадьбу видѣлъ?

Трифонъ. Видѣлъ-съ.

Акимъ. Какъ дѣло заведёно — можешь понимать?

Трофимъ. Могу-съ. Я, дяденька, теперь постигъ, какъ вамъ до безконечности какого стоило труда — порядки эти прежніе всѣ прекратить опослѣ графа.

Акимъ. Хе, хе, хе, хе, порядки!.. Да, были у него порядки. Амбаръ ты видѣлъ подлѣ сада каменный?

Трифонъ. Какъ-же-съ, видѣлъ-съ.

Акимъ. Ты знаешь-ли, что у него тамъ было?

Трифонъ. Что-съ?

Акимъ. Больница, значить, — мужиковъ лѣчить.

Трифонъ. Да ну-те?

Акимъ. Настроилъ, братецъ мой, теплицъ, да анжереевъ...

Трифонъ. Чудаки!

Акимъ. А я сейчасъ, какъ, значить, купчую, примѣрно, совершилъ, теплицы эти по-просту — подъ куръ да подъ индюшекъ.

Трифонъ. Для куръ она способна, дяденька, до безконечности, — курамъ почему что весело, тепло, укромно... И какъ вы, дяденька, такую благодать купить смогли-съ, — и не пойму я! Семьсотъ шешнадцать десятинъ-съ?

Акимъ. Семьсотъ шешнадцать. А какъ купилъ? Довольно холдокровно. Графъ этотъ самый нашъ,

Кирила Николаичъ, царство ему небесное, не гнѣй ихъ косточки, — на теплыхъ водахъ все жилъ, по заграницамъ; по той причинѣ—у него болѣзнь была въ груди.

Трифонъ. Такъ, такъ-съ, бываетъ-съ. Именно, что—грудь слаба-съ, бываетъ-съ.

Акимъ. Ну, вотъ. Я, значить, мельницу держалъ, платилъ двѣ тыщи ренды.

Трифонъ. Та-акъ-съ.

Акимъ. Какъ денегъ у него нехватка, — онъ сейчасъ ко мнѣ письмо: молъ, дай впередъ или займы, за ради Господа.

Трифонъ. Сама собой; имъ деньги, то-есть, господамъ вобще, до безконечности какъ нужны завсегда-съ.

Акимъ. И надавалъ онъ векселей мнѣ этихъ втрое противъ денегъ, вчетверо! По той причинѣ,—по довѣрію, какъ я еще и маменькѣ его покойницѣ служилъ. Ну, хорошо. Вотъ прѣзжаетъ онъ въ деревню лѣтомъ, больной, совсѣмъ какъ есть больной, въ отдѣлку. Желая, говоритъ, я въ банку заложить имѣнье. Я—на дыбы! И векселями погрозилъ, и урезонилъ; а сверхъ того досталъ ему еще семь тысячъ двѣсти, у Селиверста Фирсыча самъ взялъ займы. (*Вошедшему мужику*). Тебѣ чего?

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ же и мужикъ.

Мужикъ. Вотъ по квиточку получить. (*Показываетъ маленькій бумажный ярлычекъ*).

Акимъ. Пошелъ, не время!

Мужикъ. Слышь, дѣло-то такое, деньги больно нужны. Съ весны еще, за яровой посѣвъ.

Акимъ. А сколько?

Мужикъ. Рубль пятнадцать.

Акимъ. Ну, давай квитокъ.

Мужикъ. Вотъ, эвонъ.

Акимъ. Вотъ тебѣ рубль, а мелкихъ сейчасъ нѣту.

Мужикъ. Да какъ-же быть-то?

Акимъ. Какъ-же? — Такъ и быть. Бери цѣлковый, отдавай квитокъ, а тамъ зайдешь когда.

Мужикъ. Нѣтъ, что-жъ, зачѣмъ-же... Мы за пять верстъ живемъ. — Три пятачка доправъ.

Акимъ. Да коли нѣту. Ну, некогда мнѣ толковать съ тобой. Бери назадъ квитокъ, а мнѣ давай цѣлковый. Недѣльки черезъ полторы зайди.

Мужикъ. Да ну...

Акимъ. Чего?

Мужикъ. Да ну!.. Доправъ три пятачка.

Акимъ. О, дьяволъ, — нѣту!

Мужикъ. Ну сколько тамъ найдется, поищи.

Акимъ. Вотъ только что и есть, что три копейки.

Мужикъ. Ну, давай. (*Беретъ три копейки*).
Дай еще двѣ.

Акимъ. Ей Богу, нѣту!

Мужикъ. Ну, чортъ съ тобой. (*У дверей*). Акимъ Акимычъ.

Акимъ. Ну?

Мужикъ. Благодаримъ покорно.

Акимъ. Не на чѣмъ. (*Тотъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Акимъ и Трифонъ.

Акимъ. Двѣнадцать мы копѣчекъ съ тобой, братъ, нажили.

Трифонъ. Да-съ, очевидно-съ.

Акимъ (*продолжая начатую рѣчь*). Вотъ, братецъ мой, заткнулъ это нашъ графъ свои долгишки, — опять безъ денегъ остается. А тутъ — по окладнымъ листамъ не плочено, штрафовка, то да сѣ, — удавка! А я то мужиковъ накачиваю водкой каждый день: горланять подъ окошками, затѣять ругань, драку, — чисто безобразіе! Не вытерпѣлъ: продай, гритъ, Акимъ, мою Хрущевку, я, гритъ, въ тебя имѣю вѣру... Раскинулъ это я своимъ умомъ, — и вотъ какъ обстаканилъ дѣло, — въ лучшемъ видѣ! Сочли мы это все, что онъ мнѣ долженъ и что приписано, и весь процентъ... И додалъ я ему еще пять тысячъ, — вотъ и все.

Трифонъ. Сколь много насчиталось всей-то суммы-сѣ?

Акимъ. Да всей-то насчитали — и не огребешь, за семьдесятъ за восемь тысячъ.

Трифонъ. Гм... не шутка-сѣ! Тутъ, дяденька, чай, вамъ натаріусу одному пришлось отдать поболѣе трехъ тысячъ, — за купчую-сѣ, то-есть, я говорю-сѣ.

Акимъ. Нѣтъ, это мы обдѣляли по совѣсти: онъ самъ уѣхалъ, свершалъ-то управитель ихній, Густавъ Францычъ, по довѣренности.

Трифонъ. Да-сѣ, именно Господь вамъ ниспослалъ-сѣ! Да что-жъ вѣдь, дяденька, вѣдь и ему не дурно-сѣ. По крайности развязка для него!

Акимъ. Сама собой.

Трифонъ. Когда-жъ они-сѣ, то-есть, оконча-тельно-то померли, довольно скоро?

Акимъ. Скоро, мѣсяца черезъ четыре послѣ купчей.

Трифонъ. Выходить стало быть, что эти и пять тысячъ-то для нихъ не нужны были!

Акимъ. Да. Двѣ тыщи восемьсотъ осталось послѣ смерти.

Трифонъ. Ну, вотъ видите! А эта сумма — не два съ полтиной-съ.

Акимъ. Ну, Богъ съ нимъ, этого я не жалѣю; я лѣсу одного здѣсь выпродалъ ужъ на четыре тыщи. Я Трифонъ, болѣе трехъ четвертныхъ истратилъ только на поминъ души его, ей Богу!

Трифонъ. Вотъ это, дяденька, чудесно, что вы такъ-то... по той причинѣ — для души оно — вещь первая!.. За это, дяденька, коли случится даже лишнее чтò передать, — не жалко-съ, потому — душа! Ей въ этомъ польза страшная, ей Богу-съ.

Акимъ. Вотъ, значить, Трифонъ, ты и понимай меня теперь.

Трифонъ. На счетъ чего-съ?

Акимъ. Помѣщикъ я теперь большой, а нѣтъ помощниковъ.

Трифонъ. Я это моментально постигаю, дяденька.

Акимъ. Вотъ я поэтому-то и беру тебя въ племянники, ты чуешь?

Трифонъ. Чую-съ.

Акимъ. А будешь ты мнѣ какъ должнò слугой, — въ зятя тебя возьму, и будетъ это все, когда помру, твое и Глашкино.

Трифонъ. За что-жъ, помилуйте, чѣмъ могъ я заслужить?..

Акимъ. Я, братецъ мой, давно къ тебѣ приглядывался, вижу — парень дока, въ ухо вздерни, дай ему грошъ — онъ пятаковъ накупить.

Трифонъ. И даже такъ скажу-съ, что обязательно случалось такъ мануфактурить, — въ лучшемъ видѣ-съ!

Акимъ. А на счетъ Глашки и этихъ жениховъ ея, которые... наплюй! Я только ихъ прогнать боюсь, а я ихъ такъ спущу, изморомъ...

Трифонъ (*ласково смѣясь*). Съ горки, значить, помаленечку-съ!

Акимъ. И то возьми: хоша она собой не молода...

Трифонъ. Нѣтъ-съ, ничего-съ. Что-жъ въ молодой-то, дяденька-съ, одна забава. А тутъ по крайности — солидно, хорошо-съ! А ежели въ лицѣ что напримѣръ... съ лица не воду пить. Вотъ именно скажу вамъ, дяденька, какъ передъ Господомъ, — рабъ я вашъ именный, слуга, плантаторъ! Издохнуть мнѣ на этомъ самомъ мѣстѣ, коли вру!

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же, Глаша и Силоамскій.

Силоамскій. Съ праздникомъ имѣю честь поздравить васъ, почтеннѣйшій Іоакимъ Іоакимовичъ!

Акимъ. Благодаримъ покорно, и васъ такъ-же. Ну, братецъ мой, Тарасъ Егорычъ, удружилъ ты нонче насъ апостоломъ.

Силоамскій. А что-съ, не дурно вышло?

Акимъ. Самый первый сортъ.

Силоамскій. Благодареніе Создателю, сегодня въ голосѣ моемъ есть звукъ довольно сильный. Вамъ вѣдомо, Іоакимъ Іоакимовичъ, о томъ, что госпожа Сухомлина, сестра усопшаго помѣщика села Хрущевки, предмѣстника, какъ говорится, вашего, пскупкою пріобрѣла, дня три тому назадъ, сосѣднюю отъ васъ Медвѣдовскую землю?

Акимъ. Нешто вѣрно?

Силоамскій. Семьдесятъ пять съ половиной десятинъ. Поутру нынче, передъ восходомъ солнца, проѣзжалъ псаломщикъ Троекуровскій, Семень Агѣевъ, изъ Ельца. Заѣхалъ попить лошадку и сообщилъ моему сродственнику, — гдѣ, то-есть,

я стою, кузену моему, дьячку Ефрему Власову
вполнѣ всѣ это дѣло.

Акимъ. Ну-къ что-жъ, пушай ихъ.

Силоамскій. Желаютъ строить нѣчто. Какъ-то:
домъ и прочее подобное.

Глаша. Покрайности сосѣди у насъ будутъ
благородные.

Акимъ. Тебѣ-то что до нихъ, до благородныхъ-то?

Глаша. Какъ-что? Канпанію водить.

Акимъ. Есть имъ охота, съ эстакой ученой
барышней канпанію водить, до тридцати годоч-
ковъ дожидая, складовъ не знаешь.

Глаша. Пожалуйста не врите, знаю я, и азбуку
всю знаю, не токма склады. А вамъ довольно
стыдно родную дочь конфузить при чужихъ; съ
утра сегодня лаетесь на всѣхъ... Тарасъ Его-
рычъ, пойдите на балхонъ, я вамъ прочту по
книжкѣ вотъ по этой. (*Беретъ со стола зама-
слянную книжку и, уходя читаетъ съ придыха-
ніями*). Клят-ва на гро-бѣ и-ли чер-ный мо-нахъ.
(*Прежде, чѣмъ Глаша и Силоамскій вышли,
выбѣгаетъ Семка, расстрепанный и пьяный ста-
ричекъ дворовый*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же и Семка.

Семка. Акимъ Акимовъ, слышь, за что ты мою
Дуньку обижаешь? Ослобони ты насъ, чортъ
окаянный, живѣглотъ, ослобони!

Акимъ (*вставая къ нему*). Молчать!

Семка. Не страшно, не пужай! Ослобони! За
что ты мою дочь срамишь, проходу не даешь?
Девятнадцатый годъ дѣвкѣ, а ты ей что толкуешь,
про чего? Чортъ старый, грѣховодникъ!

Акимъ (*растерявшись*). Али ты, Семенъ, въ умѣ?
Семка. Въ умѣ!

Глаша (*уводя приостановившагося Силоамскаго*).
Да будетъ вамъ, Тарасъ Егорычъ! (*Понижая
голосъ*). Я эту канитель всю знаю на счетъ Дуньки,
я вамъ, пожалуй, расскажу.

Силоамскій! Въ особенное одолженіе, расскажите,
крайне любопытно. (*Уходятъ*).

Акимъ. Какъ я могу ослобонить, дуракъ, когда
ты нанялся по контракту съ женой и съ дочерью!

Семка. Ну-къ что-жъ?

Акимъ. Какъ можешь ты меня страмить, чтобъ
я тебя ослобонилъ? Ты знаешь, что за это тебѣ
будетъ?

Семка. Вотъ ты какъ... Какую сплелъ? Хитеръ,
собака! А ты не хочешь, чтобъ тебя дубиной...
Ты мою дочь срамишь, проходу не даешь, на
всю округу разстрамилъ, анафема! Менѣ жена
реветъ, избу ты отнялъ, а Дуньку слопать хо-
чешь... (*Дѣлая къ нему два шага*). Дубиной по
затылку! Аль не любишь?

Акимъ (*набрасываясь на него*). Ой, Семка, не
дури! Ой, дурья голова, опомнись, туды тебя
съ женишкой упеку...

Семка. А дочку прикарманю... такъ-ли, ягодка?
(*Небольшое молчаніе*). Дубиной по затылку, —
тюкъ и больше ничего!

Акимъ (*смѣясь Трифону*). Вишь, напился, чего
ему въ башку-то лѣзетъ. Съ нимъ и ругаться-то
охоты нѣтъ, съ пьянчужкой.

Трифонъ. А вы бы, дяденька, для праздника-то
водки поднесли ему, ей Богу-съ!

Акимъ (*искоса взглянувъ на Трифона*). И то
поднести; ты это, Трифонъ, вѣрно.

Трифонъ (*наливая большой стаканъ*). Тебя какъ
звать-то?

Семка. Сёмкой былъ, портной господскій.

Трифонъ. А какъ по батюшкѣ?

Семка. Бывалъ Семенъ Филиппычъ.

Трифонъ. Семенъ Филиппычъ, выпей-ка для праздника.

Семка. Многоничко... стаканчикъ-то великъ... (*Беретъ стаканъ, пьетъ и останавливается, глядя въ лицо Трифону*). Ухъ, ты какая шельма! Водкой, значить, тушишь... Ну, твоя взяла! (*Залпомъ допиваетъ стаканъ*). А вѣдь мы съ нимъ, съ Акимкой-то, съ помѣщикомъ-то съ эстимъ, въ фалеторахъ служили на одной конюшнѣ... Вишь,—господиномъ сталъ, жидъ—чортъ, анафема!

Акимъ. Ну, Богъ съ тобой, иди, иди.

Семка. Пойду. (*Трифону*). Дай на бутылочку.

Трифонъ. Сколь много?

Семка. Че... четвертакъ.

Трифонъ. Что-жъ, я съ удовольствіемъ. (*Даетъ ему деньги*).

Семка (*поглядѣвъ ему въ лицо*). Ухъ ты, какая шельма, да какой разбойникъ!.. (*Акиму*). Я выплюсь, я опять къ тебѣ приду.

Акимъ. А нешто теперь пьянъ?

Семка. Теперя? (*Подумавъ*). Пьянъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Акимъ, Трифонъ, потомъ Семихатовъ, Глаша и Силоамскій.

Акимъ. Вотъ видишь, Трифонъ, съ эдакимъ народомъ-то сейчасъ и оболгутъ въ отдѣлку.

Трифонъ. Народъ отъявленный-съ. А, дяденька, я думаю, что ежели его почаще водкой... въ скорости возможно прекратить совсѣмъ, вполнѣ.

Вѣдь водка вообще она въ хозяйствѣ имѣетъ въ себѣ пользы слишкомъ много-съ!

(Входитъ Семихатовъ съ узелкомъ и кулечкомъ).

Семихатовъ. Акимъ Акимычъ, новость, батенька, такая новость...

Акимъ. На счетъ чего!

Семихатовъ. Такая, сударь, новость!.. А гдѣ Арина Ивановна, Глафира Акимовна?

Акимъ. Глашутка?—На балхонъ пошла.

Семихатовъ. Конечно не одна, а съ Силоамскимъ? Охъ, это вы напрасно такъ, Акимъ Акимычъ! (Зоветъ). Глафира Акимовна, какая новость! Пожалуйста сюда скорѣй, какая новость!..

Акимъ. Да что ты затвердилъ, сорока,—новость, новость... какая новость, про чего?

Глаша (вбѣгая). Какая новость?

Семихатовъ. Во-первыхъ, — здравствуйте-съ! А во-вторыхъ, — гостинцы получите. (Подаетъ ей узелокъ). Подсолнухи. Я запримѣтилъ — у васъ были на исходѣ,—а вотъ и новыя. А здѣсь...

Акимъ. Какая новость-то, объ чемъ?

Семихатовъ. Позвольте, по порядку надлежитъ. (Глашѣ). Извольте угадать—что здѣсь?

Глаша (ощупавъ кулекъ). Должно быть яблоки?

Семихатовъ. До спаса кушать грѣхъ,—совсѣмъ не яблоки.

Глаша. Картофъ?

Семихатовъ. Ни Боже мой! Я знаю фруктъ, къ которому вы всей душой не равнодушны.

Глаша. Рѣпа?

Семихатовъ. Рѣпа-съ. Насилу розыскалъ, нѣмецкая-съ, на огородѣ у Сизова, ранняя... Скажите, вы довольны?

Глаша (стараясь присѣсть). Да-съ, мерси-съ.

Семихатовъ. А коли вы довольны, такъ я ужъ стало быть на небесахъ! Тарасъ Егоровичъ, я,

сударь мой, и вамъ хотѣлъ привезть подарочекъ.

Силоамскій. Довольно странно. Для чего-же мнѣ, для укоризны?

Семихатовъ. Ужъ тамъ вы сами разберете— для чего. (*Хитро прищуривъ лѣвый глазъ*). Хотѣлъ было привезть сальный огарочекъ, да руки побоялся замарать, ха, ха, ха! (*Общій смѣхъ*).

Глаша. Ахъ, вотъ шутникъ!

Силоамскій (*обиженно*). Есть шутки умныя, а то бываютъ шутки... смѣю выразиться такъ: не умныя.

Семихатовъ. Ну-съ, теперь,—новость. За мною слѣдомъ ѣдетъ къ вамъ нежданная, негаданная гостья, Варвара Николаевна Сухомлина, съ сынкомъ и съ управителемъ.

Акимъ. Зачѣмъ такое?

Семихатовъ. Купили землю рядомъ съ вашей, лѣвое медвѣдевское поле, желаютъ строиться и покупать у васъ кой-что, — кирпичъ, лѣску и прочее такое. Какой, скажу вамъ, сударь, управитель!

Акимъ. На семьдесятъ-то на пять десятинъ? (*Трифону*). А что-жъ ты думаешь, по ихней дурости, пожалуй что наймутъ и управителя. А по чемъ дали?

Семихатовъ. Сто двадцать три рубля за десятину.

Акимъ. Не дорого.

Трифонъ. Нѣтъ, дяденька, по нынѣшнимъ по цѣнамъ дорого-съ.

Акимъ. Что-жъ, очень рады, флигоръ у насъ для гостей слободный. Какъ прежніе помѣщики всѣхъ принимали, такъ и мы. (*Зоветъ*). Арина! (*Входитъ Арина*). Ты гдѣ запропастилась, не видать тебя?

Арина. Ну, что еще?

Акимъ. Да флигоръ подмести вели.

Арина. Зачѣмъ?

Акимъ. Не твое дѣло. Да подавайте намъ обѣдъ, время. (*За сценой слышны бубенчики*). А, вотъ, должно,—они, Арина, подь встрѣчать...

Арина. Кого?

Акимъ. Не твое дѣло! (*Уходитъ. За нимъ Арина и Трифонъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Глаша, Семихатовъ и Силоамскій.

Глаша. Иванъ Ивановичъ, какъ вы думаете, и мнѣ идтить на встрѣчу?

Семихатовъ. Для чего-съ?

Глаша. А вы какъ скажете, Тарасъ Егорычъ?

Силоамскій. По моему, любезность не вредить, напротивъ, отъ любезности всегда есть польза.

Глаша. Нѣтъ я такъ думаю: пожалуй возмечтають.

Силоамскій. Конечно, гордость не мѣшаетъ никогда, но при условіи, чтобы она была размѣшана съ благоразуміемъ.

Семихатовъ (*смѣясь*). У васъ она размѣшана съ благоразуміемъ.

Глаша. Ахъ, не смѣшите, ну, васъ! (*Смѣется*). Тьфу, чтобъ вамъ, вотъ размѣшили, вотъ я теперь и буду все смѣяться! (*смѣется*). О, чтобъ вамъ!

(*Входитъ Сухомлина, Петръ Валеріановичъ, Акимъ, Арина и Журавлевъ*).

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Тѣ же, Сухомлина, Петръ Валеріановичъ, Акимъ, Арина и Журавлевъ.

Сухомлина (*входя и оглядываясь кругомъ*). Господи, какъ измѣнилось въ этомъ домѣ все, узнать нельзя!

Акимъ. Да-съ, признать трудно-съ.

Сухомлина (*обращаясь къ сыну и Журавлеву*). Вѣдь я здѣсь родилась, здѣсь выросла. Но, Боже мой, какъ это все теперь... (*Акимъ*). Куда же это все дѣвалось, картины, вещи, мебель?

Акимъ. Кой пораспродалъ, а кой къ мѣсту прибранны.

Сухомлина. Какъ, то есть, къ мѣсту?

Акимъ. А такъ что въ сарай сложены; намъ ни къ чему, не соотвѣтственно для насъ.

Петръ Валер. Находите — не соотвѣтственно?

Акимъ (*искоса взглянувъ на него*). Не соотвѣтственно-съ.

Арина. Присядьте, матушка Варвара Миколавна.

Акимъ. На долго къ намъ изволили пожаловать?

Сухомлина. Нѣтъ, не надолго... Я тутъ купила землю.

Акимъ. Такъ-съ, слыхалъ-съ. Неподалеку отъ мово помѣстья, рядомъ-съ.

Сухомлина. Да вотъ у васъ собираюсь покупать...

Акимъ. Не продаемъ-съ.

Сухомлина (*переглянувшись съ сыномъ и Журавлевымъ*). Не землю, нѣтъ, а для постройки кое-что.

Акимъ. Та-акъ-съ, это вещь особенная. Полы, примѣрно, рамы, двери,—это можно-съ. А именно какія вещи требуются-съ?

Сухомлина. Объ этомъ обо всемъ ужъ вы поговорите съ управляющимъ, вотъ, съ Александромъ Дмитриевичемъ.

Журавлевъ. Позвольте отрекомендоваться, — Александръ Дмитричъ Журавлевъ, и агрономъ и архитекторъ и... и все, что вамъ угодно.

Акимъ. Та-акъ-съ.

Арина. Покушать не прикажете ли что?

Сухомлина. Нѣтъ, очень благодарна. Вы гдѣ насъ помѣщаете, во флигелѣ?

Акимъ. Во флигорѣ-съ.

Сухомлина. Такъ я пойду, съ дороги утомилась. *(Встаетъ)*. А гдѣ же твоя дочь, Арина!

Арина. Глаша-съ? Эвъ она-съ!

Сухомлина. Глаша, это ты?

Глаша. Я самая. *(Протягиваетъ барыню руку)*. Мое почтеніе-съ, здоровье ваше какъ-съ?

Сухомлина. Да какъ ты измѣнилась, пополнѣла, тебя узнать нельзя. А сколько тебѣ лѣтъ?

Глаша. Двадцатый годъ... Какіе еще у меня года!

Сухомлина. Что, замужемъ?

Глаша. Вотъ то-же, что вотъ и посейчасъ не замужемъ. Отъ жениховъ отбою нѣтъ, а я и посейчасъ все въ дѣвкахъ.

Сухомлина. Да отчего-же?

Глаша. Такъ. Папашка не желаютъ... и тянутъ эту канитель.

Журавлевъ. А вы желаете?

Глаша *(взглянувъ на него, прыскаетъ со смѣху)*. Чудно вы это говорите, какъ же не желать?

Сухомлина. *(сыну)*. Петя, дай мнѣ руку. *(Идетъ съ сыномъ)*. Глашенька, пойдѣмъ со мной.

Журавлевъ *(желая взять Глашу подъ руку)*. Позвольте вашу ручку.

Глаша. Вамъ зачѣмъ? *(Подаетъ ему ладонь руки)*.

Журавлевъ. Нѣтъ-съ, я не то-съ, я васъ желаю проводить подъ ручку къ барынѣ, къ Варварѣ Николаевнѣ.

Глаша. Вотъ что! (*Идя съ нимъ подъ руку*). Ахъ, вы какой смѣшной! (*Смѣется. Всѣ идутъ къ двери*).

Трифонъ (*тихо и торопливо Акиму*). Дяденька, покупка эта ихняя—подвохъ. Не управитель этотъ самый человѣкъ. Вотъ лопнуть мнѣ на этомъ мѣстѣ, дяденька, не управитель! (*Всѣ идутъ къ двери*). Дяденька—подвохъ-съ!

Глаша (*уходя съ Журавлевымъ*). Ахъ, вы какой смѣшной мужчина! Ха, ха, ха!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Садъ. Налѣво на половину разломанная, каменная бесѣдка.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Трифонъ и работникъ.

Трифонъ. Чего же ты капусту до сихъ поръ не поливаешь?

Работникъ. Да рано еще, солнышко-то эвонъ гдѣ.

Трифонъ. Толкуй. Покедова на рѣчку съѣздишь, то, да се, глядь, а оно ужъ и садиться станетъ. Ну, пошелъ! (*Тотъ уходитъ*). Измаялся я нонче цѣлый день. (*Присаживается и вытираетъ со лба потъ*). Охъ, эти господа тутъ не къ добру! Вчерась пріѣхали, а нынѣ ужъ все обошли, вездѣ обнюхали. Записываетъ чтой-то въ книжечку все этотъ заправитель ихній... Да вотъ постой, дай срокъ, узнаемъ. Васька Крысинъ изъ Ельца вернется нынче ночью, — Терентій Саввичъ все отпишетъ мнѣ, все разузнаетъ. (*Раздумывая*). Вѣдь вотъ ужъ кажется, Акимъ Акимовъ жохъ, ужъ именная шельма, чистый аспидъ, а вотъ не сдогадался спосылать; ужъ только я его упросомъ упросилъ: молъ, дядень-

ка, пошлите верхового ради Господа, для вашего спокойствія души... (*Видя вдали гуляющих господъ*). А, вотъ они! Жара-то на дворѣ поменила—дозоромъ по саду пошли. (*Глядя на нихъ изъ за-куста*). Смотри, смотри, считай чужія деньги-то! Вишь, идолы. Я схоронюсь въ бесѣдкѣ, поприслушаю... (*Бѣжитъ въ бесѣдку*). Тьфу, чтобъ вамъ пусто!.. Ахъ, Господи, какое безпокойство съ ими! (*Прячется въ бесѣдку*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Входятъ: Сухомлина, Петръ Валеріановичъ и Журавлевъ.

Сухомлина. Вы, Александръ Дмитричъ, понимаете, какъ тяжело мнѣ это видѣть все; запущено все, все разорено, разломано!.. Ахъ, братецъ мой покойный Кирила Николаичъ, Богъ ему судья! Скажите, Александръ Дмитричъ, какъ вы сосчитали, во что мнѣ обойдется все это привести опять въ порядокъ!

Журавлевъ. Какъ вамъ сказать? Да я считаю такъ: тысячъ отъ четырехъ и до шести не меньше. Досадно, что мерзавецъ этотъ лѣсу много продалъ.

Сухомлина. Что ужъ дѣлать, дай Богъ чтобы и такъ-то какъ-нибудь...

Петръ Валер. Ты замѣчаешь, мамочка, они слѣдятъ за каждымъ нашимъ шагомъ, куда мы ни пойдемъ—вездѣ они... Какіе негодяи!

Журавлевъ. Э, юноша, вы настоящихъ негодяевъ-то не знаете. Вотъ я, благодаря моей профессіи, такъ ужъ видалъ, такихъ видалъ...

Петръ Валер. (*останавливая его*). Позвольте, кто-то кашлянулъ...

Сухомлина. Гдѣ?

Петръ Валер. Кажется, въ бесѣдкѣ.

Журавлевъ (*смѣясь*). Ну, и пущай его, пусть кашляетъ, коли ему охота.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Въ глубинѣ показываются Матрена и Дуня.

Дуня. Нѣтъ, маменька, я не пойду!

Матрена. Ну, здѣсь погода.

Сухомлина (*увидя ихъ*). Кто это?

Петръ Валер. Женщины какія-то, работницы, должно быть.

Матрена (*низко кланяясь*). Съ прїѣздомъ, матушка Варвара Миколавна! Не признали?

Сухомлина. Нѣтъ, милая, не узнаю. (*Всмотрѣвшись въ нее*). Да неужели это ты? Матрена?

Матрена. Она самая-съ.

Сухомлина. Матрена? Господи, да какъ ты постарѣла!

Матрена. Житье-то наше, матушка, сударыня, не ваше-съ, постарѣешь...

Сухомлина. А мужъ-то живъ, Семень?

Матрена. Да-съ, живъ-съ. Да больно ужъ спился, совсѣмъ сталъ пьяница.

Сухомлина. И дѣти есть? Я помню, дочка у тебя была?

Матрена. Была-съ. Одна только всего была-съ, она и посейчасъ здѣсь съ нами... (*Небольшое молчаніе*). Я къ вашей милости.

Сухомлина. О чемъ?

Матрена (*заливаясь слезами*). Варвара Миколавна, матушка, спасите вы насъ отъ бѣды-бѣдущей ради Господа! (*Бросаясь ей въ ноги*). Пришла намъ чистая погибель, матушка!..

Сухомлина. Встань, встань, Матрена, милая, зачѣмъ, зачѣмъ...

Матрена (*стоя на коленяхъ*). Родимая, поплакать-то хоть... Больно ужъ оно..., душа-то вся надорвалась ужъ больно!..

Сухомлина. Ты успокойся, встань, и расскажи, въ чемъ дѣло.

Матрена (*вставая на ноги*). Изба у насъ была... пять стѣнъ, землишка, — десятиночка съ полнивой... Спервоначалу онъ въ закладъ все взялъ отъ Сѣмки... а поконецъ того...

Журавлевъ. Кто—онъ, кто, то-есть, взялъ-то?

Матрена. Все онъ, Акимъ Акимычъ. А поконецъ того — отнялъ, да шестьдесятъ цѣлковыхъ долгу насчиталъ; да взялъ къ себѣ, и Сѣмку, и меня и Дуньку, дочку-то мою, — молъ заработайте... (*Небольшое молчаніе*).

Сухомлина. Ну, что-же?

Матрена (*снова заливаясь слезами*). А тутъ ужъ и пошло!... Дуняшка у насъ грамотѣ умѣетъ, баринъ ее въ городъ посылалъ, въ пріютъ: читать, писать, по рукодѣлью... Чистая сейчасъ теперь гибель наша!

Сухомлина. Ты успокойся, говори спокойнѣй, а то, голубушка, трудно намъ тебя понять.

Матрена. Гоняется онъ все за ней, за Дунькой.

Сухомлина. Кто?

Матрена. Опять все онъ же, все Акимъ Акимычъ проходу не даетъ, страмитъ... по всей округѣ всѣ считаютъ любовницей ее... Ну, чистая гибель наша, матушка!

Сухомлина. А что-же дочь твоя, сама-то она что-же?

Матрена. Что-жъ, Дунька, — дура она, больше ничего, что дура!.. (*Не въ силахъ удержатъ слезъ*).

Зарѣжусь, грить, а то, грить, утоплюсь!.. не соглашается.

Журавлевъ (*очень серьезно*). А ты-то развѣ ей совѣтуешь?

Матрена. Чего?

Журавлевъ. Чтобъ согласилась.

Матрена. Да я ее полѣномъ пришибу, коли она пойдетъ на это!.. (*Плачетъ*). Чистая какъ есть злодѣйка, дурища! Коли, грить, я не утоплюсь, сожгу ему усадьбу всю, пущай въ Сибирь ссылаютъ... Матушка, родная, спаси ты насъ за ради Господа, Успленья Богородицы!..

Журавлевъ. А много вы ему теперь должны?

Матрена. Сейчасъ за нами остается безъ трехъ съ полтиной сорокъ пять рублей.

Сухомлина. (*Взглянувъ на сына и Журавлева съ трудомъ удерживаясь отъ слезъ*). Придумайте, найдите что нибудь, вѣдь такъ нельзя же...

Петръ Валер. Что тутъ придумывать, избить его мерзавца!

Журавлевъ. Ни, ни, ни, ни! Угломоните пылкій духъ вашъ. Лучше мы отыщемъ болѣе легальный способъ. (*Хлопаетъ Матрену по плечу*). Старуха, ничего, не бойся, обладимъ въ лучшемъ видѣ, ничего; покличь-ка дочь.

Матрена. Нейдетъ, боится.

Сухомлина. Дуняша, здравствуй, пойдѣ сюда. Не бойся, пойдѣ голубушка. (*Та медлено, нерѣшительно подходитъ*).

Трифонъ. (*Въ бесѣдкѣ*). Ну, это дѣло не тово... Ахъ, старый чортъ, чего онъ тутъ напуталъ! Надоть идти звать его на выручку. (*Въ бесѣдкѣ слышенъ стукъ падающей скамейки*).

Петръ Валер. Кто тамъ въ бесѣдкѣ? (*Бросается въ бесѣдку и вытаскиваетъ Трифона*). Ты, что

здѣсь дѣлаешь, подслушиваешь, а? Не отпирайся, говори, подслушивалъ?

Трифонъ. Нисколько даже я не отпираюсь, да, подслушивалъ, законъ не воспрещаетъ. А вотъ за шиворотъ меня я не дозволю, права не имѣете. (*Стараясь освободиться*). Пустите, сдѣлайте такое ваше одолженіе, а то вѣдь я и самъ возьму за шиворотъ. (*Вырвавшись и уходя на лѣво*). Матрена, придержи языкъ, не то гляди, опослѣ не влетѣло-бы тебѣ чего! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же безъ Трифона.

Петръ Валер. Каковъ наглецъ!

Сухомлина. Напрасно, Петя, ты такъ горячишься.

Журавлевъ. Молодость!

Сухомлина. Дуняша, подойди. Ты меня помнишь?

Дуняша. Мало помню-съ, больше такъ, отъ маменьки, по разговорамъ.

Сухомлина. Ты, милая, старайся быть благоразумной, не отчаявайся, мы Богъ дастъ все уладимъ.

Дуня (*Потупляясь*). Этого нельзя уладить-съ.

Сухомлина. Почему нельзя? Я заплачу вашъ долгъ.

Дуня. А срамъ-то? Куда-же я отъ сраму дѣнусь, кто же насъ возьметъ? Опять онъ напоить отца, отецъ опять на все будетъ согласенъ. Самъ будетъ послѣ плакать, надрываться, а напоятъ — опять онъ имъ слуга; не даромъ же они его споили съ кругу.

Сухомлина. Такъ что-жъ по твоему?

Дуня. Одно-съ: возьмите, ради Господа, меня куда нибудь подальше... Я всякую могу работу

и по портновской части, и по бѣлошвейной, умѣю грамотѣ, писать могу.

Журавлевъ. Вы чисто пишете?

Дуня (*робко взявнувъ на него*). Да-съ, могу чисто-съ.

Журавлевъ. И грамотно?

Дуня (*такъ же*). Довольно грамотно-съ, меня пять лѣтъ учили.

Сухомлина. Дуняша ты не бойся ничего, ты положишься на насъ: повѣрь, что я не дамъ тебя въ обиду.

Петръ Валер. Но главное, покуда не рѣшайтесь ни на что и не рискуйте жизнью.

Журавлевъ. Вы понимаете, о чемъ онъ говоритъ?

Дуня. (*Опустивъ глаза*). Покорно васъ благодарю-съ, я вижу вашу доброту, я понимаю.

Матрена. Ну, ручку поцѣлуй у барыни, гордячка, ну чего стоишь! Охъ матушка, Варвара Миколаевна, Богъ тебя послалъ, мать ты заступница! (*Бросаясь цѣловать у барыни руки. Входитъ Акимъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же и Акимъ.

Акимъ (*входя торопливо съ лѣвой стороны*). Пожалуйста, Варвара Миколаевна, въ амбаръ-съ, вещички посмотрѣть, которыя купить желали: рамы зимнія, есть мебель кой какая... Амбаръ теперича мы отперли, пожалуйста-съ!

Сухомлина. (*Подозрительно вглядываясь въ его лицо*). Какія вещи? Кто тебя позвалъ сюда?

Журавлевъ. (*Слегка подчеркивая слова*). Пожалуйста, Варвара Николаевна, необходимо видѣть вамъ самимъ.

Акимъ. (*Матрентъ и Дунтъ*). Чего вы тутъ? Пошли, вишь побирušки! (*Матрентъ*). Ты какъ же можешь беспокоить госпожу? Пошла! (*Та идетъ*). Пожалуйста-съ! (*Идетъ впереди господъ*). Дуняша, разживись кошелкой у Аринъ Ивановны, для барыни малины набери, чтобъ къ ужину, живѣй! Александра Митричъ, сдѣлайте такое ваше одолженіе, пожалуйста-съ! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Матрена и Дуня.

Матрена. (*Возвращаясь*). Дуняшечка, голубушка, полѣгчало тебѣ теперь у сердца? Вотъ онъ Господь-то, видишь ты... А ты—сожгу, въ Сибирь пойду, утопну!...

Дуня (*Съ невольно вырвавшимся воплемъ*). Охъ, маменька, да нешто мнѣ легко такъ говорить!

Матрена. Ну, ну, молчи, услышитъ еще кто на грѣхъ, молчи! Теперича я словно водки напилась, отъ сердца отлегло!.. Не плачь, пошла, собирай малину, дура! (*Быстрыми шагами уходитъ въ глубину*).

(*Дуня идетъ на лѣво. Справа входитъ Глаша въ сопровожденіи Силоамскаго*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Дуня, Глаша и Силоамскій.

Глаша. (*Дунтъ*). Ты что здѣсь пляешься въ саду одна, по ягоды, малину воровать пришла?

Дуня. Нѣтъ врешь, не воровать, собирать сейчасъ иду; отецъ твой приказалъ, для барыни.

Глаша. Какъ, для мамашки?

Дуня. Да нешто твоя мать-то барыня?

Глаша. А кто-же? Да какъ ты смѣешь говорить со мной такимъ манеромъ: ты, да ты!

Силоамскій (*грозя ей тростью*). Послушай ты, ты здѣсь не забывайся. Я такъ тебя отсюда жигану!...

Дуня. Ударьте, если это вамъ не стыдно. Ей это можно все простить, что съ нея взять-то, на сто верстъ извѣстна—дура; а вы-то бариномъ зоветесь. Ну, ударьте! Что, стыдно стало? Эхъ вы, срамники! (*Быстро уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же безъ Дуни.

Глаша. Вотъ черезъ васъ, Тарасъ Егорычъ, я попала въ дуры.

Силоамскій. Простите, извините ради Бога; но знаете, — терпѣнье мое лопнуло! А между прочимъ, повѣрьте, я никакъ не ожидалъ, чтобъ черезъ этотъ мой поступокъ вы получили себѣ брань.

Глаша (*смѣясь*). Да я не обижаюсь, потому — отъ дуры слышу. Я это ужъ давно замѣтила: кто эдакъ вотъ ругаетъ—дура, тотъ безпремѣнно самъ дуракъ, ужъ это такъ всегда.

Силоамскій. Присядьте здѣсь, въ уединеніи отъ всѣхъ, поговоримте. (*Садятся*).

Глаша. Здѣсь очень превосходно, воздухъ легкій.

Силоамскій. Глафира Акимовна, я вамъ хотѣлъ сказать... мы слишкомъ долго тянемъ наши чувства.

Глаша. Отъ васъ зависимо.

Силоамскій. О нѣтъ, не отъ меня-съ. Я вашему родителю все изложилъ весьма давно, — и точно и опредѣленно, и чувства всѣ мои, и всю мою карьеру, какъ-то: мой чинъ, что получаю и что меня впослѣдствіи по службѣ ожидаетъ, — ступени, по коимъ возвышаясь, я долженъ по порядку достигать: первоначально—въ коллежскіе секретари, послѣдовательно — титулярный; — въ послѣдствіи того—въ коллежскіе ассесоры, въ надворные совѣтники, въ коллежскіе совѣтники, а тамъ ужъ и святилище: первоначально въ статскіе и въ заключеніе—генераль!

Глаша. Какъ, — генераль, и съ аполетами? А это будетъ скоро?

Силоамскій. Да-съ; можетъ быть при счастіи довольно скоро, лѣтъ черезъ двадцать пять. Но эполетъ для насъ не полагается; тутъ болѣе значеніе отвлеченное.

Глаша. Ужъ вы просите сами, папаша не послушаетъ меня, онъ все бранится.

Силоамскій. Я тутъ подозрѣваю кое-что...

Глаша. А что?

Силоамскій. Простите, но я отъ природы отъ моей ревнивъ... Боюсь, что къ Семихатову сочувствіе у васъ. Вы мнѣ не отвѣчаете? Но онъ вѣдь негодяй, мошенникъ, жену свою онъ уморилъ... Я поищу — найду такіе документки... Не обольщайтесь его льстивыми рѣчами и веселымъ правомъ, — что онъ есть такое? А со мной-то будемъ жить въ губернскомъ городѣ... Какой соборъ у насъ, какіе пѣвчіе. А лѣтомъ, — у себя въ имѣніи... (*Увидя входящаго Семихатова*). О, прахъ тебя возьми, опять идетъ этотъ счастливѣйшій соперникъ!

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же и Семихатовъ.

Семихатовъ. А, вотъ вы гдѣ, а я то васъ ищу. Глафира Акимовна, я думалъ—вы къ рѣкѣ пошли, ходилъ туда. Какая прелесть! Солнце, знаете, садится, отраженіе по всей рѣкѣ... да кулички свистятъ, да квакають лягушечки... восторгъ! Пойдемте.

Силоамскій. Теперь тамъ сыро, можно себѣ насморкъ получить, и даже въ горлѣ... что-либо подобное.

Семихатовъ. А вы, коли вы вѣжливый мужчина, кавалеръ, сходили-бы и принесли для нихъ платочекъ, или шаль какую.

Глаша. Тарасъ Егорычъ, если вамъ не въ трудъ—мой дипломатъ-бы принесли.

Силоамскій. Въ томъ есть ваше желаніе?

Глаша. Конечно.

Силоамскій. Не только что иду, бѣгу-съ, какъ древній рыцарь, или какъ амуръ, бѣгу! (*Быстро уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Семихатовъ и Глаша.

Семихатовъ. И эту чучелу вы мнѣ предпочитаете, — какъ вамъ не грѣхъ, какъ вамъ не стыдно!

Глаша. А въ чемъ его я почитаю? Я ни чемъ не почитаю; это вы напрасно, вы не врите.

Семихатовъ. Когда-же, наконецъ, рѣшится моя участь, объясните мнѣ?

Глаша. Я не могу сама, толкуйте сами съ батенькой.

Семихатовъ. Но я же говорилъ ему... Вы сами-то скажите мнѣ по правдѣ, — правлюсь я вамъ?

Глаша. Да.

Семихатовъ. А Силоамскій этотъ здѣсь при чемъ? Поймите, вѣдь вамъ за двухъ нельзя-же замужъ выходить, должны-же вы, наконецъ, отказать кому-нибудь изъ насъ?

Глаша. Ахъ, не могу, ей Богу не могу; что-жъ я тутъ сдѣлаю?

Семихатовъ. Ну, хорошо, я это порѣшу, самъ порѣшу, самъ, самъ! Но прежде вы должны-же мнѣ признаться откровенно: — правлюсь я вамъ или нѣтъ?

Глаша. Вотъ надоѣли, — правитесь.

Семихатовъ. А вы докажете мнѣ?

Глаша. Что?

Семихатовъ. А то, что меня любите. Одинъ вашъ поцѣлуй, одинъ! (*Она молчитъ*). Я умоляю, Глаша, Глашенька! (*Онъ обнимаетъ ее*).

Глаша. Ей Богу, попадетесь вы, увидить кто-нибудь...

Семихатовъ. Нѣтъ, не увидятъ, нѣтъ... (*Цѣлуетъ ее*). Глашута, Глашечка!

Глаша (*отстраняя его*). Охъ, задушили, какъ крѣпко вы цѣлуетесь, ей Богу, больно даже, ну, отстаньте!

Семихатовъ. Такъ — любишь?

Глаша. А то нѣтъ? Душевно влюблена! Пойдемте къ рѣчкѣ. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Дуня одна, потомъ Акимъ.

Дуня (*входя справа съ корзинкой*). Солнце ужъ садится, а онъ малину набирать велѣлъ... Опять тутъ не проста, опять какаянибудь его выдум-

ка. (*Подойдя въ глубинѣ къ кустамъ малины*). Ахъ, Господи, зачѣмъ мы родились-то на свѣтъ Божій! Какіе мы есть люди, какая наша жизнь... зачѣмъ?... Вотъ, кажется, сейчасъ бы умерла, ей Богу, съ радостью... (*Набираетъ малину. Не вдалекѣ отъ нея показывается Акимъ*).

Акимъ (*тихо*). Дуняша!

Дуня (*она замерла отъ испуга*). Ахъ!

Акимъ. Что, испугалась?—Про что ты говорила барынѣ, давай отвѣтъ?

Дуня. Я ничего не говорила.

Акимъ. Врешь! Ты—со мной спорить? — Слушай, сейчасъ же уѣзжай на хуторъ съ твоей матерью, покедова они уѣдутъ изъ Хрущевки; а тамъ опять сюда.

Дуня. Не будетъ этого.

Акимъ. Ты то не забывай, что я твоего отца-то съ матерью въ какъ согну, въ дугу... Ты думаешь, такимъ манеромъ увернешься? Я сколько разъ тебѣ сказалъ, Дуняша, помни: кого я люблю — озолочу! И избу тебѣ выстрою, и денегъ дамъ, нарядовъ,—ну всего! И всю твою поганую родню буду кормить и ублажать... Ты что затѣяла, объ чемъ ты говорила съ ними?

Дуня. Ни о чемъ не говорила... Отойди ты! Сказала я тебѣ—сожгу усадьбу, и сожгу.

Акимъ. Да жги, чего грозишь-то,—наплевать, у насъ все застраховано; барышъ-то будетъ мнѣ, а не тебѣ. А вотъ тебя то, такъ туда ушлютъ...

Дуня. Пускай ушлютъ. Да отойди ты дьяволъ, отойди, не трогай!

Акимъ. Да ну, не трогаютъ тебя. Ты слушай, про что ты говорила ей?

Дуня. Про все. Освободить меня просила отъ тебя, отъ кабалы твоей.

Акимъ. А... Ну, такъ слушай: напрасно это ты затѣяла, стой!... (*Въ кустахъ показываются Журавлевъ и Петя*). Ты то не забывай: они уѣдутъ, а я то здѣсь останусь... Самъ украду здѣсь, у себя же, что нибудь—да твою мать воровкой покажу,—что вы тутъ сдѣлаете? Кто здѣсь противъ меня защита, кто, скажико-ся? Урядникъ, что ли, за двадцать-то верстъ? Аль можетъ — староста, пьянчужка, али сотскій?... Ну, разсудика ты умомъ, ты дѣвка умная. (*Смягчая тонъ*). Съ чегожь ты споришь-то, когда тебѣ—все, что ты хочешь—и ласку, и награду, и любовь... Слышь, уѣзжай на хуторъ, слышишь?

Дуня. Слышу!

Акимъ. Сейчасъ же уѣзжай...

Дуня. Нѣтъ, не поѣду.

Акимъ. Ой, не серди меня, запомни: что я сказалъ—я все то сдѣлаю.

Дуня. Не сдѣлаешь.

Акимъ. Нѣтъ, сдѣлаю!

Дуня. Не сдѣлаешь! Зарѣжу я тебя, пока ты сдѣлаешь.

Акимъ. А... вотъ ты какъ? Пошла! (*Пытаясь сдвинуть ее съ мѣста*). Пошла я говорю! (*Хватая ее крѣпко за руки*). Пошла!

Дуня (*вскрикивая*). Ай, больно, батюшки, пусти, пусти!

Петръ Валер. Что здѣсь такое? (*Подбѣгаетъ къ нимъ съ Журавлевымъ*).

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ же, Петръ Валеріановичъ и Журавлевъ.

Журавлевъ. Что, милый другъ, Акимъ Акимовичъ, попался?

Акимъ. Въ чемъ я попался вамъ? Я здѣсь свою работницу учу.—Въ чемъ я попался?

Петръ Валер. Чему ты учишь — это мы здѣсь слышали.

Журавлевъ. И чѣмъ грозилъ — все, все мы двое слышали. Въ свидѣтели пойдѣмъ, присягу примѣмъ и осраимъ, мой милый другъ, тебя за первый сортъ!

Акимъ. А... вотъ ты какъ, — на чужой хлѣбъ пріѣхалъ, въ чужомъ дому живешь, въ гостяхъ, да самъ же осрамить грозишься, — погоди! Я докажу, я докажу, постой...

Журавлевъ.. Ты чѣмъ доказывать-то будешь, кулаками? не спорь со мной, Акимъ, побереги себя,—я тоже, братецъ мой, большая шельма, не съ эдакими,—съ каторжными спорилъ, и тѣхъ въ Сибирь ссылалъ. (*Смѣется*). Сейчасъ издохнуть.

Акимъ. Дуняшка, вонъ пошла, сейчасъ пойдешь на хуторъ! А съ вами, милостивый государь мой, завтра я не такъ поговорю.

Петръ Валер. Да что ты, ты съ ума сошелъ?

Журавлевъ. Петръ Валеріановичъ, отойдите, милый другъ. (*Акиму*). Знай, борода, одно: мы два свидѣтеля, покажемъ подъ присягой; разочти въ умѣ своемъ.

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ же и Сухомлина (которая вошла нѣсколько ранѣе). Глаша, Силоамскій и Семихатовъ (вошедшіе съ противоположной стороны)

Сухомлина. (*Она очень раздражена и недовольна*). Акимъ Акимычъ, это что такое?

Акимъ. Да что-жь, помилуйте, въ моемъ имѣніи, и вдругъ такіе, напримѣръ...

Сухомлина. Молчите вы! Мнѣ, милый мой, известно очень многое... Ты думаешь, что коли ты не пойманъ, такъ не воръ, — ты ошибаешься. Я завтра напишу объ этомъ губернатору, сама поѣду и къ нему и всюду куда нужно, все докажу...

Петръ Валер. Не трудно доказать, я слышалъ все.

Сухомлина (*продолжая*). Все докажу и, милый, ты заплатишься.

Акимъ. Ну, это погодимъ!

Сухомлина (*возвышая голосъ*). Совѣтую быть поскромнѣе; не забывай, что между нами разница большая, милый мой. Дуняша, ты пойдешь со мной, ко мнѣ, во флигель. Прошу васъ, Александръ Дмитричъ, пожалуйста ко мнѣ, я напишу письмо, а вы его пошлете. (*Съ презрительной укоризной Акиму, уходя*). Стыдно, старикъ, грѣхъ и стыдно! (*Уходитъ. Петръ Валеріановичъ, Журавлевъ и Дуня за ней*).

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Акимъ, Глаша, Силоамскій, Семихатовъ и Трифонъ.

Трифонъ (*который вошелъ слѣдомъ за Сухомлиной. Про себя*). Ахъ, старый чортъ, какъ влопался несоотвѣтственно!

Акимъ. Тьфу, прострѣли тебя, вотъ обработала!

Глаша. Папаша, это что-жъ такой за страмъ, какъ вы сконфузились! Ну, что они теперича про насъ расскажутъ тамъ, въ Москвѣ-то? Тарасъ Егорычъ, а? Иванъ Ивановичъ, вотъ разговору-то теперь про насъ пойдетъ!...

Акимъ. Молчи ты, дура!

Глаша. Да, какъ же, есть оказія молчать. Сolidный человѣкъ, помѣщикъ, дочь невѣста—и вдругъ такая прокламація! Вотъ тутъ и расхлебывай!..

З а н а в ѣ с ъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Сцена представляет барскій дворъ. Направо широкій подъѣздъ дома, съ колоннами и двумя львами по бокамъ подъѣзда. На авансценѣ открытыя ворота въ садъ; за подъѣздомъ, глубже него, кое-какъ устроенный загонъ для куръ. На львахъ сушатся рогожки, ручники и тому под. Въ глубинѣ, налѣво, виднѣнъ флигель. Направо, на авансценѣ, столъ, на немъ чайныя чашки, горшокъ со сливками и бутылка водки. Кругомъ него разставлены разнокалиберные стулья. Раннее утро.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Арина, потомъ Акимъ, за которымъ въ отдаленіи слѣдуетъ Семка.

Арина (бросаетъ съ крыльца курамъ разные вчерашніе объѣдки). Цыпъ, цыпъ, цыпъ, цыпъ! Цы-ыпъ, цыпъ, цыпъ!

Акимъ. (Онъ раздраженъ и мраченъ). Гм... стоило бы ихъ собаками проклятыхъ затравить! А этотъ, раздави его телѣга, рыжій зубочесъ... Нѣтъ, погоди, я, братецъ мой, самъ солощъ! (*Аринъ*). Трифонъ съ поля еще не бывалъ?

Арина. Нѣ... не бывалъ. Рожь нынче косятъ, начинаютъ, по косограмъ.

Акимъ. А я не знаю, что-ли? Вотъ сказала, стоеросовая! А Васька Крысинъ изъ Ельца еще не ворочался, не слыхала?

Арина. Не слыхала. Цы-ыпъ, цыпъ, цыпъ!

Акимъ. Давайте самоваръ.

Арина. Сейчасъ будетъ готовъ, Максютка наставляетъ.

Акимъ. Скорѣйча, не время мнѣ, ступай, поторопи! (*Она уходитъ*).

Акимъ (*разсуждая самъ съ собой*). Ужъ это, чую я, сегодня безпремѣнно Семкинъ долгъ она отдастъ мнѣ... Нельзя не взять, возьму. Ну, только нѣтъ, позвольте, не выпущу я ихъ отсюда ни за что! Охъ, Дунька, чортова змѣя, не увернешься... Ужъ коли я что захотѣлъ, задумалъ... вѣдь ишь глазищи-то, а голосъ-то у ей... Тьфу, чтобъ тебя, нѣтъ, не уйдешь, стой! (*Семкѣ*). Семенушко, поди сюда, старикъ.

Семка. Чего извольте?

Акимъ. Я, братецъ мой, тобой доволенъ, твоей службой.

Семка. Какая-жъ моя служба... ломаный я человекъ, Акимъ Акимычъ, черезъ эсту водку.

Акимъ. Ну, кто безъ грѣха. А на Матрену съ Дунькой я серчаю.

Семка. По какой причинѣ?

Акимъ. А за вчерашнее.

Семка. Признаться, я вчерась маленько выпилъ, на сѣновалѣ все лежалъ... А нешто было что?

Акимъ. Срамить меня задумали при барынѣ, жена твоя меня оболгала въ отдѣлку.

Семка. Ну?

Акимъ. Ну, да Богъ съ ней. А вотъ тобой-то я доволенъ, тихій, смирный.

Семка. Акимъ Акимычъ, намъ безъ тишины нельзя, по той причинѣ, что народъ мы ломаный... опять-же—въ рабствѣ, въ полной, все одно—былиночка, примѣрно,—попынокъ... вонъ

махонькій, зелененькій, во ржѣ. Какъ намъ безъ тишины? Пить ѣсть вѣдь тоже надо.

Акимъ. Ну, вотъ и то-то-же. Я за такія за твои слова награду тебѣ дамъ. Картузъ ты потерялъ?

Семка (*ощупывая голову и ища картузъ*). Нѣ... пропилъ!

Акимъ. Сапоги въ закладѣ?

Семка. Только что всего до Покрова... Сейчасъ и такъ тепло.

Акимъ. Награды тебѣ—пять цѣлковыхъ, купи картузъ и сапожники выкупишь. Погодь, сейчасъ я. (*Уходитъ въ домъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Семка одинъ, потомъ Акимъ.

Семка (*прищуривая одинъ глазъ*). Э!.. пять цѣлковыхъ... не надуешь, дядя! Охъ, вижу я, страсть ему хочется меня спойть, то есть вотъ какъ,—сейчасъ бы взялъ да и спойлъ. Анъ врешь, постой. Мы выпить выпьемъ, въ томъ обиды нѣту... Ну, ежели ты на счетъ Дуньки что,—постой, такъ туюну по затылку—чикъ, какъ изъ ружья. А выпить—для чего не выпить, мое счастье.

Акимъ (*возвращаясь съ чернильницей и бумагой*). На, пять рублей, бери.

Семка (*ловитъ у него руку и цѣлуетъ*). Покорнѣйше благодаримъ, пошли вамъ Господи!

Акимъ. А нуко-ся, опохмѣлись. (*Наливаетъ чашку водки*).

Семка. Охъ, не годилось-бы... (*Беретъ чашку*). Ишь, подлая! Что я ей выпилъ на своемъ вѣку... Ей Богу, кабака четыре. (*Пьетъ*). У-а! Такъ вотъ по всѣмъ по жиламъ и раскотится. Покорнѣйше благодаримъ.

Акимъ. Теперича, Семенъ, ты распишись для памяти мнѣ, что, молъ, получилъ пятишницу. Росписку я, братъ, заготовилъ вчера вечеромъ.

Семка. Чего-жъ не росписаться, — грамотѣ умѣемъ. Гдѣ писать?

Акимъ. Вотъ эвонъ, тутъ, внизу пиши. (*Диктуетъ по слогамъ*). Сполна получено. Семенъ Филипповъ Агишкинъ.

Семка. (*Онъ замѣтно охмѣлѣлъ. Окончивъ писать*). Вѣрно?

Акимъ. Вѣрно.

Семка. Ну, только ты на счетъ Дуняшки — помни: коли ты ежели, примѣрно-что либъ ђчто — по затылку! Почему — родитель я ей, — понимаешь?

Акимъ. Ну, само собой.

Семка. Ну то-то же. Ни Боже мой, ни Боже мой... вѢ какъ! Ты можешь понимать? И я могу. Мы люди — вѢ: подошва, съ сапога подошва... Ну, только — не замай.

Акимъ. Само собой. Иди, голубчикъ, Богъ съ тобой, усни.

Семка. А нешто не усну? Усну. А принесутъ работу — иголка, нитка, на примѣръ, утюгъ... вотъ какъ сработаемъ! Намъ наплевать, что ты халуй господскій, — мы уважимъ, вотъ какъ уважимъ, страсть! (*Кланяясь, говоритъ тихимъ голосомъ*). Прощайте-съ, честь имѣемъ вамъ... мое почтеніе! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Акимъ одинъ, потомъ Арина и Максютка.

Акимъ (*просматривая росписку*). Ну, теперь крѣпко. (*Читаетъ*). „И получилъ съ него, купца Акима Недососова, шестьдесятъ пять рублей, ко

торые и обязуюсь заработать, совмѣстно съ дочерью моею, Евдокіей, и женой Матреной“. Нѣтъ, не вывернутся. (*Въ это время Максютка ставитъ самоваръ, Арина завариваетъ чай и отходитъ къ курятнику*). А этихъ я господъ сегодня же съ двора сгоню; я у себя хозяинъ, наплевать!

Арима. Цы-ыипъ, цыпъ, цыпъ!

Акимъ. Да ну те съ курами, отстань, садись, пей чай. (*Входитъ Трифонъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же и Трифонъ.

Трифонъ. Дяденька-съ, вотъ изъ Ельца отвѣтъ. Я на дорогѣ Ваську встрѣтилъ. Письмо я прочиталъ.

Акимъ. Аринъ, очки мои.

Трифонъ. Зачѣмъ-съ, я вамъ и такъ все расскажу, прочту-съ. Извольте видѣть, — Терентій Саввичъ пишетъ (*читаетъ*): „По полученіи, все дѣло я узналъ въ аментъ. Кромѣ Медвѣдевской покупки они намѣреваются у друга моего, пріятеля достопочтеннаго Акима Акимыча, Хрущевку отобрать судомъ, съ уплатой оному принадлежащей суммы денегъ“.

Акимъ. То есть, это какъ же? На вѣчное имѣнье куплено, по купчей; исправникъ во владѣніе вводилъ, да отобрать? Да что онъ вретъ-то?

Трифонъ. А вотъ позвольте. (*Продолжаетъ читать*). „Какимъ количествомъ желаютъ обьегорить, доподлинно узнать не могъ. Но ты, какъ есть твоему племянникъ дядѣ, совѣтъ мой передай про осторожность. И не сердить, и если выгодно, то продавать, по той причинѣ,—все про-

чье есть тлѣнь и суета, окромѣ денегъ, кои возможно схоронить всегда во всякомъ мѣстѣ и даже безъ вреда. Терентій Луковъ“.

Акимъ. Гм, вотъ какъ! Какая нибудь штука ядовитая сидитъ... надумали!

Трифонъ. Надумали-съ. Я одного никакъ не догадаюсь—для чего тутъ судъ-съ?

Акимъ. А кто ихъ знаетъ. А я ужъ, было, ихъ хотѣлъ тово,—гнать по шеямъ.

Трифонъ. Какъ это, дяденька, возможно! Тутъ напротивъ-съ, тутъ надо выцѣдить изъ нихъ, узнать—какая въ нихъ фантазія, чтобъ моментально можно было рикашетомъ имъ на отвѣтъ,—моль, стойте, обождите нѣсколько, моль такъ нельзя-съ.

Акимъ. Ну-инъ по твоему. Арина слушай!

Арина. Ты чего?

Акимъ. Ты слушай, — что я тебѣ приказывалъ на счетъ господъ, — въ отмѣну. Не то что съ грубостью, а цѣлуй ручки. И стульчикъ подверни, и поклонись,—они до этого охотники. Ты чуешь?

Арина. Ладно.

Акимъ. Что-жь, Трифонъ, — цѣну ежели дадутъ — продамъ.

Трифонъ. Зачѣмъ-съ?

Акимъ. Спокойнѣе. Пущай дадутъ все, что насчитано у насъ,—шестьдесятъ восемь тысячъ, да барыша... за девяносто тысячъ получайте. Какъ ты скажешь?

Трифонъ. Нда-съ, эдакимъ манеромъ — барышекъ веселенькій, рубль съ четвертью на рубль.

Акимъ. Что-жь, мы и скинемъ. Охъ, Трифонъ, чую я—подмаслятъ они намъ... Слышь, гляди въ оба!

Трифонъ. Охъ, дяденька-съ, не говорите-съ, какъ неизмѣнное копье за вами буду... вѣ, — до безконечности-съ.

Акимъ (*подумавъ*). Кто знаетъ, можетъ мы еще съ тобой и наживемъ отъ ихней дурости?

Трифонъ. Какъ Господу угодно будетъ, дяденька, тутъ развѣ угадаешь... А наипаче, надоть послѣдить поаккуратнѣе. (*Изъ флигеля выходитъ Журавлевъ. Трифонъ кашляетъ въ руку и понижая голосъ*). Дяденька, идетъ подлець-то энтотъ, вы — послаще-съ. (*Поклонившись почтительно Журавлеву, уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же и Журавлевъ.

Акимъ (*вставая къ нему на встрѣчу*). А, баринъ, наше вамъ-съ! Какъ почивать изволили?

Журавлевъ. Благодарю покорно, спалъ отлично.

Акимъ. У насъ на этотъ счетъ во флигорѣ чудесно: ни мошки, ни букашки, ни клопика—въ заводѣ нѣтъ; по той причинѣ—мы не любимъ этого.

Журавлевъ. А развѣ есть—кто любить?

Акимъ. Э, всякаго народу есть на свѣтѣ. А мы съ женой не уважаемъ, даже и совсѣмъ не любимъ. (*Небольшое молчаніе*). Александра Митричъ!

Журавлевъ. Что?

Акимъ. Давай мириться.

Журавлевъ. Да я съ тобой не ссорился.

Акимъ. Ну, какъ не ссорился? Вчерась-то изругалъ меня при всемъ народѣ. Ну, давай мириться. (*Подаетъ ему руку*). Пожалуйста, чайку стаканчикъ.

Журавлевъ. Нѣтъ, спасибо, сейчасъ я выпилъ два стакана молока.

Акимъ. Ну, водочки.

Журавлевъ. Нѣтъ, по утрамъ не пью.

Акимъ. Ну, такъ присядьте.

Журавлевъ. Присядемъ, хорошо. Арина Ивановна, здравствуйте.

Арина (*робко взянувъ на мужа*). Здравствуй-те-съ, мое вамъ почитаніе-съ. (*Неожиданно для него цѣлуетъ его руку и подставляетъ ему стулъ*). Пожалуйста-съ, садитесь, сдѣлайте такое одолженіе-съ!

Журавлевъ. Помилуйте, зачѣмъ, къ чему... (*Про себя, садясь на стулъ*). Ого, тутъ перемѣна декораціи, придуманъ новый планъ войны... пошла стратегія! А очень любопытно бы узнать, что они задумали? *Вслухъ*). Такъ что-жь, Акимъ Акимычъ, продадите мебель?

Акимъ. Все продадимъ, все, что желаете, за-вѣтнаго у насъ вотъ какъ—ни прутика; ну только чтобъ цѣна была какъ слѣдуетъ. Набавьте, баринъ!

Журавлевъ. Вотъ я ужотко съ барыней поговорю. (*Увидя входящаго Сухомлина*). А, Петръ Валеріановичъ, вы что-же это нынче батюшка, такъ поздно?

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ же и Петръ Валеріановичъ.

Петръ Валер. Заговорился съ мамой, пили чай.

Акимъ. Мое почтеніе, сударь, Петръ Валеріановичъ. (*Протягиваетъ ему руку*).

Петръ Валер. Здравствуйте.

Арина. Здравствуйте, Петръ Валерьянычъ, батюшка. (*Онъ подаетъ ей руку, она ее неожиданно цѣлуетъ*).

Петръ Валер. (*отдернувъ руку*). Зачѣмъ вы это!..

Арина. Ничего-съ, помилуйте, намъ въ удовольствіе.

Петръ Валер. (*Аринѣ*). Васъ проситъ моя матушка—зайдите на минутку къ ней.

Арина. Сейчасъ-съ.

Петръ Валер. И васъ, Акимъ Акимычъ.

Акимъ. Когда-съ? Сейчасъ?

Петръ Валер. Да, она дома.

Акимъ. А нешто дѣло есть какое-съ?

Сухомлинъ. Я не знаю.

Акимъ. Такъ-съ. Сейчасъ-съ. (*Идетъ къ флигелю и останавливаетъ Арину*). Аринѣ, не надо, я одинъ пойду, ты не ходи, ступай домой. (*Уходитъ*).

Арина (*возвращаясь мимо дома въ садъ, про себя*). Вишь грѣховодникъ, застыдился... А ничего не сдѣлаешь ты съ нимъ. Чуть про Дуняшку ротъ разину,—и сейчасъ онъ драться. И изобьетъ, и изобьетъ, и изобьетъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Журавлевъ и Петръ Валеріановичъ.

Журавлевъ. Ну, Петръ Валеріанычъ, батюшка, бѣда,—всѣ кругомъ врутъ,—пошла война не на животъ, а на смерть.

Петръ Валер. Да почему же такъ?

Журавлевъ. Такъ-съ, носомъ чуютъ. Кулацкая порода—чуткая. Кого бы мнѣ изъ нихъ переманить на нашу сторону? Арину? — Дура. Три-

фона? — Нѣтъ, этотъ всѣхъ и проведетъ, и выведетъ и нашихъ и своихъ, и всѣхъ надуетъ.

Петръ Валер. (*завидя вдали Глашу, гуляющую съ лиловымъ зонтикомъ*). Смотрите, Александръ Дмитріевичъ, — Глашенька расфранчена, горда. Взгляните на нее, — совсѣмъ принцесса.

Журавлевъ (*ударяя себя по лбу*). Стойте, эврика... Петръ Валеріановичъ, матушка, голубушка, уйдите, — какая мысль!.. Уйдите, ради Бога!

Петръ Валер. Зачѣмъ, куда уйти?

Журавлевъ. Куда хотите, вонъ въ садъ, сюда. Я послѣ расскажу, оставьте меня съ ней наединѣ.

Петръ Валер. На долго?

Журавлевъ. Нѣтъ. Ну, уходите, уходите! (*Тотъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Журавлевъ и Глаша.

Журавлевъ (*направляется ей на встрѣчу*). Здравствуйте, Глафира Акимовна, съ добрымъ утромъ!

Глаша (*отворачиваясь отъ него*). Здравствуйте.

Журавлевъ. Гуляете?

Глаша. Вы видите — гуляю, что-жъ вы спрашиваете?

Журавлевъ. Прекрасный у васъ зонтикъ!

Глаша. Не дурёнь. Отстаньте, сдѣлайте такое ваше одолженіе.

Журавлевъ (*съ удивленіемъ*). За что вы сердитесь?

Глаша. Сержусь.

Журавлевъ. За что?

Глаша. За то, что вы у насъ имѣнье отымать хотите.

Журавлевъ. Да что за вздоръ, кто это вамъ сказалъ?

Глаша. Кто? А сейчасъ Трифонъ. Онъ говорилъ папашкѣ, а я слышала. Намъ отъ папашки всѣмъ приказано смотрѣть за вами, по той причинѣ — вы насъ обмануть хотите, — очень это стыдно.

Журавлевъ. Да что онъ вретъ, помилуйте!

Глаша. Нѣтъ, онъ не вретъ. Вы думаете, мы дураки, не знаемъ? А мы знаемъ. Мы въ городъ посылали верхового, намъ и написали. Безстыдники вы, больше ничего!

Журавлевъ. Неправда; вѣрьте мнѣ, Глафира Акимовна, это все неправда.

Глаша. Очень это благородно вы придумали! Мнѣ время замужъ выходить, отъ жениховъ отбою нѣтъ и здѣсь есть, и въ Ельцѣ, и даже вонъ въ Ефремовѣ есть трое, а вы мое приданое отнять хотите, счастья меня лишить мово — чудесно!

Журавлевъ. Ну, чѣмъ мнѣ доказать вамъ, чѣмъ мнѣ васъ увѣрить... Слушайте, вы вѣрите божбѣ?

Глаша. Божбѣ? Конечно, это отъ того зависимо божба какая... Конечно, я божбѣ могу повѣрить.

Журавлевъ. И повѣрьте. Да неужели вы до сей поры еще не поняли, въ чемъ дѣло?

Глаша (*поглядывая на него съ недоумѣніемъ*). Да что-жъ мнѣ понимать?

Журавлевъ. Не поняли?—Нѣтъ, извините, но я вамъ не вѣрю. Я не могу повѣрить, что бы вы, съ такимъ умомъ, какъ вашъ, и вдругъ не поняли. Не лгите мнѣ, не лгите, не обманете! Повѣрю я, что-бы эти умные, прелестные глаза да не видали ничего что происходитъ?

Глаша. Какъ, то есть, не видали? Нѣтъ, я вижу чисто.

Журавлевъ. Ну, вотъ то-то же! И вы мнѣ говорите, что не поняли того, что бѣдная Варвара Николаевна и спитъ и видитъ возвратить Хрущевку сыну? Вы этого не понимаете?

Глаша. Чего-жъ не понимать. Я, кажется, все понимать могу,—не маленькая.

Журавлевъ. Конечно понимаете, все понимаете, я вамъ про-тò и говорю, что понимаете. Но это-то вы поняли?

Глаша. Что,—это?

Журавлевъ. А тò, что я вамъ говорю теперь.

Глаша. Да, поняла.

Журавлевъ. Ну, какъ же можетъ возвратить она Хрущовку?

Глаша (*въ недоумѣніи*). Я не знаю.

Журавлевъ. А я знаю. Однимъ только путемъ, однимъ, однимъ, однимъ: стать передъ вами на колѣнки и плакать, умолять, чтобъ вы влюбились въ ея сына.

Глаша. Въ барина?

Журавлевъ (*продолжая*). И согласилась выйти замужъ за него.

Глаша. Какъ—замужъ? За кого?

Журавлевъ. Да за него же, Господи, за сына, за Петра за Валеріановича.

Глаша (*не сразу понявъ въ чемъ дѣло*). Такъ вотъ что? Побожитесь!

Журавлевъ. И вы хотите, чтобы я повѣрилъ, что вы до сей поры не замѣчали этого?

Глаша. Конечно замѣчала... То есть, я... я не замѣчала, а такъ, думала...

Журавлевъ. Вотъ видите,—вы думали. А вы о чемъ же думали?

Глаша (*сконфуженно*). Такъ думала: красавецъ, миленькій, молоденькій...

Журавлевъ. И, знаете, вы въ этомъ не ошиблись, правда ваша: миленькій, молоденькій; вы превосходно поняли его! Такъ стало быть, Глафира Акимовна, вы не противъ?

Глаша. Конечно что... Напротивъ сердца нешто дѣвушки возможно?..

Журавлевъ. Скажите, —изъ Ельца вамъ привезли это письмо когда, сегодня?

Глаша. Да, сегодня поутру.

Журавлевъ. А, поутру... Вы видите, какъ переврали все, какъ перепутали.

Глаша. Да, теперь вижу.

Журавлевъ. Ну, стало быть готовыте намъ приданое! Ахъ, кстати, —посуда здѣсь была хорошая, французская, три сундука, —Акимъ Акимычъ ее продалъ?

Глаша. Нѣтъ, не продалъ, это онъ вретъ, что продалъ; въ амбарѣ въ верхнемъ заперта.

Журавлевъ. А... въ томъ, который возлѣ сада?

Глаша. Да, который возлѣ сада.

Журавлевъ. А выйдите вы замужъ, да въ Москву поѣдете... Бывали въ Москвѣ?

Глаша. Нѣтъ, не бывала. Окромѣ я Данкова не бывала.

Журавлевъ. Нигдѣ?

Глаша. Нигдѣ.

Журавлевъ (*продолжая*). На балъ пріѣдете, тамъ музыка, огни...

Глаша. Какіе?

Журавлевъ. Разные огни. До тысячи свѣчей горить.

Глаша. Да ну-те?

Журавлевъ. Ей Богу, провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ. И всѣ танцуютъ, барышни, танцоры, генералы...

Глаша. Въ аполетахъ?

Журавлевъ. Въ эполетахъ. А вы-то съ мужемъ съ молодымъ, красавица, богачка, всѣ вамъ кланяются, всѣ кругомъ подчуютъ, — конфекты, пряники, лимоны, апельсины. .

Глаша (*не въ силахъ удержаться отъ восторга*). Да ну васъ, тѣфу, ей Богу, шабала, чего не вздумаетъ!

Журавлевъ. Такъ можно это дѣло начинать? Согласны?

Глаша. Начинайте. (*Опускаетъ глазки*).

Журавлевъ. Согласны?

Глаша. Видите небось, чего-жъ конфузите...

Журавлевъ (*видя Сухомлина, идущаго изъ сада*). Вотъ онъ идетъ сюда. Замѣтьте, онъ ужасно робокъ, ободрите вы его немного. Да вотъ что, — вы бы объ этомъ вашей маменькѣ сказали.

Глаша. Хорошо. А батинькѣ?

Журавлевъ. Что-жъ, и ему скажите; не сразу только, знаете, а такъ, намекомъ. Но Трифону — ни слова!

Глаша. Ну еще бы! Мужикъ, и вдругъ господскіе секреты будетъ знать.

Журавлевъ (*уходя подмигиваетъ и подкашливаетъ ей на Петра Валеріан.*) Глафира Акимовна, кхе, гм, понимаете?

Глаша. Идите ужъ, не бойтесь, понимаю.

Журавлевъ (*направляясь нальво*). Пожалуй на день хватить этой штуки. Да мнѣ бы только протянуть день, два. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Глаша и Петръ Валер.

Петръ Валер. (*проходя мимо дома, молча кланяется ей издали*).

Глаша. Гуляете?

Петр. Валер. Гуляю.

Глаша. Разгуляться есть гдѣ, мѣста у насъ много. Небось, устали отъ гулянья то? Присядьте.

Петр. Валер. Нѣтъ, очень благодаренъ.

Глаша. Ну, присядьте. Коли васъ барышня зоветъ, должны вы подойти.

Петръ Валер. (*присаживаясь невдалекѣ отъ нея, про себя*). Дѣвица смѣлая.

Глаша. Хрущевка наша полюбилась вамъ?

Петръ Валер. Да, очень нравится.

Глаша. А когда она будетъ ваша, будетъ вамъ пріятно?

Петръ Валер. Какъ, что?.. (*Про себя*). Какія штуки, ловко какъ выспрашиваетъ! (*Ей*). Нѣтъ, ей моей не быть.

Глаша. А можетъ будетъ. А вы не будьте столь робки, вы посмѣлѣе... Папашку мы заставимъ, онъ вѣдь гордый, онъ весь въ меня. Въ одномъ послушайте: не будьте столь робки.

Петръ Валер. (*про себя*). Что это, чортъ возьми, за разговоры? Чего тутъ Журавлевъ ей насказалъ, что онъ напуталъ? (*Ей*). Нѣтъ-съ, о Хрущевкѣ я не думаю, я думаю о нашемъ маленькомъ имѣніи, и больше ни о чемъ.

Глаша. Ужъ и будто? Объ барышнѣ вы объ одной не думаете, которая—влюбленная brunetka?

Петръ Валер. Нѣтъ, не думаю.

Глаша (*про себя*). Дуракъ какой-то, чисто какъ младенецъ! (*Встаетъ, срываетъ съ клумбы цвѣтокъ и подаетъ ему*). Вотъ вамъ для перваго знакомства аленькій цвѣточекъ. Не опасайтесь: дѣвица, у которой есть душа, васъ можетъ за- всегда понять. Адью, прощайте! (*Быстро уходитъ направо въ садъ*).

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Петръ Валеріановичъ и потомъ посланный.

Петръ Валер. Какая чепуха! Да что это, признаніе въ любви, или какія нибудь штуки? Вотъ тутъ и разбирай! (*Увидя посланнаго мужика съ кнутомъ*). Тебѣ кого?

Мужикъ. Изъ города. Журавлеву господину телеграмма.

Петръ Валер. А, телеграмма? Давай сюда. (*Распечатываетъ ее и читаетъ*). „Буду непременно завтра къ вечеру. Егоровъ“. Ну, слава тебѣ Господи! (*Мужикъ*). Пойдемъ со мной, сейчасъ я поищу его, пойдемъ! (*Уходитъ въ сопровожденіи мужика нальво*).

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Глаша и Арина.

Глаша (*почти насильно вытаскивая мать изъ сада*). Да ну, не бойтесь, какія вы невѣроятныя, мамаша, ей Богу же, да вы спросите сами у него. (*Видя, что Сухомлина уже нѣтъ*). Ахъ, жаль, ушелъ!

Арина. Да дура, какая ему сласть въ тебѣ, въ мужичкѣ? Одно, пожалуй, что Хрущевка-то ему соблазнъ.

Глаша. Хрущевка—это тамъ само собой; а онъ въ меня влюбленъ до страсти! Ну, чисто какъ дуракъ сидитъ, весь обробѣлъ, молчитъ—ни слова отъ него не выбьешь.

Арина. Ну-къ что-жъ, давай. Богъ! Одно тебѣ скажу: папашка ежели узнаетъ—и такъ-то исколотить насъ съ тобой,—вѣкъ не забудемъ.

Глаша. Ну, нѣтъ, теперь—шалишь, дворянку-то, позвольте, не посмѣть. (*Изъ флигеля идутъ Сухомлина и Акимъ*).

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣже, Сухомлина и Акимъ.

Сухомлина. Повѣрь, Акимъ, я очень рада, что такъ кончилось; я врагъ всѣхъ этихъ споровъ, непріятностей, исторій...

Акимъ. Помилуйте-съ,—да нешто мы посмѣемъ,—ужъ кажется чего ужъ лучше, какъ ежели—по божески! (*Слѣва входятъ Журавлевъ и Сухомлинъ. Трифонъ слѣдуетъ за ними поодаль*).

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Трифонъ, Журавлевъ, Сухомлинъ и прежніе.

Журавлевъ (*кланяясь Сухомлиной*). Мое почтеніе, Варвара Николаевна, съ добрымъ утромъ.

Сухомлина. Здравствуйте. А я вамъ скажу новость. Мы помирились съ нимъ. (*Показываетъ на Акима*). Онъ получилъ съ меня сорокъ рублей, которые ему Семенъ былъ долженъ, и выдалъ мнѣ росписку въ томъ, что онъ Семена и его семью освобождаетъ отъ работы и отъ службы.

Журавлевъ. Вотъ какъ, очень радъ. (*Беретъ у Сухомлиной росписку и просматриваетъ ее*).

Акимъ. Росписка въ аккуратѣ, какъ должно, обману ничего, ни въ одномъ словѣ.

Глаша (*бросаясь къ ручкѣ барыни*). Здравствуйте!..

Сухомлина А, здравствуй моя милая, какъ поживаешь?

Глаша. Въ такомъ блаженствѣ я теперь, въ такомъ блаженствѣ!.. Ахъ, въ какомъ блаженствѣ!

Сухомлина. Отъ чего?

Глаша. Отъ счастья. Такое мнѣ полѣзло счастье!..

Сухомлина. Да что такое?

Глаша (*взянувъ на Сухомлина*). Нѣтъ-съ, такъ, ничего-съ.

Сухомлина. Да что у васъ, ужъ не затѣивается ли свадьба, а?

Акимъ. Нѣтъ-съ, свадьбы никакой, Богъ милъ.

Глаша (*барынь*). Отъ васъ зависимо... Дѣвица понимать не можетъ, все отъ васъ зависимо.

Арина (*бросается къ Сухомлиной*). Охъ, благодѣтельница наша вы, Варвара Миколаевна! (*Цѣлуетъ ее въ плечо и въ руку*).

Акимъ (*про себя*). Вотъ не помимо сказано: заставь дурака Богу молиться, онъ лобъ прошибетъ. Э, все не въ мѣру, ничего-то не умѣютъ толкомъ, дуры!

Журавлевъ. И я вамъ новость сообщу, Варвара Николаевна: я телеграмму получилъ: Егоровъ будетъ завтра.

Сухомлина. Завтра?

Журавлевъ. Завтра къ вечеру.

Акимъ. Они, примѣрно кто же будутъ, по какой же части?

Журавлевъ. Егоровъ то? Знакомый мой одинъ, онъ въ судѣ служить.

Акимъ. У мирового?

Журавлевъ. Въ окружномъ судѣ.

Акимъ. Гм... такъ-съ. Дѣла имѣете?

Журавлевъ. Имѣю. Вѣдь если правду говорить, Акимъ Акимычъ, я пошутилъ тогда, вѣдь я не управляющій.

Акимъ. Не управляющій? Да ну-те? А мы-то вѣдь, тово,—повѣрили.

Журавлевъ. Да будто бы? Повѣрили?

Акимъ. Повѣрили.

Журавлевъ. Повѣрили?—Напрасно. А на повѣрку то я—адвокатъ, повѣренный присяжный.

Акимъ (*невольно отодвигаясь*). Вотъ что-съ?

Глаша (*обращаясь къ Сухомлиной*). Какіе Александра Дмитричъ чудаки, всегда все въ шутку, ха, ха, ха, ха!.. (*Внезапно останавливается*). Я это такъ, характеромъ смѣшлива... Ничего-съ.

Сухомлина (*тихо сыну*). Что это съ ней такое нынче?

Сухомлинъ (*такъ же*). Я не понимаю.

Сухомлина. Александръ Дмитриевичъ, пожалуйста ко мнѣ на одно слово.

Журавлевъ. Что прикажете-съ!

Сухомлина (*говоритъ ему по секрету*). Мнѣ очень совѣстно съ нимъ такъ вести себя. Не лучше ли заговорить съ нимъ прямо?

Журавлевъ. Какъ угодно; теперь мы этимъ дѣла не испортимъ. Но только ничего изъ этого не выйдетъ, я предупреждаю васъ.

Сухомлина. А можетъ быть. Вѣдь вотъ же онъ съ Семеномъ поступилъ по совѣсти.

Журавлевъ. По совѣсти? Ха, ха, ха, ха! Ну это ужъ какая совѣсть. Прикажете мнѣ говорить?

Сухомлина. Да, сами вы, пожалуйста.

Журавлевъ. Акимъ Акимычъ, вотъ о чемъ меня Варвара Николаевна проситъ. Вотъ видите, вѣдь мы пріѣхали въ Хрущевку не с проста.

Акимъ (*переглянувшись съ Трифономъ*). То-есть, это какъ-же-съ?

Журавлевъ. А такъ, сударь ты мой, съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ. Хрущевка ихняя имъ очень полюбилась.

Акимъ. Нуте-съ?

Журавлевъ. Желательно-бы имъ ее назадъ оборотить.

Акимъ. Купите-съ. Я продамъ, — я нешто въ чемъ могу противъ сударыни.

Журавлевъ. Продашь?

Акимъ. Продамъ-съ. Для Бога не продамъ, а для Варвары Миколавны, — хоть сейчасъ, ей Богу!

Журавлевъ. А какъ ты десятину цѣнишь?

Акимъ. Какъ встала для себя-съ; двѣсти цѣлковыхъ.

Журавлевъ. Да ты съ ума сошелъ!

Акимъ. Я-съ? Никакъ нѣтъ-съ.

Трифонъ. Вы то извольте счесть: усадьба, то, другое, домъ-съ, опять же нынче земли подымаются...

Петръ Валер. Да ты-то что, тебѣ-то что за дѣло?

Трифонъ. Я дяденькинъ племянникъ-съ, мой священный долгъ, чтобъ, значить, — по гробъ жизни...

Сухомлина. Ну, вотъ что, милый мой, Акимъ Акимычъ, ты это все обдумай, разочти. Я съ удовольствіемъ вамъ заплачу то, что вамъ самимъ стоитъ. Ну, и барышъ дамъ, только не безумный. За нами право по закону, такъ какъ имѣнье это — наше, родовое. Понимаешь?

Акимъ. Понимаю-съ.

Сухомлина. Ну, я пойду. Петруша, ты со мной? Пойдемте, Александръ Дмитричъ, съ нами.

Глаша (*шепчетъ ей*). Варвара Миколавна, мы его уговоримъ, не опасайтесь, мы уговоримъ, не опасайтесь.

Журавлевъ (*уходя съ Сухомлиными*). Да, да, уговорите, постарайтесь.

ЯВЛЕНИЕ 15-е.

Акимъ, Трифонъ, Арина и Глаша.

Акимъ (*стоитъ, какъ ошеломленный*). Ты слышаль, подвернула что: молъ, родовое. Ну, нѣтъ, стой, издохну, не отдамъ!

Трифонъ. Продайте, дяденька, продайте-съ! Какъ моментально вы такъ горячитесь: продавайте-съ!

Глаша. Папашка, продавайте, сдѣлайте такую милость, продавайте!

Акимъ (*дѣлая къ ней движеніе*). Ты что еще? Пошла!

Глаша (*отскочивъ въ сторону*) Какой...сейчасъ и драться.

Акимъ. Трифонъ, подь сюда, со мной пойдемъ. Гдѣ счеты у тебя?

Трифонъ. Въ людской-съ.

Акимъ. Туда пойдемъ. (*Идетъ въ глубину*).

Трифонъ (*на ходу*). Позвольте, дяденька, вамъ объяснить, на эдакой ваканціи продать возможно съ выгодой, ей Богу, по той причинѣ, что извольте разсудить, — желаніе имѣютъ сверхъ границы... (*Уходитъ разговаривая*).

ЯВЛЕНИЕ 16-е.

Глаша и Арина.

Глаша (*бросаясь на шею къ матери*). Мамаша, все сбывается! Какъ онъ сказалъ, такъ все до капельки, все правда! Нѣтъ, вы поймите только все мое блаженство!

Арина. А ты одерживай себя, Глашутка, не годится такъ. Я ей варенья наложу пойду, малины, какъ ты скажешь?

Глаша. Конечно, наложите, не жалѣйте. Ахъ, мамаша... (*Сидитъ, закрывши лицо руками*).

Арина (*уходя*). Вишь, очумѣла дѣвка. Что-жъ, какъ не очумѣть, и очумѣешь, даже очень просто. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Глаша одна, потомъ Семихатовъ.

Глаша. До капельки все правда!.. А какой красавчикъ! Жилеточка какая у него, какъ чисто—голубь бѣленькая... И вдругъ, въ Москвѣ мы съ нимъ! На колокольняхъ звонъ... Въ коляскѣ, въ гости... угощенья всякія! Свѣчей до тыщи! Гдѣ они горятъ у нихъ? — А тутъ—знакомые, и музыка... танцуютъ. Подходитъ генералъ... Вы гдѣ помѣщика? Въ Хрущевкѣ-съ. А музыка-то жарить: тнна, тнна, тнна, тнна!.. Пойдемте танцовать! Пойдемте-съ. (*Зажмуриваетъ глаза*). Тнна, тнна, тнна, тнна! А Петенька-то мой смѣется! А я-то эдакимъ манеромъ, да съ платочкомъ! (*Сама того не замѣчая, слегка приплясываетъ*). Тнна, тнна, тнна, тнна, тнна, тнна, тнна, тнна!

Семихатовъ (*входитъ и останавливается въ недоумѣніи*). Глафира Акимовна, что вы это тутъ танцуете?

Глаша. Ай! Вотъ я осрамилась-то! (*Быстро убѣгаетъ въ домъ*).

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Семихатовъ, потомъ Арина.

Семихатовъ. Что это съ ней такое? Вотъ такъ фунтъ! Что тутъ у нихъ творится? Какіе-то они всѣ, точно бѣлены обѣѣлись, что бы это значило?

Арина (*выходя изъ дома, почти шепотомъ*). Уйдите, батюшка, Иванъ Ивановичъ, сдѣлайте такую милость, не до васъ, ей Богу!..

Семихатовъ. Какъ, то-есть, — уйдите?

Арина. Глашенъка велѣла вамъ сказать — уйдите.

Семихатовъ (*такъ же тихо*). Когда же мнѣ прійти?

Арина. Когда угодно.

Семихатовъ. Семейное у васъ тутъ что-нибудь?

Арина. Семейное-съ.

Семихатовъ. Ну, я въ семейныя дѣла не залѣзаю, до свиданія! (*Уходя, громко*). Ну, положительно они всѣ бѣлены обѣлись. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Арина одна, потомъ Глаша.

Арина (*глядя ему вслѣдъ*). Смирный, великатыный. Сказали и ушелъ; хо-орошій господинъ!

Глаша (*показываясь въ дверяхъ крыльца*). Ушелъ?

Арина. Ушелъ.

Глаша. Ну, втюхтерилась я, мамаша, чисто-срамъ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Декорація перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Силоамскій и Глаша.

Глаша (*входя изъ сада*). Тарасъ Егорычъ, сдѣлайте такое одолженіе, не приставайте вы ко мнѣ, отстаньте! Ну—думала спервоначалу замужъ, а теперь раздумала.

Силоамскій. Нѣтъ-съ, не могу повѣрить, что раздумали; не въ вашемъ возрастѣ.

Глаша. А я раздумала!

Силоамскій. А я не вѣрю. Предпочитаете за Семихатова? Напрасно-съ!

Глаша. Да вотъ ей Богу-же я не пойду за Семихатова.

Силоамскій. Вы то возьмите, ангелъ сердца моего, что я для пламенной моей любви здѣсь вытерпѣлъ, вѣдь я четвертую недѣлю гдѣ живу-съ? Въ избѣ-съ... въ моемъ-то чинѣ! Пеленки, ребятишки... а при томъ—соломой, коноплей—какіе ароматы! Но болѣе всего—квашня!

Глаша. А что же въ ней, въ квашнѣ? Въ ней хлѣбы ставятъ.

Силоамскій. Да-съ, знаю-съ, хлѣбы-съ. Но этотъ духъ слащавый, съ кислотой... для человѣка го

родскаго, для служащаго—невыносимо! (*Небольшое молчаніе*). И послѣ этого всего — отказъ! Нѣтъ, вы жестоки!

Глаша. Ну, что-жь мнѣ съ этимъ дѣлать, если я раздумала!

Силоамскій. Зачѣмъ же я надѣялся, зачѣмъ вы поощряли? Я думалъ, вы съ понятіемъ... А на повѣрку, вы кокетка! Жестокая, жестокая кокетка!

Глаша. Зачѣмъ же вы обидныя слова такія, что даже и понять нельзя...

Силоамскій. Въ названіи кокетка собственно обиды никакой не заключается. Кокетка—означаетъ тотъ характеръ, когда при хладнокровіи въ душѣ своей... (*Увидя вошедшаго Акима*). А вотъ и самъ Іоакимъ Іоакимычъ! (*Направляясь на встрѣчу Акиму*). Здравствуйте!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же и Акимъ.

Акимъ. Ага,—тебя-то я, братъ, и ищу, Тарасъ Егорычъ!

Силоамскій. Чѣмъ я могу служить?

Акимъ. Да вотъ, тутъ надо у тебя совѣтъ спросить на счетъ законовъ. Тарасъ Егорычъ, ты законы твердо знаешь?

Силоамскій. Знаю-съ.

Акимъ. Всѣ?

Силоамскій. Не всѣ, но многіе. Вамъ для какой-же цѣли; для руководства въ уголовныхъ преступленіяхъ, или, наоборотъ, для дѣлъ гражданскихъ?

Акимъ. Мнѣ насчетъ имѣнья.

Силоамскій. Десятый томъ, гражданскіе. Такъ-съ. Ну-те?

Акимъ. Какъ тамъ показано насчетъ имѣньевъ родовыхъ?

Силоамскій. Въ какомъ, то-есть, смыслѣ?

Акимъ. Насчетъ того, что можно будто-бы наслѣдникамъ ихъ выкупать, обратно значить.

Силоамскій. Да-съ, весьма возможно-съ. До истечения трехгодового срока со дня законнаго совершенія купчей.

Акимъ (*сосредоточенно*). Трехгодового?

Силоамскій. Да-съ, трехгодового.

Акимъ. А по какой цѣнѣ?

Силоамскій. По той цѣнѣ-съ, которая означена по купчей.

Акимъ. А коли въ купчей-то показана не вся цѣна, коли тамъ, въ купчей, меньше половины?

Силоамскій. Тѣмъ для васъ лучше, вы, значить, меньше половины и заплатите, за полцѣны имѣнье и возьмете.

Акимъ. Тутъ, другъ сердечный, толкъ не про меня, не я возьму, а у меня хотятъ отнять Хрущевку.

Силоамскій. А, вотъ что-съ?... Сожалѣю васъ душевно, по той причинѣ, что законъ прямой.

Акимъ. И ничего сверхъ купчей съ нихъ взять нельзя?

Силоамскій. Никакъ нельзя-съ, въ законѣ это ясно обозначено.

Акимъ (*подвигая ему стулъ*). Присядько-ся. А если распродать все, понимаешь, — перепутать, можно?

Силоамскій. Я полагаю—да, конечно, перепутать все возможно.

Акимъ. А ты возьмешься?

Силоамскій. Я? (*Отрицательно качая головой*). О, нѣтъ, не компетентенъ, я болѣе дѣла бракоразводныя. Для этого учреждены другія лица: повѣренныя по дѣламъ, адвокатура, и прочія подобныя, имѣющія, такъ сказать, законную правоспособность. Весьма жалѣю я, Іоакимъ Іоакимовичъ, что вамъ грозитъ подобная бѣда; повѣрьте, что душою соболѣзную.

Акимъ. Поутру нынче этотъ заправило ихній объявилъ, — молъ, деньги внесены по купчей, двадцать двѣ тыщи.

Силоамскій. Вотъ ихъ вамъ и вручатъ по разбирательствѣ.

Акимъ (*сдвинувъ брови*). Чего? Ну нѣтъ, стой они, я что нибудь придумаю.

Силоамскій (*молча поглядѣвъ на Акима и на Глашу*). Н-да, это грустно!.. грустно. (*Послѣ небольшого молчанія*). Часы у васъ вѣрны, Іоакимъ Іоакимовичъ?

Акимъ. А что? Второго десять.

Силоамскій. Не будетъ-ли у васъ какого порученія въ нашъ городъ? Я нынче вечеркомъ, по холодку, намѣреваюсь выѣхать обратно.

Акимъ (*занятый своею мыслью*). Какія порученія, — нѣтъ, спасибо... Долбней меня пришибли, чортъ-бы ихъ побралъ, въ башку-то ничего не лѣзетъ, право!

Силоамскій. Въ такомъ случаѣ — до свиданія! (*Глашѣ*). Мадемуазель, имѣю честь вамъ кланяться, насильно милъ не будешь, по пословицѣ. Гм... да, весьма, весьма печально!. (*Про себя*). Двадцать четыре дня погибли безвозвратно... (*Акимѣ*). Мое почтеніе-съ. (*Уходя*). Весьма, весьма печально! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ же безъ Силоамскаго.

Глаша. Ну, слава тебѣ Господи, ушелъ! Какъ надоѣлъ! Папаша, можно мнѣ сказать вамъ кой объ чемъ?

Акимъ. О чемъ еще?—Отстань, не до тебя!

Глаша. Напрасно вы въ отчаянность приходите, папаша. Вы думаете все, папаша, что я дура, а вы послушайте меня, все и поправится.

Акимъ. Кто тебя знаетъ,—бываетъ, что на грѣхъ изъ палки выстрѣлитъ,—ну, ну!

Глаша. Вы напишите намъ гербовую бумагу, что послѣ вашей смерти вся Хрущевка отойдетъ ко мнѣ и къ моему мужу, вся дочиста.

Акимъ. Ну, ну?

Глаша. Никто ее у васъ тогда и отымать не станетъ.

Акимъ. Что ты врешь?

Глаша. Ну ужъ, у васъ все врешь! И будете тогда вы съ нами жить, всему хозяинъ, а я сейчасъ же замужъ выйду.

Акимъ. За кого?

Глаша. А за него.

Акимъ. Да за кого, дубина?

Глаша. Какіе вы, ей Богу, непонятные! Да за него, за жениха мово, за Пѣтру Валеріаныча.

Акимъ. Что, что?...

Глаша. А то, что онъ въ меня влюбленъ, и сватался; вчерась мнѣ ихній управитель говорилъ про это, Александра Дмитричъ.

Акимъ. Ну, значитъ и опять обманъ, опять ты дура! Постой, ужъ этого я зубоскала проучу.

Глаша. Папаша, мнѣ на васъ чудно, ей Богу; не вѣрите — когда все именно такъ точно есть,

какъ я вамъ говорю. (*Видя входящаго Петра Валеріановича*). Да вотъ онъ самъ идетъ, женихъ мой, вотъ и спросимъ.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же и Петръ Валеріановичъ.

Петръ Валер. Акимъ Акимычъ, мамаша вамъ просила передать, что мы сегодня уѣзжаемъ. Она велѣла лошадей закладывать.

Акимъ. И очень превосходно-съ.

Глаша. Какъ—уѣзжаете, да это что-жъ такое?

Петръ Валер. Ахъ, здравствуйте, Глафира Акимовна, я васъ и не замѣтилъ.

Глаша. Здравствуйте. Вы нешто уѣзжаете?

Петръ Валер. Да, скоро, какъ будутъ лошади готовы.

Глаша. Вотъ это разчудесно! Какъ же вы такъ можете?

Петръ Валер. А что?

Глаша. Да какъ же вы такъ можете? А что вы говорили мнѣ вчерась?

Петръ Валер. Я? что такое?

Глаша. Вашъ управитель приходилъ отъ васъ...

Акимъ. Молчи Глашутка!

Глаша. Не суйтесь вы, папаша, это не до васъ касающееся!

Петръ Валер. Я понимаю, на что вы намекаете, Глафира Акимовна. Мнѣ Журавлевъ вчера признался,—онъ вамъ наговорилъ какихъ-то глупостей, о томъ, что будто я хочу жениться...

Глаша. Да-съ, жениться.

Петръ Валер. Я очень разсердился на него за это. Даю вамъ слово, что я тутъ не при чемъ,

Глафира Акимовна. Я вовсе не способенъ на такія шутки, глупыя и неприличныя.

Акимъ. Ужъ это что за шутки, дѣвицу смущать прельщеніемъ!..

Петръ Валер. Ей Богу, я тутъ не причемъ.

Глаша. Такъ, значить, это съ вашей стороны одинъ обманъ и больше ничего?

Петръ Валер. Да неужели же вы думали, что это правда?

Глаша. Чисто прелесть! Ха!.. довольно деликатно! Тѣфу! (*Уходя и удерживая слезы. Про себя*). Ахъ, шутъ васъ подери, вотъ ты тутъ и влюбляйся въ нихъ!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Петръ Валеріановичъ и Акимъ.

Петръ Валер. (*съ досадой*). Однако, это все ужасно непріятно. (*Идетъ къ двери*).

Акимъ. Ваша истина, пріятность небольшая, — похвалить тутъ не за что.

Петръ Валер. (*у дверей*). Да, вотъ еще о чемъ. Матушка моя желаетъ взять съ собой Дуняшу, а Трифонъ не даетъ ея вещей, пожалуйста велите отпустить ее безъ ссоръ и споровъ.

Акимъ. Не могу-съ.

Петръ Валер. Что — о?

Акимъ. Такъ-съ, не могу-съ.

Петръ Валер. Я такъ и передамъ.

Акимъ. Да, такъ и передайте. (*Петръ Валеріановичъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е

Акимъ, потомъ Трифонъ.

Акимъ (*глядя ему вслѣдъ*). Что взялъ? Нѣтъ, братцы, погоди, не на того напали! (*Входитъ Трифонъ*). Дуняшку, Семку и Матрену не пущать!

Трифонъ. Я, дяденька, распоряженіе сдѣлалъ-съ, все выполнѣ-съ и окончательно-съ.

Акимъ. Слышь, Трифонъ, нынче въ ночь мы съ тобой въ городъ.

Трифонъ. Съ какимъ предназначеніемъ, для чего-съ?

Акимъ. Къ нотаріусу, адвоката разыскать. А окромя того—переведу все, заложу, продамъ. И на тебя, и на Терентія Саввича, и на Арину, и на Глашку... переведу, напятаки все размѣняю, всю Хрущевку, — вотъ онъ и собирай ее тогда, ищи, свищи!

Трифонъ. Да-съ, этимъ рикашетомъ вы ихъ, дяденька, огрѣете довольно основательно.

Акимъ. Стой, погодятъ они, вдвоемъ-то мы возьмемся—не съ такими справимся!

Трифонъ. Я такъ осмѣлюсь высказать: вдвоемъ то мы и на ведмѣдя ежели... и то не страшно-съ.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же и Глаша.

Глаша (*выходитъ изъ сада*). Папаша, Семка тамъ пришелъ.

Акимъ. Гдѣ?

Глаша. Тамъ въ саду.

Акимъ. Не къ спѣху. (*Трифону*). Про сватанье, про ихнее ты слышалъ?

Трифонъ. Про какое-съ?

Глаша. Папаша, перестаньте, будетъ вамъ меня срамить!

Акимъ. Умнѣе будешь! (*Трифону*). Дурѣхъ этой насказали: молъ, сватать тебя будемъ за Сухомлина за сына.

Трифонъ. Вотъ такъ обласкали, — наблюдательно! (*Глашѣ*). А нешто вы повѣрили-съ?

Акимъ. Вишь, захотѣлъ! Да ты ей разкажи, что въ городѣ свинью съ рогами видѣлъ въ апо-летахъ — нешто не повѣритъ?

Глаша. А вотъ и не повѣрю, ужъ будто я не знаю, что это не бываетъ никогда. Ужъ вы придумаєте!

Трифонъ (*бойко взявнувъ на Глашу и качлянувъ въ руку*). Дяденька, позвольте мнѣ вамъ объяснить... положимъ, не во время, ни къ чему, а такъ какъ къ слову...

Акимъ. Ты про чего?

Трифонъ (*указывая пальцемъ на Глашу*). А на счетъ нихъ-съ. (*Глашѣ*). Глафира Акимовна, примите мою руку — сердце! Покрайности, папашу успокоимъ, все устроимъ мило, благородно...

Глаша (*съ удивленіемъ*). Да что ты, али ты съ ума сошелъ?

Акимъ (*останавливая ее*). Молчи, не твоего разсудку дѣло! Трифонъ, говори!

Трифонъ. Я, дяденька, одно скажу-съ: не опасайтесь, чѣмъ ваше дѣло не покончится, мы все устроимъ, обойдемся-съ, новое имѣніе подыщемъ, наплевать! Ужъ кажется вы мою душу видите!

Акимъ. Да, Трифонъ, вижу.

Трифонъ. Моя душа такая-съ: зубами ежели вошьюсь, — замру, ей Богу! Глафира Акимовна, имѣйте то въ виду-съ, я тоже у себя имѣю сердце, и любовь и обожать могу мою супругу вотъ какъ,

напримѣръ, — со восторгомъ, въ точности, не хуже всякаго.

Глаша. Не очень я нуждаюсь, — имѣла жениховъ-то во сто разъ получше!

Акимъ. Обладимъ дѣло, Трифонъ, — присылай сватовъ, по той причинѣ — я тебѣ на пользу, а ты мнѣ.

Трифонъ. Папаша, вѣрьте совѣсти моей, на эдакой ваканціи — на ключья разорвусь для васъ, ей Богу-съ!

Глаша. Ну, вотъ я и у праздника!

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же и Журавлевъ.

Журавлевъ (*входя*). Ну, братецъ мой Акимъ Акимычъ, лошадей закладываютъ.

Акимъ (*отходя въ сторону*). Я, братъ, тебѣ не братецъ. Прощевай!

Журавлевъ. Вотъ какъ ты нынче сталъ: сердиться началъ? — Это хорошо. За то хвалю, что понялъ наконецъ, что на кнутѣ не выѣдешь, что на кривой насъ не объѣдешь.

Акимъ. А можетъ и объѣду, ты какъ думаешь? Ты не хвались, постой маленько, потерпи.

Журавлевъ. А ты повѣжливѣй! (*Кланяется Глашѣ*). Здравствуйте, Глафира Акимовна, мы съ вами не видались нынче. (*Она отворачивается*). Вы на меня сердитесь! Коли и провинился въ чемъ, простите на прощаньи.

Глаша (*раздраженная, дѣлаетъ шагъ къ нему, хочетъ ему отвѣтить и не находитъ словъ*). Я съ вами говорить-то не желаю, вотъ что. Сказала бы я вамъ..... да не приходится. (*Идетъ въ садъ. Журавлевъ хочетъ идти за ней*).

Трифонъ. Моей невѣсты, господинъ, не обижайте. (*Показывая свою руку*). Четыре пуда подымаемъ легкомысленно; имѣйте заключеніе въ своемъ умѣ. (*Уходитъ за Глашей*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Акимъ и Журавлевъ.

Акимъ. Что, налетѣлъ съ ковшемъ на брагу?

Журавлевъ. Налетѣлъ, что дѣлать, по дѣломъ, братъ, налетѣлъ. Такъ, стало быть, она невѣста?

Акимъ. А ты думалъ какъ? Ну, прощевай, отчаливай отседова!

Журавлевъ. Да что ты, что съ тобой? Ты слушай,—ругаться будешь—больше двадцати двухъ тысячъ не получишь.

Акимъ. Нѣ... погодишь! Ты прежде розыщи ее, Хрущевку-то, какъ я ее запрячу, заложу, да на аренду на 12 лѣтъ роздамъ... да, розыщи сперва, а тамъ и будемъ мы съ тобой чай попивать, да разговаривать.

Журавлевъ. Акимъ Акимычъ, слушай, ты вѣдь старикъ съ разумомъ.

Акимъ. Чай, не глупѣй тебя.

Журавлевъ. А не глупѣй, такъ ты меня послушайся. По совѣсти я говорю тебѣ, повѣрь мнѣ, не дури, вѣдь судъ твоихъ всѣхъ этихъ сдѣлокъ не признаетъ, истратишь ты напрасно кучу денегъ, осрамишься и только и всего.

Акимъ (*крѣпко ударяя кулакомъ по столу*). Такъ что-жъ мнѣ дѣлать-то съ тобой, скажи, что дѣлать-то!

Журавлевъ. Постой, не горячись, поди сюда. (*Тотъ подходитъ*). Ну, отвѣчай мнѣ,—какъ ты

самъ-то понимаешь, у графа Ростова Хрущевку ты купилъ или укралъ?

Акимъ. Купилъ.

Журавлевъ. А не укралъ?

Акимъ. Зачѣмъ — укралъ, когда есть документовъ форменныхъ на семьдесятъ на восемь тысячъ.

Журавлевъ. Это, то-есть, дутыхъ-то, пустыхъ-то?

Акимъ. Ну, тамъ какіе ни на-есть, да есть они. (*Ударяя себя въ грудь*). Да вотъ какъ я тебѣ скажу, вотъ разрази меня сейчасъ на этомъ мѣстѣ, — я деньгами ему отдалъ тридцать шесть тысячъ!

Журавлевъ. Знаю. Ну вотъ тебѣ ихъ и даютъ назадъ съ процентами.

Акимъ. Даютъ, да не берутъ, — я не возьму.

Журавлевъ. А не возьмешь, получишь двадцать двѣ, по купчей.

Акимъ. По купчей? А если тамъ обманъ?

Журавлевъ. А кто обманывалъ, все ты же?

Акимъ. Я-же. Ну такъ что-жь? Вѣдь я не васъ обманывалъ, казну, — такъ вамъ-то что за дѣло?

Журавлевъ. Вотъ и выходитъ: самъ себя надулъ, вотъ и поплатишься. А право лучше, братъ, давай по совѣсти.

Акимъ. Да что ты тутъ присталъ ко мнѣ — по совѣсти? Какая совѣсть, когда у насъ всѣ документы есть? Отстань!

Журавлевъ. Ну вотъ и ладно, ну значить и пойдешь на судъ.

Акимъ (*все больше и больше раздражаясь*). Да что ты все меня пугаешь, — судъ да судъ! Ты думаешь, одинъ ты адвокатъ на свѣтѣ? Такого выищу — почищенасъ съ тобой! Постои, отвѣтишь... Ты супротивъ меня рабочихъ подымалъ моихъ, — за это не влетитъ тебѣ?

Журавлевъ. Какихъ рабочихъ?

Акимъ. А Сёмку съ Дунькой, нуко-съ, дай отвѣтъ? А дочери моей что говорилъ? Дѣвицу сомущалъ... Нѣтъ, погоди! Да я съ тебя взыщу, чего ты и не видывалъ, послѣдній сертучишко мнѣ отдашь, въ тюрьмѣ сгною, не огорчайся, вотъ какъ!

Журавлевъ (*съ удивленіемъ*). Такъ вотъ какой ты на повѣрку-то выходишь? Ну, не зналъ я.

Акимъ. Не зналъ? Вотъ посмотри, узнай. А ты, чай, думалъ запрягешь и повезу? Приходи завтра. Такъ долбану... права-то у насъ нынче равныя! (*Слышенъ ямской колокольчикъ, постепенно приближающійся къ дому*). Вишь, ловкіе... двадцать двѣ тыщи! Ахъ вы грабители, ну ужъ разбойники, вотъ навязались...

Журавлевъ (*перебивая его*). Да ты постой, ты не кричи, ты думаешь — обижусь? Стой, да не кричи ты, — кажется тамъ колокольчикъ.

Акимъ. Вамъ запрягли, прощайте, съ Богомъ по морозцу!

(*Изъ сада вбѣгаютъ Трифонъ и Глаша*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же, Глаша, Трифонъ и потомъ Егоровъ.

Трифонъ (*вбѣгая*). Дяденька, какая-то мужчина, картузь съ лакардой, на ямскихъ-съ.

Журавлевъ (*видя входящаго Егорова*). А наконецъ Егоровъ!

Егоровъ (*входя съ портфелемъ*). Елецкій мѣщанинъ Акимъ Акимычъ Недососовъ здѣсь живетъ?

(*Присутствующіе не отвѣчаютъ*).

Акимъ (*послѣ небольшого молчанія*). А вы кто будете?

Егоровъ. Судебный приставъ-съ. Недососовъ — вы?

Акимъ. Пожалуй, что и я. А вамъ что требуется?

Егоровъ. Имѣю вамъ вручить повѣстку и копію съ прошенія.

Акимъ. Съ чьего?

Егоровъ. Вотъ съ ихняго. (*Указываетъ на Журавлева*). Присяжнаго повѣреннаго Журавлева. (*Протягиваетъ руку Журавлеву*). Здравствуйте-съ, мое почтеніе!

Акимъ. Та-акъ. Понимаемъ.

Егоровъ. Не откажите расписаться.

Акимъ. Расписаться? (*Молчаніе*). Чернила-то у насъ вся вышла, нѣтъ чернильницы.

Егоровъ. Не безпокойтесь, у меня съ собой чернильница. (*Вынимаетъ карманную чернильницу и складное перо*). А вотъ и перышко. (*Указывая ему на бумаги, положенныя имъ на столъ*). Вотъ роспишитесь здѣсь.

Акимъ. А ты не торопи, поспѣешь. (*Зоветъ жену*). Аринъ, очки.

Арина. Сейчасъ. (*Небольшое молчаніе*).

Акимъ (*щелкая пальцемъ по бумагамъ, Егорову*). На счетъ чего... касающееся?

Егоровъ. А вотъ вы тамъ прочтете.

Акимъ. А ежели да я не подпишу?

Егоровъ. Какъ вамъ угодно. Тогда я приглашу сейчасъ же старосту и сдамъ ему, и выйдетъ все одно и то же.

Акимъ. Та-акъ. (*Отзываетъ Егорова въ сторону*). Пожалуйста маненечко къ сторонкѣ. (*Говоритъ такъ, чтобы другія не слыхали*). А нешто продавать мое имѣніе я не могу, али въ закладъ отдать али въ аренду?

Егоровъ. Теперь? Нѣтъ до рѣшенія суда всѣ сделки не дѣйствительны.

Акимъ. А вы не врете?

Егоровъ. Какъ странно вы мнѣ говорите, справьтесь сами.

Акимъ (*подумавъ*). Ну, значитъ—подавай перо, плевать! (*Подписываетъ*). Ты слышалъ, Трифонъ? Ограбили, братецъ ты мой, въ отдѣлку!

Трифонъ. Папаша, напрасно вы отчаянность имѣете. Пословица-то не помимо говорится:—Господь не выдастъ, такъ свинья не съѣстъ! Тутъ главная притчина—отыскать оглоблю. Найдемъ и повернемъ, и очень просто!

Журавлевъ. (*Трифону*). А ты, какъ посмотрю я на тебя,—мужчина смѣлый.

Трифонъ. Смѣлый-съ, ничего-съ по нашъ вѣкъ хватить. (*За сценой слышны бубенчики. Присутствующие смотрятъ въ окно*).

Глаша. Трифонъ Павлычъ, подите-ко сюда.

Трифонъ. Чего извольте-съ?

Глаша. А что они у насъ все отберутъ?

Трифонъ. Нѣтъ-съ, не страшитесь, останется еще довольно много-съ.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ же и Петръ Валер.

Петръ Валер. (*одѣтый по дорожному*). Акимъ Акимычъ, матушка моя въ коляскѣ, выйдете къ ней на минутку.

Акимъ (*сердито*). Намъ недосугъ, не обезсудьте, некогда.

Петръ Валер. (*съ замѣтнымъ раздраженіемъ*). Ну, хорошо-съ, она сама придетъ къ вамъ. (*Уходитъ*).

Журавлевъ. Да что ты очумѣлъ, Акимъ Акимычъ?

Акимъ. Что? А нешь не очумѣешь съ вами?

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Входитъ Сухомлина, за ней ея сынъ, Матрена, Дуня и Семихатовъ показывается на балконной двери.

Сухомлина (*входя*). Ну вотъ я и пришла сама къ тебѣ, доволенъ ты? (*Тотъ молчитъ*). Кто изъ насъ вѣжливѣй, я или ты, а, какъ ты думаешь? Дай стулъ! (*Онъ невольно подаетъ ей стулъ*). Я потому пришла, что у меня есть дѣло, которое касается не до меня, а до несчастной этой дѣвушки, Дуняши, и до ея семьи.

Акимъ. На счетъ чего-съ?

Сухомлина (*съ нетерпѣливымъ раздраженіемъ*). Тебѣ это извѣстно, вѣроятно, лучше, чѣмъ комунибудь изъ насъ. Что ты еще затѣялъ, ты не велѣлъ ее пускать со мной, задерживаешь ея вещи?

Акимъ. Ваша истина.

Журавлевъ (*Матрентъ и Семкѣ, которые вмѣстѣ съ Дуней стоятъ поодаль у дверей*). Какія вещи?

Матрена. А сундучишко, батюшка—голубчикъ, сундучишко-съ: три платка, два платишка... ну прочее тамъ что для обиходу...

Семка. А главная причина, что пальто, хорошая, рублей одиннадцать ему цѣна.

Сухомлина. Ты почему же ихъ не отдаешь?

Акимъ. Разсчетъ не конченъ.

Сухомлина. Какой еще разсчетъ, кого ты хочешь обмануть, скажи пожалуйста?

Семка. Росписку онъ вчерась съ меня... я не упомяну, пьяный былъ, въ томъ извините.

Журавлевъ. Ты подписалъ?

Семка. Формально подписалъ, законно!

Журавлевъ. О чемъ?

Семка. Не могу знать. И пять цѣлковыхъ выдалъ мнѣ.

Акимъ. Вретъ онъ, много больше выдалъ. Законная росписка-съ, вотъ извольте. (*Подаетъ ее Сухомлиной*).

Журавлевъ. Надумалъ, значитъ, новую какую нибудь штуку? (*Дунь*). Слушай, милая, поди-ко ты сюда поближе. Да ты чего торопишься такъ уѣзжать отсюда? Недѣльки черезъ три Хрущевка перейдетъ къ Варварѣ Николаевнѣ съ сыномъ, подожди, не долго.

Дуня (*испуганно взглянувъ кругомъ и разомъ опустивъ глаза*). Слушаю-съ.

Сухомлина (*передаетъ росписку Журавлеву*). Это что-то совершенно новое, взгляните! (*Дунь*). Такъ какъ-же, Дуня, не лучше-ли не заводить съ нимъ лишнихъ разговоровъ, подождать?

Дуня (*мѣняясь въ лицѣ*). Какъ вамъ угодно-съ.

Журавлевъ. А ты въ законѣ-то не твердъ, Акимъ Акимычъ, сплеховалъ, братъ! (*Отдаетъ ему росписку*). Варвара Николаевна, росписка эта—совершенно глупый вздоръ,—пусть его ищетъ.

Сухомлина (*вставая*). Ну, стало быть, я уѣзжаю. Акимъ, тебѣ заплатятъ все то, что ты дѣйствительно затратилъ на имѣнье. А лишняго не жди. (*Идетъ къ двери*). Такъ что-жь, Дуняша, ѣдешь ты со мной?

Матрена. А какъ же безъ пальта, вѣдь пропадетъ пальто-то наше, матушка!

Сухомлина (*Дунь*). Или остаться хочешь здѣсь пока?

Дуня (*сдерживая свой испугъ и огорченіе*). Какъ вамъ угодно-съ.

Сухомлина. Ну, до свиданія, стало быть, прощай.

Дуня (*разомъ падая ей въ ноги и заливаясь слезами*). Матушка, спасите... Матушка, не по-

кидайте вы меня!.. Загубить этотъ звѣрь проклятый, въ Сибирь я попаду черезъ него...

Сухомлина (*поднимая ее съ пола и съ трудомъ удерживая слезы*). Милая, зачѣмъ, зачѣмъ?... Ну, хорошо, поѣдемъ, ну, поѣдемъ! Ну полно, перестань же, успокойся, ѣдемъ. (*Уводя ее съ собой, Акиму*). Безсовѣстный! (*Уходитъ съ Дуней. Сухомлинъ слѣдуетъ за ними*).

Журавлевъ (*Акиму*). Въ судѣ увидимся, прощай. (*Егорову*). Я съ вами сяду, въ вашемъ тарантасѣ, ѣдете.

Матрена (*бросаясь къ нему*). Родимый, батюшка, отецъ родной! (*Хочетъ поцѣловать у него руку*).

Журавлевъ. Пусти, зачѣмъ... пусти. (*Идетъ къ двери*).

Матрена (*слѣдуя за нимъ*). Какъ сундучишко-то намъ выправить, отецъ?

Семка. Сундукъ—плевать! Тутъ главная причина, что—пальто, вотъ въ чемъ обида! (*Уходятъ за Журавлевымъ*).

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Акимъ, Глаша, Арина, Трифонъ и Семихатовъ. (Слышны удаляющіеся бубенчики и колокольчикъ).

Акимъ (*едва стоя на ногахъ*). Что-жъ это, какъ же это такъ теперича?

Арина. И подѣломъ тебѣ, вишь грѣховодникъ!

Глаша. Папаша, сядьте, упадете вы. (*Хочетъ его поддержать*).

Семихатовъ. Вы не здоровы? Сядьте.

Акимъ. Нѣтъ, здоровъ я... (*Ударяя кулакомъ по столу*). Кто можетъ супротивъ меня итти, когда это бывало?... Дожилъ! Все одно сидишь въ тюрьмѣ: того — нельзя, такъ — невозможно.

Вотъ-те и законы! Да что же, какъ же это жить-то, а?

Трифонъ. Папашенька, не убивайтесь, все найдемъ-съ. Да нешто мало дураковъ на свѣтѣ? Будьте безъ сумлѣнія, по нашъ вѣкъ хватить.

Акимъ. Ну, ужъ народъ... живу шестой десятокъ, а эдакихъ мошенниковъ не видывалъ, ей Богу! Помилуйте, по формѣ все, на гербовой, въ порядкѣ... и вдругъ законъ нашли, отыщемъ... Вѣдь это караулъ, разбой! Я жаловаться буду, буду жаловаться. Нѣтъ, погодятъ они, постой, постой!...

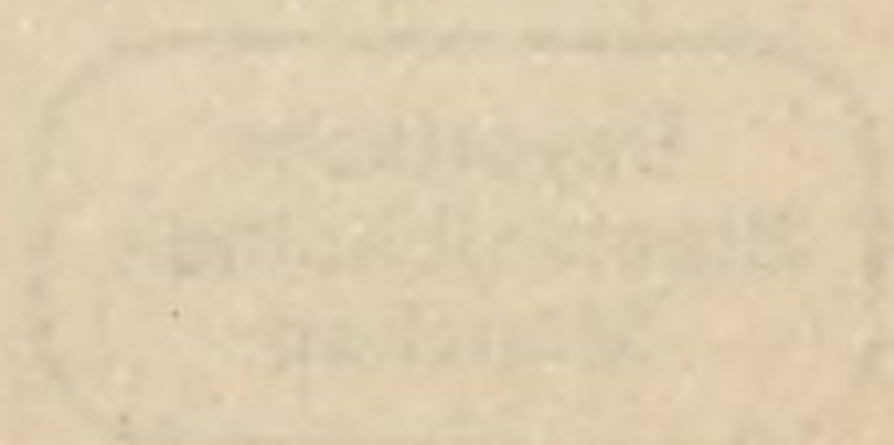
Трифонъ. Папашенька, пренебрегите. Мы эту имъ Хрущевку вотъ какъ разнесемъ въ три-то недѣли, покажемъ имъ, какъ грабить благородныхъ-то людей, которые трудами, неусыпно... денно, ночью...

Акимъ. Трифонъ, то обидно мнѣ: куда не повернись — рогатина! Взманили: полные права, да то, да сѣ... а чуть маленечко сталъ забирать за силье — стой, ну вотъ тутъ и живи!.. Не будь-ко этихъ всѣхъ рогатинъ, Трифонъ, съ нашимъ-то умомъ мы чтобъ надѣлали! (*Женъ*). Арина, квасу, пить. (*Опускается въ огорченіи на диванъ*). Охъ, тѣтеньки, охъ, дяденьки, отцы мои родимые...

Глаша (*въ большомъ недоумѣніи*). И все-таки здѣсь ничего понять нельзя. Скажите, Трифонъ Павловичъ, растолкуйте мнѣ, — что у нихъ вышло?

Занавѣсъ.

THE
JOURNAL
OF
THE
AMERICAN
MEDICAL
ASSOCIATION
PUBLISHED WEEKLY
CHICAGO, ILL., U.S.A.
Vol. 10, No. 1, January 1, 1917
Subscription price, \$5.00 per annum in advance
Single copies, 15 cents
Entered as second-class matter, June 26, 1902
Postpaid
Acceptance for mailing at special rate of postage provided for in Act of October 3, 1917
Authorized by Act of October 3, 1917
Copyright, 1917, by American Medical Association
Printed by the American Medical Association, 535 North Dearborn Street, Chicago, Ill.
Second-class postage paid at Chicago, Ill.
Postmaster: This journal is published weekly except on Sundays and public holidays. It is sent by mail to subscribers at the rate of \$5.00 per annum in advance. Single copies are sold at 15 cents each. The journal is published for the American Medical Association, 535 North Dearborn Street, Chicago, Ill.

Участвующіе въ комедіи „Хрущевскіе помѣщики“
на Императорскомъ С.-Петербургскомъ театрѣ,
гдѣ они поставлены въ Октябрѣ 1889 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Варвара Николаевна Сухомлина урож-
денная графиня Ростова, вдова. . . г-жа *Жулева*.
Петръ Валеріановичъ, ея сынъ. . . г. *Аполлонскій*.
Акимъ Акимовичъ Недососовъ, дере-
венскій кулакъ, владѣлецъ села
Хрущевки г. *Варламовъ*.
Арина, жена его г-жа *Левкѣва*.
Глаша, ихъ дочь г-жа *Стрепетова*.
Трифонъ, дальній родственникъ
Акима г. *Пончинъ*.
Александръ Дмитріевичъ Журавлевъ г. *Никольскій*.
Тарасъ Егоровичъ Силоамскій . . . г. *Писаревъ*.
Иванъ Ивановичъ Семихатовъ . . . г. *Черновъ*.
Семка, портной, бывшій дворовый . г. *Давыдовъ*.
Матрена, его жена. г-жа *Ленская*.
Дуня, ихъ дочь. г-жа *Пасхалова*.
Домна, кухарка. г-жа *Самуйлова*.
Мужикъ г. *Шкаринъ*.
Егоровъ г. *Орловъ*.

Дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ села Хрущевки.

Fedotov, A. F.

Polnoe sobranie dramatičeskich sočinenij i perevodov

Bd.: 2

1890

P.o.russ. 91 u-1/2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11680360-9